

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16
2020
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 16 (306) / 2020

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук (Узбекистан)
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, кандидат архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Карл Роджерс* (1902–1987), американский психолог.

Карл Рэнсом Роджерс родился в Оук-Парке (предмесье Чикаго), штат Иллинойс. Он был четвертым из шести детей Уолтера Роджерса и Джулии Кашинг. По словам Карла, это была замкнутая семья со «строгой, бескомпромиссной религиозно-этической атмосферой, где преклонялись перед добродетелью упорного труда». Долгие годы мальчик находился под влиянием семьи, которая настаивала том, чтобы он избрал духовное поприще. Только будучи уже зрелым человеком, Карл смог освободиться от ее давления и выбрать свой путь.

В юности Роджерс проявил страстный интерес к природе и занятиям сельским хозяйством, делая подробные записи своих наблюдений за растениями и животными. Он собирал и выращивал определенный вид ночных бабочек и прочитал о них все, что мог найти. Он также читал книги по сельскому хозяйству, которые приносил отец, и о применяемых в этой области научных методах.

Сначала он учился в Висконсинском университете, готовился к карьере священника в Объединенной теологической семинарии в Нью-Йорке. А в семинарии заинтересовался психологией и поступил в педагогический колледж Колумбийского университета, где получил магистерскую степень по психологии, а затем и степень доктора.

Первоначально Роджерса интересовали проблемы детской психологии, что нашло отражение в его книге «Клиническая работа с проблемными детьми». Позднее интересы ученого переместились на психотерапию и разработку подхода, известного как «недирективное консультирование» и описанного в вызвавшей полемику работе «Консультирование и психотерапия». Роджерс утверждал, что «клиент» (он использовал это слово вместо слова «пациент») знает лучше, чем кто-либо, в чем заключается его проблема, и вместе с консультантом может сам найти ее решение. Консультант не направляет, не дает советов, не интерпретирует, не хвалит, не высказывает неодобрения, не выдвигает предложений. Основная применяемая им техника — «отражение чувств»: каждый раз, когда клиент говорит, реакция консультанта заключается в сообщении клиенту, как он понимает его мысль или чувство. С помощью такого психологического зеркала клиент лучше понимает собственные проблемы.

Во время работы в Чикагском университете, где Роджерс занимал должность профессора психологии и директора универ-

ситетского консультативного центра, он пришел к выводу, обобщаемому в работе «Центрированная на клиенте терапия», что установки консультанта имеют большее значение, чем его техника. Условия, необходимые для «психотерапевтического изменения личности», создаются, если консультант способен продемонстрировать три существенных качества: «конгруэнтность», т. е. подлинность, реальность, свободу от фасада; «эмпатию», т. е. понимание мира так, как его видит клиент, и возможность донести это понимание до клиента; и «безусловное позитивное отношение», т. е. признание личности клиента и уважение к нему, независимо от его проблем или степени асоциальности.

По возвращении в Висконсинский университет он вел работу в отделениях психологии и психиатрии, а впоследствии начал интенсивную программу исследований, используя психотерапию для лечения больных шизофренией в Государственном психиатрическом госпитале. Роджерс также был сотрудником Западного института бихевиоральных наук в Ла-Джолле, штат Калифорния, — благотворительной организации, занимающейся гуманистически ориентированными исследованиями межличностных отношений, а позже занимал пост в Центре по изучению человека. В последние годы Роджерс ездил по всему миру с семинарами, на которых он демонстрировал психологам и другим работникам сферы психического здоровья, а также педагогам и политикам, как принципы клиент-центрированной терапии могут быть использованы для облегчения напряжения в мире и достижения мирного сосуществования.

Карл Роджерс совместно с Розалинд Даймонд опубликовал разработанный ими опросник социально-психологической адаптации — инструмент, впоследствии названный в их честь и получивший широкое распространение.

Роджерс получил много наград за свой вклад в психологию и был активным членом многочисленных научных обществ. Он первым получил награду Американской психологической ассоциации за выдающийся вклад в науку, а затем еще одну — за выдающиеся профессиональные достижения. В обращении к съезду Американской психологической ассоциации, президентом которой он однажды был избран, он подытожил свой вклад в психологию, сказав: «Я выразил идею, для которой пришло время, как будто камень был брошен в воду и поднял рябь».

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Гоменок А. Ю.

Новые формы мошенничества с электронными платежными средствами и их правовое регулирование.....73

Гончарова О. В.

Прокуратура и ее место в системе государственных органов России75

Жукова Т. В.

О проблемах, связанных с соблюдением очередности текущих платежей в процедуре конкурсного производства76

Жукова А. А.

Проблема отграничения мошенничества с использованием электронных средств платежа от кражи79

Злобин Г. А.

Отдельные категории сотрудников ОВД: особенности правового регулирования их служебного времени80

Иванова Т. Э.

Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов внебюджетных фондов Российской Федерации82

Игнатов Е. А.

К вопросу об устойчивости понятия «машино-место» в российском законодательстве: актуальные вопросы доктрины и практики84

Игонина Е. О.

Проблемы исполнения конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера.....87

Ковалева Е. Ю.

Социальная обусловленность уголовной ответственности за незаконное образование (создание, реорганизацию) юридического лица89

Кузьмина Е. А.

Сравнительный анализ осуществления контрольной функции представительным органом государственной власти в России и зарубежных странах91

Кукин Н. А.

Коррупционное правонарушение: научно-практические проблемы определения понятия, состава, субъекта93

Леденских И. И.

Взаимодействие ветвей власти в системе юридической ответственности судей в РФ 101

Лещев А. П., Воробьева К. И.

От концепции до нового законодательства об административных правонарушениях 103

Максимюк Ю. А.

Поручительство и схожие правовые институты 105

Михельсон А. И.

Принцип свободы гражданско-правового договора в российском праве: содержательный аспект 107

Ожегова Н. А.

О законодательной конструкции выемки 109

Панфилова Е. С.

Законодательство об административной ответственности в области дорожного движения: этапы развития и современность..... 110

Пирожков А. В.

Состояние правовых отношений в сфере функционирования лесопромышленного комплекса России. Контрабанда стратегически важных ресурсов как условие незаконного оборота древесины 112

Пятак А. А.

Сравнительный анализ законодательства об административном правонарушении Российской Федерации и Республики Беларусь..... 117

Ригульская К. В.

Проблемы, возникающие при осуществлении административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы ... 120

Савченков В. И.

Для чего нужен договор..... 122

Суворова О. А.

Правовая природа корпоративных прав 125

Тихонова В. В. Хищение наркотических средств — особая форма хищения 126	Чернова О. В. Участие ОВД в организации и осуществлении общественного обсуждения..... 132
Трофимов В. В. Адвокатские монополии в гражданском судопроизводстве 128	Чирков А. А. Унитарная модель исполнительной власти в США 135
Усков А. А., Хламова Т. Д. Теория конкуренции и социально уязвимые слои населения 129	Шинакова В. В. Особенности правового регулирования труда иностранных граждан в Российской Федерации 137
Хохлова В. С. Совершенствование долевого участия в строительстве 131	Шухтина Н. А. Возбуждение уголовных дел о преступлениях, совершаемых в процессе банкротства..... 140

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Новые формы мошенничества с электронными платежными средствами и их правовое регулирование

Гоменок Алена Юрьевна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье рассмотрены распространенные способы мошенничества с использованием банковских карт, интернет-кошельков и иных электронных средств, такие как скимминг, фишинг, шимминг и др., приведены правовые нормы и обозначены пробелы в законодательном регулировании указанных отношений, судебная практика, сделаны предложения по совершенствованию нормативной базы в сфере мошенничества с электронными платежными средствами.

Ключевые слова: мошенничество, скимминг, фишинг, электронный кошелек, электронное платежное средство, банковская карта, правовое регулирование.

По данным МВД России с января по сентябрь 2019 года в России было зарегистрировано 10,3 тыс. преступлений в сфере мошенничества с использованием электронных средств платежа, что на 417,3% больше, чем за аналогичный период прошлого года [3]. При этом, согласно исследованию ВЦИОМ, за последние 5 лет 87% респондентов все чаще пользуются банковскими картами [1]. В последнее время отмечается увеличение количества способов незаконного списания денежных средств и их усовершенствование. Стремительное развитие технологий вынуждает общество прибегать к новым методам защиты своих данных. В связи с этим актуально рассмотреть некоторые часто встречающиеся способы мошенничества в сфере использования банковских карт и их правовое регулирование.

Перечень электронных платежных средств, являющихся основным объектом посягательств со стороны преступников, постоянно дополняется техническими новинками. Однако прочное закрепление в повседневном обиходе получили лишь некоторые из них. Так, в Федеральном законе «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 N161-ФЗ особое внимание уделяется банковским картам, преступления по подделке и считыванию которых часто совершаются злоумышленниками [8].

Немало правонарушений совершается с системой электронных кошельков. Такой тип мошенничества носит название «фишинг» и заключается в краже личных данных для последующего хищения средств с интернет-кошелька. Более изощренными способами завладения данными является связь

с человеком во время покупки товаров онлайн, размещения предложений о продаже на соответствующих сайтах.

Вполне осуществимой представляется возможность мошенников заполучить деньги со счета владельца путем получения сим-карты, к номеру которой привязан электронный кошелек. В этом случае, при отсутствии должных мер идентификации данное действие прямо позволяет завладеть средствами. При этом в законодательстве не предусмотрен в должном объеме правовой механизм защиты интересов пострадавшего. Аналогичная ситуация рассмотрена в решении Верховного Суда по делу № 5-КГ18–41, где истец требовал возврата незаконных списанных с киви-кошелька 74 000 руб., украденных при получении дубликата сим-карты истца вследствие отсутствия должной идентификации клиентов [2]. Верховный Суд выступил в поддержку пострадавшего, обозначив законодательную необходимость тщательного регулирования процесса оказания финансовых услуг посредством использования электронных ресурсов.

Категория вопросов, связанных с использованием электронных средств платежа отражена в ст. 159.3 УК РФ. Дополнением к этому служит ч. 3 ст. 272 УК РФ о неправомерном доступе к компьютерной информации, а также ч. 1 ст. 187 УК РФ об изготовлении поддельных платежных карт. Несмотря на многократное закрепление элементов мошенничества с банковскими картами в различных статьях Уголовного кодекса, ввиду специфики совершаемых преступлений, по-прежнему существует некоторая неопределенность в их квалификации.

Одним из наиболее известных способов хищения средств с банковских карт является скимминг — использование специальных технических устройств, устанавливаемых на приемнике банкомата, для считывания данных с магнитной полосы пластиковой карты, получение PIN-кода и иной информации с целью хищения денежных средств. Это делается с помощью скиммера, который состоит из миниатюрного преобразователя информации, накопителя и считывающей магнитной головки. Скиммер может быть сделан в виде внешней накладки на кардридер банкомата, либо вставляется прямо внутрь картоприемника. Изготавливаются эти устройства таким образом, чтобы их цвет и форма идеально подходили к банкомату, питаются они от миниатюрных батареек.

Одним из усовершенствованных видов скимминга является шимминг, когда в кардридер банкомата устанавливается считывающее приспособление, называемое шиммер. По схожему принципу происходит считывания данных владельца карты и дальнейшее списание средств.

К 2014 году объем незаконных списаний уменьшился вдвое, что, по мнению экспертов ЦБ, связано именно с чипированием карт [7, с. 3]. Однако на сегодняшний день скимминг приобрел новую форму, путем замены в уникальном адресе сайта одной буквы, что приводит к получению данных. В связи со сложностью учета всех технических деталей данного деяния судебная практика различается в квалификации преступления, опираясь как на положения ч. 2 ст. 272 УК РФ, а именно неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, причинивший крупный ущерб или совершенное из корыстной заинтересованности, так и ст. 187 УК РФ — неправомерный оборот средств платежей.

Данная юридическая неоднородность обусловлена, прежде всего, тем, что техническая сторона подготовительно-орга-

низационного процесса совершения преступления включает применение многообразных средств получения сведений. Неправомерный доступ и перехват с карт данных о ПИН-кодах и информации с магнитной полосы, путем копирования, к примеру, относится к квалификации преступления по ст. 272 УК РФ, в то же время, приискание скимминг-оборудования, поддельных платежных карт предусмотрено ст. 187 УК РФ. В связи с этим представляется необходимость в более конкретном правовом определении настоящего вопроса.

Одним из популярных способов мошенничества является использование чужих и поддельных кредитных банковских карт. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 г. № 51 указано, что такие действия являются мошенничеством при условии их предъявления для обналичивания непосредственно кассиру банка, а не через банковский автомат [5]. Как отмечает П. Л. Сердюк, сложность решения вопросов с мошенничеством путем подделывания кредитных карт, по мнению руководителей банков, связана с недостаточностью правового регулирования данного вопроса [6, с. 55]. Так, обозначается законодательная потребность в дополнении нормы права, в том числе распространении ответственности на незаконное обналичивание средств через банкоматы.

Можно сделать вывод о необходимости совершенствования правового регулирования в сфере мошенничества с банковскими картами пользователей. В 2018 году преступники вывели около 1,3 млрд рублей, что на 44% больше, чем годом ранее (961 млн рублей) [4]. Колоссальные масштабы подобных правонарушений требуют модернизации способов защиты денежных средств на банковских счетах, как технических, так и правовых, путем детализации и конкретизации норм для квалификации различных способов мошенничества.

Литература:

1. Банковские карты против наличных: выбираем удобство. // WCIOM: сетевое изд. 2019. 1 марта. [Электронный ресурс] // URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9581> (дата обращения: 06.04.2020).
2. Верховный суд рассказал, кто в ответе за кражу денег с электронного кошелька. // Интернет-портал «Право.ru». 2018. 20 июня. [Электронный ресурс] // URL: <https://pravo.ru/story/203106/> (дата обращения: 08.04.2020).
3. В России выросло число случаев мошенничества с платёжными картами. // rt.com: сетевое изд. 2019. 13 нояб. [Электронный ресурс] // URL: <https://russian.rt.com/russia/news/686364-rossiya-rost-moshennichestvo-kreditnye-karty> (дата обращения: 05.04.2020).
4. За год мошенники украли с банковских карт россиян 1,3 млрд рублей. // Секрет фирмы: сетевое изд. 2019. 19 фев. [Электронный ресурс] // URL: <https://secretmag.ru/news/za-god-moshenniki-ukrali-s-bankovskikh-kart-rossiyan-1-3-mlrd-rublei-19-022019.htm> (дата обращения: 10.04.2020).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» от 27.12.2007 № 51 // Бюллетень Верховного Суда РФ, 29.02.2008, № 2, ст. 13.
6. Сердюк П. Л. О проблеме борьбы с мошенничеством в сфере банковского кредитования / П. Л. Сердюк // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. — № 33(214). — с. 55.
7. Сухаренко А. И. Скимминг вне закона / А. И. Сухаренко // ЮРИСТ. 2015. — № 37. — с. 3
8. Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 N161-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. [Электронный источник] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/ (дата обращения: 06.04.2020).

Прокуратура и ее место в системе государственных органов России

Гончарова Ольга Владимировна, студент магистратуры
Курский государственный университет

Ключевые слова: прокуратура, государственная служба, прокурорский работник, правовой статус.

История возникновения прокуратуры как надзорной ветви власти началась еще в XVIII веке. Необходимость создания органа, осуществляющего надзор за государственными органами власти, первым ощутил Петр I, при этом на протяжении длительного периода времени он пытался создать наиболее подходящую форму осуществления такого надзора. Петр I организовал работу прокуроров при Сенате, а в последующем и в судах. Таким образом, при высшем органе власти — Сенате — создавался надзорный орган, который должен был сдерживать их вседозволенность. Прежде всего, при введении прокуроров в Сенате и в судах преследовалась цель предупреждения правонарушений в будущем, а также, следует отметить, что деятельность прокуроров была гласной.

В настоящее время роль прокуратуры не изменилась. Основной задачей органов прокуратуры состоит в предупреждении совершений правонарушений, а не выявление их. Хотя при осуществлении предупреждающей функции довольно часто происходит выявление нарушений действующего законодательства.

С самого начала зарождения органов прокуратуры в России и по настоящее время деятельность предупредительной направленности прокуратуры выражается и ранее выражалась, в возложенных на работников прокуратуры обязанностей, прав и полномочий. Во все времена прокурор должен был следовать точному соблюдению закона, своевременно приминать акты реагирования.

Прокуратура всегда занимала особое место, она независима и при осуществлении своей деятельности не подменяет ни один орган власти. Достаточно давно существует данный орган надзорной власти, однако, до настоящего времени нет закрепления его ни за какой ветвью власти, нет четкого закрепления статуса прокурорского работника, и до сих пор не понятно, к какому виду государственной службы относится служба в органах и организациях прокуратуры.

Достаточно странно, что при занимаемом в настоящее время прокуратурой месте не возможно даже на теоретическом уровне сказать, к какой ветви власти она относится. У ученых несколько мнений на этот счет, одни говорят, что прокуратура не относится ни к одной ветви власти, другие относят ее в исполнительной власти, а третьи говорят, что это правоохранительная власть [1].

Еще более запутывает тот факт, что при написании Конституции Российской Федерации ее разработчики включили в главу «Судебная власть» положения о прокуратуре. И почему в настоящей редакции Конституции прокуратуре не выделили отдельной главы, ведь она играет достаточно важную роль в жизни, как самого общества, так и государства. Кроме того, в ст. 129 Конституции сделали ссылку на федеральный

закон, который должен раскрывать полномочия организацию и порядок деятельности прокуратуры, но почему данные положение закрепляются в федеральном законе, а не в федеральном конституционном законе, как деятельность остальных высших органов власти.

Стоит отметить, что содержание положений о судебной власти и о прокуратуре наводит на мысль, что законодатель относит прокуратуру к судебной власти, нарушает принцип правосудия — состязательность. Но исходя из выполняемых функций, логически мысля, мы понимаем, что прокуратура не осуществляет функции судебной власти, а надзирает за их осуществлением. Таким образом, содержание в одной главе положений о судебной власти и о прокуратуре, по моему субъективному мнению, можно расценить, как непродуманность при ее включении в данную главу и непонимание ее составителями природы деятельности прокуратуры в новой, только рождающейся стране.

Каждая точка зрения имеет место на существование, однако, тот факт, что реформа 2011 года о выделении предварительного следствия из деятельности прокуратуры, а также то, что 2014 году внесена поправка к конституции, которая изменила название главы на «Судебная власть и Прокуратура» вместо «Судебная власть», свидетельствует о том, что законодатель отделяет прокуратуру от трех ветвей власти. Теперь же законодатель должен обозначить цель на более четкое законодательное определение надзора, объектов надзора, которое возможно необходимо прописать в основном законе страны или хотя бы принять Федеральный конституционный закон «О прокуратуре РФ».

В законе о прокуратуре закреплены основы правового статуса прокурорских работников и законодательство, его регулирующее. Ключевую роль играет положение о том, что служба в органах и организациях прокуратуры (далее — прокурорская служба) является федеральной государственной службой. Это характеризует не только особенность статуса прокурорских работников как федеральных государственных служащих, но и законодательно детерминирует гарантии независимости прокуратуры от региональных и местных органов власти. Однако данную норму закономерно подкрепить указанием на то, что прокурорская служба — самостоятельный вид федеральной государственной службы, поскольку в ст. 2 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» закреплены виды государственной службы: гражданская, военная и государственная служба иных видов. До 1 января 2016 г. предусматривалось выделение в отдельный вид правоохранительной службы, но закон о ней так и не был принят. В итоге до сих пор неясно, к какому виду государственной службы следует отнести службу прокурорских работников.

Более того, в научной литературе высказано мнение, что такая служба является государственной гражданской. Данная позиция является ошибочной. Еще до принятия в 2004 г. Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» в ст. 40² Закона о прокуратуре говорилось, что на прокурорских работников распространяются ограничения, установленные ст. 11 Федерального закона «Об основах государственной службы Российской Федерации», который с принятием вышеуказанного закона утратил силу. Возник пробел в регулировании данных вопросов, и он был восполнен лишь в 2007 г. Очевидно, с целью решения именно этой проблемы законодатель сделал ссылку на соответствующие статьи Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», в которых предусмотрены ограничения и запреты, связанные с гражданской службой. Но это не означает, что правовой статус прокуроров рассматривается как статус государственных гражданских служащих. Тем более в ст. 40² Закона о прокуратуре есть ссылка только на четыре статьи Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и еще к одной его статье законодатель нас отсылает в ст. 43 при перечислении оснований увольнения прокурорского работника [2].

Таким образом, распространять на прокурорских работников действие Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и считать их государственными гражданскими служащими, безусловно, ошибочно.

Литература:

1. Гуреев И. с. К какой власти следует относить прокуратуру Российской Федерации? [HTML] (<http://rostjournal.ru/?p=936>). 26.12.2018
2. Шобухин В. Ю. Служба в прокуратуре Российской Федерации как вид государственной службы: проблемы правового регулирования и пути их решения // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2015. № 4.
3. Шобухин В. Ю. Некоторые проблемы правового регулирования службы в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 2. С. 8–13.
4. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. № 229. 1992.

О проблемах, связанных с соблюдением очередности текущих платежей в процедуре конкурсного производства

Жукова Татьяна Владленовна, студент магистратуры

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

Согласно статистике, предоставляемой в «Федресурсе» (Единый федеральный реестр сведений о банкротстве, fedresurs.ru // <https://fedresurs.ru/news/7b3c8884-b159-4ee7-b5fb-7770d9d41da>) за прошедшие пять лет доля дел, в которых кредиторы по итогам процедуры банкротства не получили ничего, составляет 65–68% (таблица 1).

Это означает, что в 65–68% всех дел о банкротстве все поступившие за время процедуры банкротства денежные средства денежные средства пошли на удовлетворение текущих платежей.

И в законодательстве, и на практике служба прокурорских работников закономерно рассматривается как федеральная государственная служба, а федеральная государственная гражданская служба — это деятельность на иных специально обозначенных должностях в прокуратуре [3].

Правовой статус работников прокуратуры представляет собой совокупность прав, обязанностей, ограничений и запретов, установленных законодательством и гарантированных государством.

Так, к лицам, назначаемым на должности прокуроров, предъявляются особые требования [4]. В их числе — наличие у кандидата необходимых профессиональных и моральных качеств. При этом не раскрывается, какие конкретно качества имеются в виду. Отчасти данная проблема разрешена в ст. 40⁴ Закона о прокуратуре, где закреплена Присяга прокурора. Более подробно упомянутые качества изложены в Кодексе этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации, которые утверждены приказом Генерального прокурора РФ от 17 марта 2010 г. № 114. Полагаю, что целесообразно включить в Закон о прокуратуре отдельную статью о моральных качествах прокурорского работника.

Таким образом, в настоящее время необходимо принятие Федерального конституционного закона «О прокуратуре в Российской Федерации», внесении изменений в Конституцию РФ, принятие Федерального закона «О прокурорской службе и статусе прокурорского работника».

Закон о банкротстве (статья 134) делит платежи на текущие требования (платежи) и так называемые реестровые и зареестровые требования (платежи). Текущие платежи — те, которые возникли после вынесения арбитражным судом определения о принятии заявления о признании должника банкротом. Реестровые требования — требования кредиторов, возникшие до принятия заявления о признании должника банкротом и включенные в реестр требований кредиторов должника. Зареестровые требования — это требования, которые погашаются

Таблица 1. Результаты процедур конкурсного производства в отношении юридических лиц и крестьянско-фермерских хозяйств

	2015	2016	2017	2018	2019
Количество завершённых процедур конкурсного производства	4851	5782	6689	7252	7634
Количество дел, в которых кредиторы ничего не получили по итогам процедуры	3310	3852	4475	4712	5212
Количество дел, в которых у должника нет имущества, по данным инвентаризации	1975	2369	2511	2686	2822
Доля дел, в которых кредиторы ничего не получили по итогам процедуры, %	68%	67%	67%	65%	68%
Доля дел, в которых у должника нет имущества, по данным инвентаризации	41%	41%	38%	37%	37%
Включенные в реестры требования, млрд руб.	1121.5	1520.3	1458.9	1990.3	2029.9
Удовлетворенные требования, млрд руб.	69.5	97.0	99.1	102.7	95.3
Доля удовлетворенных требований к включенным, %	6.2%	6.4%	6.8%	5.2%	4.7%

после полного удовлетворения требований кредиторов, включенных в реестр требований должника.

Требования по текущим платежам погашаются за счет конкурсной массы преимущественно перед реестровыми требованиями (п. 1 ст. 134 Закона о банкротстве).

Текущие платежи в свою очередь делятся на шесть очередей, которые указаны в п. 1 и п. 2 ст. 134 Закона о банкротстве:

- нулевая очередь — это расходы, связанные с предотвращением техногенных, экологических катастроф или гибели людей, которые могут возникнуть вследствие прекращения деятельности организации или ее подразделений;
- первая очередь — это платежи связанные с судебными расходами по делу о банкротстве, вознаграждение арбитражных управляющих (лиц исполнявших обязанности арбитражного управляющего), оплата деятельности лиц, которых арбитражный управляющий по закону обязан привлекать для исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве (реестродержатель, оценщик, аудитор);
- вторая — оплата труда лиц, работающих или работавших (после даты принятия заявления о признании должника банкротом) по трудовому договору, требования о выплате выходных пособий (в т.ч. НДФЛ и взносы в ПФР);
- третья очередь — оплата деятельности лиц, привлеченных арбитражным управляющим для обеспечения исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве, за исключением лиц относящихся к первой очереди текущих платежей;
- четвертая очередь — требования по эксплуатационным платежам (коммунальным платежам, платежам по договорам энергоснабжения и иным аналогичным платежам);
- пятая очередь — иные текущие платежи.

Требования кредиторов по текущим платежам, относящиеся к одной очереди, удовлетворяются в порядке календарной очередности.

Статья 126 Закона о банкротстве говорит, что арбитражный управляющий осуществляет исполнение всех обязательств должника, но вместе с тем эта статья оставляет возможность кредиторам по текущим платежам предъявлять

исполнительный документ в службу судебных приставов исполнителей либо в банк, в котором открыт расчетный счет должника (ст. 2 Закона N229-ФЗ «Об исполнительном производстве»).

Таким образом, на практике могут возникать случаи, когда очередность текущих платежей нарушается вне зависимости от действий арбитражного управляющего.

Речь о том, когда арбитражным управляющим оспаривается существование либо размер текущей задолженности предыдущей очереди при наличии исполнительных листов, судебных приказов или инкассовых поручений последующей очереди. Например, оспариваются эксплуатационные платежи (четвертая очередь текущих платежей). В это кредитор пятой очереди текущих платежей направляет в банк исполнительный лист. Денежные средства по исполнительному листу будут перечислены ранее, чем оспариваемые эксплуатационные платежи, что приводит к нарушению очередности текущих платежей.

Письма конкурсных управляющих в банк с требованием зарезервировать на расчетном счете денежные средства для погашения оспариваемой задолженности во избежание нарушения текущих платежей проблемы не решают. Постановление Пленума ВАС РФ от 06 июня 2014 г. № 36 говорит, что «кредитная организация осуществляет данную проверку по формальным признакам. Кредитная организация не рассматривает по существу возражения должника против бесспорного списания, в том числе основанные на доводах о неверном указании взыскателем суммы задолженности или момента ее возникновения».

Таким образом, банк беспрепятственно может списывать денежные средства по исполнительным документам, относящимся к текущим платежам.

Существуют способы избежать подобных списаний, в случае если они могут нарушить очередность текущих платежей. Первый — внести оспариваемые денежные средств на депозит нотариуса. Пунктом 3 статьи 327 Гражданского кодекса Российской Федерации предусмотрено, что должник вправе внести причитающиеся с него деньги или ценные бумаги в депозит нотариуса, а в случаях, установленных законом, в депозит

суда — если обязательство не может быть исполнено должником вследствие очевидного отсутствия определенности по поводу того, кто является кредитором по обязательству, в частности в связи со спором по этому поводу между кредитором и другими лицами.

У этого способа существуют свои минусы. Первый — далеко не всегда можно найти такого нотариуса, которому можно внести деньги на депозит. В соответствии со ст. 87 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» принятие в депозит денежных средств и ценных бумаг производится нотариусом по месту исполнения обязательства. Таким образом денежные средства должны перечисляться на депозит нотариуса по местонахождению кредитора либо должника. Если и кредитор, и должник находятся в небольшом городе, может не найтись ни одного нотариуса, готового принять денежные средства на депозит.

Второй минус — это плата нотариусу. Она состоит из платы за совершение нотариальных действий и оплаты услуг правового и технического характера. Плата за совершение нотариальных действий составляет 0,5 процента принятой денежной суммы или рыночной стоимости ценных бумаг, но не менее 1 000 рублей (пп. 8 п. 1 ст. 22.1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате). Размер платы за услуги правового и технического характера устанавливается ежегодно Федеральной нотариальной палатой на основании статьи 30 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, например для Москвы в 2020г эта плата составит 7 000 руб. и начиная с 6-го и за каждого последующего кредитора по 1 000 руб. При этом плата нотариусом берется всякий раз, когда вносятся на депозит денежные средства. Таким образом, если на расчетном счете имеется требуемая сумма для внесения на депозит нотариуса полностью, то услуги нотариуса оплачиваются один раз. Но если суммы полностью на счете нет, и в связи с этим деньги будут вноситься по частям, то каждый раз нотариус будет брать плату. Следовательно, внесение денежных средств на депозит нотариусу может стать весьма дорогостоящим мероприятием.

Другой способ избежать нарушения очередности текущих платежей — это получить определение суда о принятии обеспечительных мер в виде запрета банку списывать денежные средства с расчетного счета должника по исполнительным документам, судебным приказам, инкассовым поручениям и другим документам, взыскание по которым производится в бесспорном порядке.

Здесь в свою очередь существуют трудности с доказыванием необходимости применения обеспечительных мер. Суды часто отказывают в обеспечительных мерах, ссылаясь на п. 13 Постановления Пленума ВАС РФ от 09.12.2002 N11 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации». В данном постановлении говорится, что арбитражные суды не должны принимать обеспечительные меры, если заявитель не обосновал причины обращения с заявлением об обеспечении требования конкретными обстоятельствами, подтверждающими необходимость принятия обеспечительных мер, и не представил доказательства, подтверждающие его доводы.

Возможно, практика отказа в обеспечительных мерах поменяется после принятия Верховным Судом РФ определения от 27.12.2018 № 305-ЭС17-4004(2).

В данном определении Верховный суд РФ указал: «Закон действительно требует от заявителя обосновать помимо прочего причины обращения с заявлением об обеспечении иска (пункт 5 части 2 статьи 92 АПК РФ, пункт 10 постановления № 55). В то же время обеспечительные меры являются ускоренным и предварительным средством защиты, поэтому правила доказывания их оснований не аналогичны тем, что применяются при доказывании обстоятельств по существу судебного спора, когда от стороны требуется представить ясные и убедительные доказательства обстоятельств дела либо доказательства, преобладающие над доказательствами процессуального противника. Для применения обеспечительных мер достаточно подтвердить разумные подозрения наличия предусмотренных частью 2 статьи 90 АПК РФ оснований».

И все же данные способы не являются панацеей.

Вместе с тем законодательством предусмотрен и описан способ избежать бесконтрольного списания с расчетного счета должника денежных средств. Пункт 40.2 Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.07.2009 N60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.2008 N296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» говорит: «Для обеспечения исполнения обязанности должника (в том числе гражданина) по возврату задатков, перечисляемых участниками торгов по реализации имущества должника, внешний или конкурсный управляющий по аналогии с пунктом 3 статьи 138 Закона о банкротстве открывает отдельный банковский счет должника.

В договоре такого банковского счета должника указывается, что денежные средства, находящиеся на этом счете, предназначены для погашения требований о возврате задатков, а также для перечисления суммы задатка на основной счет должника в случае заключения внесшим его лицом договора купли-продажи имущества должника или наличия иных оснований для оставления задатка за должником.

Требования участника торгов о возврате задатка с указанного отдельного счета удовлетворяются только в пределах уплаченной им суммы задатка; остальные же его требования (об уплате второй суммы задатка и о возмещении убытков — пункт 2 статьи 381 ГК РФ) удовлетворяются в общем порядке в четвертой очереди текущих требований».

Ст. 133 Закона о банкротстве Закона о банкротстве предписывает предприятию-банкроту иметь один основной расчетный счет должника. Пункт 40.2 об открытии спецсчета для внесения задатков в торгах был внесен законодателем после того, как в ряде дел о банкротстве с основного расчетного счета должника были списаны по исполнительным документам суммы задатков, внесенных для участия в торгах, и конкурсные управляющие начали обращаться в суд с о признании незаконными действий банка по списанию денежных средств (дела А48-3827/2011, А48-3673/2011).

Данное предписание законодателя безусловно позволило избежать последующих проблем по возвращению задатков и обе-

зопасить потенциальных покупателей имущества банкротов от потерь, а также в целом увеличило привлекательность покупки имущества предприятий-банкротов на торгах.

Представляется логичным превентивно внести в законодательство положения, которые позволяли бы арбитражным управляющим открывать спецсчет для резервирования денежных сумм по текущим платежам, в отношении которых нет ясности в связи с наличием спора между должником и кредитором.

В настоящее время растет число заявлений о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности. По данным «Федресурса» (Единый федеральный реестр сведений о банкротстве, [fedresurs.ru // https://fedresurs.ru/news/49c41551-a149-431a-8fb4-6e584b28f9b7](https://fedresurs.ru/news/49c41551-a149-431a-8fb4-6e584b28f9b7)) суды в январе-марте 2019 года удовлетворили 430 заявлений о привлечении к ответственности лиц, контролирующих компании-банкроты, в 1,5 раза больше, чем в аналогичном периоде 2018 года (280 заявлений).

Многие из контролирующих должника лиц являются работниками предприятия-банкрота. Часто уже в процедуре на-

блюдения при проведении анализа финансового состояния должника и анализа сделок становится очевидным наличие оснований для привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, хотя полный круг контролирующих должника лиц на этапе наблюдения может быть еще неизвестен.

В случае существования задолженности по заработной плате контролирующих должника лиц и при наличии оснований для привлечения их к субсидиарной ответственности логично было бы задержать выплату им заработной платы до вступления в законную силу судебного акта по заявлению о привлечении к субсидиарной ответственности, а суммы причитающейся зарплаты и выходных пособий резервировать на спецсчете. Такая мера представляется справедливой особенно при наличии задолженности по заработной плате перед другими работниками должника.

Помимо того, в конкурсном производстве нередко оспариваются другие текущие платежи. Резервирование на спецсчете сумм и по другим оспариваемым текущим платежам также послужит устранению нарушения очередности текущих платежей.

Проблема отграничения мошенничества с использованием электронных средств платежа от кражи

Жукова Анастасия Алексеевна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

За последние годы увеличилось использование безналичных и электронных денежных средств, их переводов, широко распространенной стала функция бесконтактной оплаты. Развитие общественных отношений в данной сфере повлекло увеличение числа хищений безналичных денежных средств, в связи с чем возникла необходимость в актуализации уголовно-правовых норм в части противодействия хищениям с банковских счетов, а равно электронных денежных средств.

Изменениям в 2018 году подверглась ст. 159³ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [1], которая теперь предусматривает ответственность за совершение мошенничества с использованием электронных средств платежа (ранее при совершении мошенничества данного вида предполагалось использование платежных карт), а в ст. 158 УК РФ, предусматривающую ответственность за совершение кражи, был введен п. «г» ч. 3) [2]. По своему характеру, действия, охватываемые данными составами, а также последствия, выраженные в причинении имущественного ущерба потерпевшему, являются схожими, в связи с чем на практике возникли трудности с их разграничением.

И кража, и мошенничество с использованием электронных средств платежа, являются формами хищения. Кража определяется уголовным законодательством как тайное хищение чужого имущества. Долгих Т. Н. также отмечает, что для разграничения данных деяний необходимо обратить внимание на

способ совершения и в случае установления тайности хищения квалифицировать содеянное как кражу [3]. Но в случае совершения хищения путем обмана деяние квалифицируется как мошенничество.

Пленум Верховного суда РФ рекомендует квалифицировать как кражу, тайное хищение денежных средств из банкомата путем использования конфиденциальной информации (например, пин-кода), полученной от держателя платежной карты [4]. Аналогичной будет квалификация в случае перехвата такой информации с помощью специальных программ. Кража может быть совершена и путем завладения банковской картой потерпевшего с последующим изъятием денежных средств с карты.

Данное положение, прежде всего, следует обосновать тайностью такого хищения для потерпевшего, в связи с чем он не может ему воспрепятствовать.

Прежняя редакция ст. 159³ УК РФ содержала указание на способ совершения мошенничества с использованием платежных карт — обман уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации. После изменений 2018 года этот признак был исключен из диспозиции рассматриваемой статьи. Между тем, применительно к данной статье он сохранился в Постановлении Пленума Верховного суда РФ. Исходя из анализа судебной практики, он до сих пор применяется как критерий отграничения мошенничества с использованием электронных средств платежа от смежных составов.

Рассмотрим проблемный аспект на конкретном примере. Виновное лицо К. незаконно завладело банковской картой потерпевшей, совершило оплату товаров в нескольких торговых организациях на общую сумму 7 574 руб. 50 коп., после чего осуществило снятие денежных средств в банковском терминале. Зареченский городской суд Пензенской области квалифицировал действия К. по ст. 159³ УК РФ и п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ [5].

В первом случае имел место обман кассира, путем оплаты товара похищенной картой. Во втором — тайный способ хищения. Суд полностью применил рекомендации Пленума Верховного суда РФ.

Стоит отметить, что работник торговой организации не осознает незаконность изъятия имущества, не зная истинного владельца банковской карты. В его должностные обязанности также не входит проверка законности прав держателя карты. Продавец-кассир в своих действиях руководствуется презумпцией добросовестности участников гражданского оборота, а виновное лицо, в свою очередь, умалчивает о своей личности, чем вводит его в заблуждение. Таким образом, проявляется пассивный обман. Но по общественно опасным последствиям и ха-

рактеру действий, совершаются практически тождественные деяния, квалифицируемые по разным составам преступлений, что представляется необоснованным.

Здесь необходимо рассмотреть и несоответствие между санкциями, предусмотренными за совершение мошенничества с использованием электронных средств платежа и кражу с банковского счета, а равно электронных денежных средств.

За совершение деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 159³ УК РФ максимальное наказание составляет до трех лет лишения свободы. За совершение преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ — до шести лет с возможностью назначения дополнительного наказания. Отсюда следует, что законодатель считает различной и тяжесть рассматриваемых деяний.

В условиях действия существующего уголовного законодательства данные деяния практически невозможно разграничить. Единственный критерий предлагается в Постановлении Пленума Верховного суда РФ. На практике он, по-прежнему, используется в качестве такового. А необоснованным представляется исключение признака обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации из ст. 159³ УК РФ.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 1996, № 25, ст. 2954.
2. Федеральный закон от 23 апреля 2018 № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 2018, № 18, ст. 2581.
3. Долгих Т. Н. Ответственность за хищение денежных средств с банковской карты // СПС «КонсультантПлюс», 2019.
4. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета, 2017, № 280.
5. Приговор зареченского городского суда Пензенской области от 17.09.2019 года по делу «1–102/2019 / СПС «КонсультантПлюс».

Отдельные категории сотрудников ОВД: особенности правового регулирования их служебного времени

Злобин Григорий Александрович, слушатель

Научный руководитель: Саранкина Юлия Александровна, кандидат юридических наук, зам. начальника кафедры Крымский филиал Краснодарского университета МВД России (г. Симферополь)

Сегодня служба в ОВД определяется как особый вид государственной службы Российской Федерации, а ввиду того, что сотрудники ОВД отличаются от иных государственных служащих как по своему правовому положению, так и по роду осуществляемой ими деятельности, то уместно говорить не только об особенностях осуществляемой ими деятельности, но и об особенностях правового регулирования их служебного времени.

Особый статус сотрудников полиции обусловлен также тем, что они являясь должностными лицами, наделены государственно-властными полномочиями для реализации функций и задач государства в области осуществления правоохранительной деятельности. Кроме того, сотрудники ОВД сами по себе являются особыми участниками служебно-трудовых отно-

шений, что обусловлено условиями труда (службы) и мерами по его охране.

В научной литературе вопрос правового регулирования служебного времени сотрудников ОВД широко обсуждается, что породило дискуссию в научной среде по поводу регламентации служебно-трудовой деятельности сотрудников ОВД не только ведомственными нормативными правовыми актами, но и нормами некоторых отраслей права, в частности трудового [1, с. 78]. Полагаем, что наличие такого рода дискуссии основывается, главным образом, на истории становления и развития законодательства о труде.

Действительно, трудовое законодательство оказало существенное влияние на содержание и регламентацию служеб-

но-трудовых отношений в ОВД. На современном этапе служебно-трудовая деятельность сотрудников ОВД подпадает под сферу действия не только Основного Закона Российской Федерации, закрепившего основные принципы правового регулирования труда, ведомственных нормативных правовых актов, которые являются и узкоспециализированными, поскольку призваны урегулировать непосредственно служебно-трудовые отношения сотрудников ОВД, но и регулируется трудовым законодательством [2]. Кроме того, служебно-трудовая деятельность некоторых сотрудников полиции регулируется особым образом.

Поэтому рассмотрим более подробно особенности нормативного правового регулирования служебного времени отдельных категорий сотрудников ОВД [3, с. 108], что позволит определить позицию законодателя в данном аспекте, выявить недостатки в правовом регулировании служебного времени сотрудников ОВД определенных категорий и наметить пути совершенствования законодательства в этой сфере с целью наиболее полного и справедливого регулирования служебно-трудовой деятельности отдельных категорий сотрудников ОВД.

Особенности служебного времени сотрудников ОВД обусловлены многими факторами, среди которых: условия и характер деятельности; функции, сущность которых исходит из замещаемой должности и соответствующих правовых актов; пол сотрудника; обстановка, действовавшая на момент выполнения служебных обязанностей и прочие факторы. Указанное является основанием для выделения отдельных категорий сотрудников ОВД, в правовой регламентации служебного времени которых имеются особенности.

На основании перечисленных факторов мы можем выделить следующую классификацию таких категорий сотрудников ОВД.

В зависимости от замещаемой должности сотрудника ОВД:

- 1) руководители (начальники) ОВД;
- 2) руководители подразделений;
- 3) подчиненный личный состав (среди которых, сотрудники следствия и дознания; сотрудники уголовного розыска; участковые уполномоченные полиции; сотрудники кадрового аппарата; сотрудники делопроизводства и режима; сотрудники бухгалтерии; сотрудники статистического аппарата; эксперты и др.);
- 4) сотрудники ОВД, проходящие службу в образовательных организациях федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел (курсанты, слушатели, иные сотрудники) [4].

Производя классификацию по указанному основанию, отметим, что замещаемая должность предполагает не только различия в выполняемых функциях, но и различия в правовом регулировании служебного времени сотрудников ОВД, поскольку предполагает различные условия их осуществления. Перечисленные категории сотрудников ОВД осуществляют служебно-трудовую деятельность при разной продолжительности служебного времени. Так, для руководителей (начальников) ОВД и руководителей соответствующих подразделений характерен ненормированный рабочий день, поскольку они, в силу своего статуса, должны аккумулировать информацию о деятельности

подчиненных сотрудников за каждый рабочий день, в том числе они ответственны за результаты их деятельности, что отражается в соответствующих отчетах и справках.

Говоря о подчиненном личном составе, также можем выделить сотрудников, выполнение служебных обязанностей которых предполагает ненормированный рабочий день либо сверхурочное рабочее время. К таким сотрудникам, как правило, относят следователей, дознавателей, оперуполномоченных, участковых уполномоченных и экспертов. Это связано с выполнением служебных обязанностей, предполагающих несение службы в составе следственно-оперативной группы, оперативные задания, отработка материалов и прочее.

Всем остальным присущ, как правило, нормированный рабочий день. Исключения, предусмотренные ведомственными нормативными правовыми актами (например, при несении службы в суточном наряде). Однако, как показывает практика, курсантам и слушателям, привлеченным к несению службы в суточном наряде дополнительное время отдыха либо дополнительные дни отдыха, не говоря уже о дополнительном отпуске, не предоставляются. Наоборот, имеется практика сокращения продолжительности каникулярных отпусков, что оправдывается невыполнением учебного плана, совершением дисциплинарных проступков и др. По нашему мнению, это противоречит нормам действующего законодательства и, соответственно, требует не только освещения в научной литературе, но и разработки конкретных предложений по дополнительному урегулированию правоотношений в указанной сфере.

Изложенное свидетельствует о том, что, ввиду различной продолжительности рабочего (служебного) времени требуется и различное нормативно-правовое регулирование служебного времени некоторых категорий сотрудников ОВД [4].

В зависимости от условий и характера служебной деятельности сотрудников ОВД можно подразделить на такие категории:

- 1) сотрудники ОВД, проходящие службу в районах Крайнего Севера, приравненных к ним местностях и других местностях с неблагоприятными климатическими или экологическими условиями, в том числе в отдаленных;
- 2) сотрудники ОВД, проходящие службу во вредных условиях;
- 3) сотрудники ОВД, проходящие службу в иных регионах России.

Продолжительность рабочего времени для первых двух групп сотрудников ОВД составляет 36 часов в неделю, а для третьей группы — 40 часов в неделю.

Следующим основанием для выделения категорий сотрудников ОВД выступает обстановка, действовавшая на момент выполнения служебных обязанностей. В научной литературе обстановка, вызванная введением военного, чрезвычайного положения, проведением контртеррористической операции, стихийным бедствием или иными обстоятельствами именуется особыми условиями. В связи с чем, выделим следующие категории:

- 1) сотрудники, привлекаемые к выполнению служебных обязанностей в условиях вышеуказанных обстоятельств путем привлечения к выполнению служебных обязанностей в таких условиях, направления откомандирования или временного пе-

ревода сотрудников в иные места службы без изменения ее условий;

2) сотрудники ОВД, выполняющие свои служебные обязанности в обычном режиме [4].

Учитывая сказанное, стоит отметить, что для сотрудников ОВД, относящимся к первой категории, законодательно предусмотрены дополнительные социальные гарантии при ненормированном рабочем дне.

Исходя из половой принадлежности, выделим следующие категории сотрудников ОВД, чье служебное время имеет особенности и требует соответствующей правовой регламентации:

- 1) беременные женщины;
- 2) женщины, имеющие ребенка в возрасте до трех лет;
- 3) женщины, проходящие службу в районах Крайнего Севера, приравненных к ним местностях и других местностях с неблагоприятными климатическими или экологическими условиями, в том числе в отдаленных;
- 4) женщины, проходящие службу во вредных условиях;

5) мужчина или женщина, являющиеся родителем (опекуном, попечителем) ребенка в возрасте до четырнадцати лет;

6) мужчины и женщины, воспитывающие ребенка-инвалида (до достижения ребенком 18 лет);

7) мужчины и женщины, осуществляющие уход за больным членом семьи в соответствии с медицинским заключением.

Четкое нормативное определение служебного времени в ОВД, установление его продолжительности и режима определяются как наиболее важные и эффективные условия, способствующие надлежащему выполнению сотрудниками ОВД возложенных на них задач [5, с. 52].

В целях правильного и единообразного понимания сущности и продолжительности служебного времени целесообразно в Положении о прохождении службы в ОВД закрепить понятие, продолжительность, режим и учет служебного времени для отдельных категорий сотрудников ОВД путем дополнения указанного Положения отдельной главой «Служебное время отдельных категорий сотрудников ОВД».

Литература:

1. Сагандыков М. С. Применение трудового законодательства к служебным отношениям сотрудников органов внутренних дел (на примере института рабочего времени) // Проблемы и вопросы гражданского права // Вестник Южно-Уральского государственного университета. — № 38. — 2010. — С. 78–79. — URL: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-trudovogo-zakonodatelstva-k-služhebnyy-otnosheniyam-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-na-primere-instituta-rabochego-viewer> (Дата обращения: 21.02.2020).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Дата обращения: 19.02.2020); Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (Дата обращения: 19.02.2020).
3. Кобылинская С. В. Совершенствование Российского законодательства о социальном обеспечении // Актуальные вопросы трудового права и права социального обеспечения: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 130-летию со дня рождения профессора И. С. Войтинского // Под общей редакцией Сапфиновой А. А. — Москва, 2014. — С. 105–112.
4. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (последняя редакция). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (Дата обращения: 19.02.2020); Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (Дата обращения: 19.02.2020).
5. Греченков А. А. Особенности правового регулирования служебного времени сотрудников органов внутренних дел // Международная-научно-практическая конференция. 2018. — С. 51–52. — URL: [www. https://elib.amia.by/bitstream/docs/623/1/24012018_51.pdf](http://www.elib.amia.by/bitstream/docs/623/1/24012018_51.pdf) (Дата обращения: 27.02.2020).

Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов внебюджетных фондов Российской Федерации

Иванова Татьяна Эдуардовна, студент магистратуры
Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова (г. Чебоксары)

В данной статье автор рассматривает нормативные правовые акты государственных внебюджетных фондов. Представлено краткое исследование антикоррупционных мер, проводимых фондами для выявления, пресечения коррупционных фактов и дальнейшего совершенствования законодательства о противодействии коррупции.

Ключевые слова: *нормативно-правовые акты, государственные внебюджетные фонды, Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования РФ, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования, коррупция, антикоррупционная экспертиза.*

Anti-corruption expertise of regulatory legal acts of extra-budgetary funds of the Russian Federation

Ivanova Tat'jana Eduardovna, student
Chuvash State University named after IN Ulyanov (Cheboksary)

In this article, the author considers the regulatory legal acts of state extra-budgetary funds. Presented short study of anti-corruption measures taken by the Foundations for uncovering, prevention of corruption facts and further improvement of anti-corruption legislation.

Key words: *normative legal acts, state extra-budgetary funds, Pension Fund of the Russian Federation, Fund of social insurance of the Russian Federation, Federal Fund of obligatory medical insurance, corruption, anti-corruption expertise.*

На данный момент в системе российского законодательства действует множество подзаконных нормативно — правовых актов, объем которых с каждым годом только увеличивается. Однако, среди всех нормативно — правовых актов есть один неприметный, мало привлекающий к себе внимание специалистов в сфере права вид — нормативно — правовые акты внебюджетных фондов (Фонд социального страхования РФ, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования, Пенсионный фонд РФ).

Самой коррумпированной сферой российской экономики, на протяжении последних лет, является сфера государственных закупок [1], несмотря на то, что контрактная система изначально создана для эффективного, целесообразного, прозрачного распределения бюджетных ассигнований. Здесь необходимо сделать акцент на государственные внебюджетные фонды, при помощи которых государство осуществляет финансовую деятельность, распределяет и использует средства для решения разнообразных государственных задач [2. С. 65–66].

Коррупция, коррупционные преступления на протяжении многих лет являются острой проблемой, стоящей перед нашим государством. Уже в 2009 году указом Президента РФ от 12.05.2009 № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [6] коррупция определена как основной источник угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности.

Через систему государственных внебюджетных фондов проходит огромный поток финансовых средств (средств налогоплательщиков). Поэтому такое явление как «коррупция» в органах, основной функцией которых являются социальная защита и социальное обеспечение, просто недопустимо.

В связи с этим, одной из мер, применяемых для устранения фактов коррупции, является проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, а также проектов нормативно — правовых актов. Антикоррупционная экспертиза проводится в соответствии с Федеральным законом от 17.07. 2009 г. № 172 — ФЗ (в ред. от 11.10.2018) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (далее — ФЗ № 172), вступившим в силу 2 августа 2009 года.

Различные лазейки в издаваемых нормативно — правовых актах, допускаемые законодателями, позволяют нарушать закон, в том числе и чиновничьему аппарату. Самым распространенным классическим примером, когда лингвистические ошибки решают судьбу человека, является фраза: «Казнить

нельзя помиловать» [4]. И если в законе будут допущены подобные ошибки, то только конкретный служащий (к примеру, работник фонда) будет решать, как и в каких целях использовать их, поэтому антикоррупционная экспертиза непременно необходима.

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 3 после вступления ФЗ № 172 в силу, каждый из внебюджетных фондов должен был разработать внутренний нормативный акт, регламентирующий порядок проведения антикоррупционной экспертизы нормативных актов (их проектов), издаваемых ими в рамках своих полномочий [5].

Однако, исследовав нормативные акты, изданные в рамках внедрения антикоррупционной экспертизы во внебюджетных фондах, выяснено, что [3. С. 128]:

1) Федеральным фондом обязательного медицинского страхования издан приказ от 27.05.2010 г. (вступил в силу 17.08.2010 г.) № 103 «Об утверждении Порядка проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов)»;

2) Фондом социального страхования РФ издан приказ от 12.11.2010 г. (вступил в силу 21.12.2010 г.) № 239 «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы актов и проектов актов Фонда социального страхования, имеющих нормативный характер»;

3) Пенсионным фондом РФ издано постановление Правления ПФР от 18.11.2010 г. (вступило в силу 04.03.2011 г.).

То есть, ФЗ № 172 вступил в силу 2 августа 2009 года, а внебюджетные фонды особо «не торопились» с принятием и разработкой своих актов, регламентирующих порядок проведения антикоррупционной экспертизы. Как видно выше, 2 из 3 фондов разработали свои положения в течение одного года со дня вступления ФЗ № 172 в силу, а ПФР вовсе на это потребовалось практически 2 года. Почему внебюджетным фондам потребовалось столько времени на разработку непонятно, учитывая что антикоррупционная экспертиза является одной из мер по устранению коррупции, и логичным было бы оперативное реагирование как внебюджетных фондов, так и иных организаций, на указания ФЗ и иных подзаконных актов.

В последнее время деятельность любого государственного органа направлена на повышение прозрачности и информационной открытости своей деятельности. Для реализации данного принципа осуществляются различные меры, в том числе и в антикоррупционном русле. Например, на официальных сайтах внебюджетных фондов любой гражданин может посмотреть справки о доходах, расходах, имуществе и обязательствах

имущественного характера сотрудника данного фонда, его супруги (–а) и несовершеннолетних детей. Однако, нужно заметить, что данные сведения предоставляют отнюдь не все работники внебюджетных фондов, а лишь те, которые попадают в определенный перечень должностей, замещение которых влечет за собой предоставление данных сведений. Сведения предоставляют не все работники фондов, поскольку они не относятся к категории «государственный служащий», что, по нашему мнению, неправильно, и вновь дает лазейки для коррупционной деятельности аппарату служащих.

То же самое можно сказать и о нормативно — правовых актах. Из положений ч. 4 ст. 3 ФЗ № 172 вытекает, что каждый

внебюджетный фонд помимо антикоррупционной экспертизы, проводит также мониторинг применения изданных нормативно — правовых актов. Однако, в официальных источниках (на сайтах фондов) материалы правоприменительной практики не опубликованы, данная информация не раскрывается.

Таким образом, законодательство в сфере противодействия коррупции является несовершенным, необходимы более жесткие нормы, в том числе и при проведении антикоррупционной экспертизы. К тому же, необходимо обратить внимание научного общества на нормативные акты внебюджетных фондов, поскольку они, как и акты других государственных органов, нуждаются в постоянном научном наблюдении.

Литература:

1. Звягина Ж. Названа самая коррумпированная сфера российской экономики / Жанна Звягина // Парламентская газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pnp.ru/economics/nazvana-samaya-korrumpirovannaya-sfera-rossiyskoj-ekonomiki.html>
2. Карасева М. В. Финансовое право Российской Федерации: учебник. М.: КНОРУС, 2012. — С. 65–66.
3. Никифоров М. В. Правовой режим нормативных правовых актов органов управления государственными внебюджетными фондами Российской Федерации // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2015. № 4. С. 118–130.
4. Новоселова Е. Какой язык в законе / Елена Новоселова // Российская газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2016/01/15/obr.html>
5. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Федеральный закон от 17.07.2009 N172-ФЗ // Российская газета. — 22.07.2009. — № 133.
6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента РФ от 12.05.2009 г. № 537 // Собрание законодательства РФ. — 2009. — № 20. — Ст. 2444.

К вопросу об устойчивости понятия «машино-место» в российском законодательстве: актуальные вопросы доктрины и практики

Игнатов Евгений Анатольевич, студент магистратуры
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

В статье автор анализирует доктринальные и законодательные положения, определяющие юридическую сущность и правовой режим машино-места; устанавливает причины отсутствия единообразия в науке и правоприменительной практике; выделяет направления совершенствования правового режима нового объекта имущественного оборота — машино-места.

Ключевые слова: машино-место, недвижимость, правовые признаки, законодательство, парковочное место, здания, правовой режим, транспортное средство, правоприменительная практика.

В настоящий момент термин «машино-место» и его объективизация как самостоятельного недвижимого имущества, получили свою нормативную определенность в ходе реформы российского гражданского законодательства, однако не устранили сложившуюся дискуссию в научных кругах. Так, Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 315-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» п. 1 ст. 130 ГК РФ внесены дополнения «К недвижимым вещам относятся ... предназначенные для размещения транспортных средств части зданий или сооружений (машино-места), если границы таких помещений,

частей зданий или сооружений описаны в установленном законодательством о государственном кадастровом учете порядке». [1].

Однако не все представители научной доктрины согласны с таким положением вещей:

1) По мнению признанных представителей современной российской цивилистики Е. Е. Суханова [2], по аналогии с германским правом к недвижимости стоит относить лишь земельные участки, а все то, что расположено на них является их составной частью. Следовательно, как полагает Е. А. Суханов, о самостоятельности машино-места как объекта говорить рано, поскольку возникновение его правового режима связано

так или иначе с его расположенностью: расчерченность на асфальтовом покрытии связывает машино-место с земельным участком, и правами лица на него; а в случаях с отдельно стоящим гаражом на 2 и более машино-мест, речь идет об одном объекте недвижимости и долевым правам на него. В этом случае становится очевидными, и оправданным фискальные требования государства, в части несения расходов собственниками долей в здании, земельном участке.

2) С этим согласен и В.В. Витрянский [3, с. 151], который являлся родоначальником Гражданского кодекса РФ и отмечает поспешность в принятии его положений в части установления подчиненности судьбе земельных участков, от прав лиц, в отношении располагающихся на них объектов (зданий, строений, сооружений), а не наоборот. В.В. Витрянский убежден, что в настоящей России сформировался рыночный оборот недвижимости, и сейчас реформа гражданского законодательства идет по пути следования европейскому правовому порядку, и установления единства недвижимости, в котором земельный участок (права на него) определяет судьбу располагающихся на нем зданий, сооружений.

3) В некоторых случаях теории отождествляют машино-место с парковочным [4,5], хотя это не соотносится с нормативными документами, анализ которых, в то же время, подчеркивает устойчивость отнесения первого к понятию недвижимого объекта. Так, измененная редакция исключила упоминание зданий, строений из определения парковочного места, подчеркнув тем самым, принципиальное отличие от машино-места. Так, согласно ст. 1 п. 21 ГрК РФ «парковка (парковочное место) — специально обозначенное и при необходимости обустроенное и оборудованное место, являющееся в том числе частью автомобильной дороги и (или) примыкающее к проезжей части и (или) тротуару, обочине, эстакаде или мосту либо являющееся частью подэстакадных или подмостовых пространств, площадей и иных объектов улично-дорожной сети и предназначенное для организованной стоянки транспортных средств на платной основе или без взимания платы по решению собственника или иного владельца автомобильной дороги, собственника земельного участка» [6].

4) Интересен взгляд З.К. Кондратенко [7], который полагает, что машино-место как самостоятельный объект недвижимости не отвечает всем признакам последнего, и, в частности, самостоятельной хозяйственной ценности. В то время как молодые исследователи, не находят серьезных причин к не отнесению машино-места к недвижимости [8]

Очевидно, исходя из вышеизложенного, что источником многообразия теоретических взглядов на машино-место служит не сам объект; предметом дискуссий выступает юридическая природа недвижимости, сложившаяся консервативная основа признаков (свойств) недвижимости, которая безусловно, по нашему мнению, нуждается в своем обновлении с учетом научно-технологического прогресса, расширения государственно-частного партнерства, интеграцией в российскую практику правовых порядков зарубежных стран-партнеров. В этой связи разделяем точку зрения, М.Д. Шапсуговой [9, с. 145], которая считает, нормативное закрепление машино-места как самостоя-

тельного объекта недвижимости связано с тем, что законодатель идет по пути осовременивания традиционных признаков недвижимого имущества (в частности, помещение — это объект, имеющий три измерения); введение в оборот нового термина — площадка (плоскость) позволит придать новый правовой инструментарий для индивидуализации и обособления нетрадиционных объектов недвижимого имущества (машино-место).

В этой связи, далее, следуя формально-логичному последовательному изложению, выделим признаки, свойственные машино-месту как объекту недвижимости:

1) Целевое назначение — хранение (стоянка) транспортных средств. Данный признак нуждается в своей корректировке в свете того, что формально, законодатель не ограничивает управомоченных лиц на использование машино-мест под размещение легковых автомобилей, однако фактически, закон не содержит определения «транспортное средство», критерии отнесения. Применение по аналогии норм специальных правовых актов (ФЗ «О безопасности дорожного движения», Общероссийский классификатор основных фондов) также затруднительно по причине отсутствия определения «транспортное средство», содержание лишь открытого перечня таких предметов. Более того, мы понимаем, что охватить весь существующих перечень видов транспортных средств невозможно, (появляются новые, а старые утрачивают свое значение), поэтому более верным является выработка критериев возможности отнесения тех или иных видов техники (механических средств) к транспортным (прицеп, полуприцеп, лодка и т.п.). Установление этих вопросов не носит праздный характер поскольку связано с соблюдением общеобязательных правил (пожарной безопасности, соблюдением правил общедолевой собственности, градостроительных правил). Решением здесь видится правоприменительная практика, где виды техники и новые разновидности транспортных средств в силу фактических обстоятельств дела могут быть отнесены, и квалифицированы в качестве, и обобщенная практика может послужить ориентиром для внесения дополнений в законодательные акты.

2) Ограничения в виде невозможности осуществления правообладателем переоборудования машино-места (здесь мы видим схожесть правовых ограничений/запретов с другими объектами недвижимости — здания, строения, жилые помещения).

3) Соблюдение требований в части определения минимальных требований к площади, и определении (установлении) ее границ. Пожалуй, данный признак является наиболее дискуссионным, в контексте определения степени самостоятельности выделения данного объекта, поскольку площадь, выделенная под машино-место, представляет собой часть здания (сооружения, жилого дома) которое само по себе выступает самостоятельным объектом недвижимости. В части минимальных размеров вопрос получил свое нормативное разрешение в Приказе Министерства экономического развития РФ от 07.12.2016 г. № 792 [10]. Однако, как справедливо отмечает И.М. Конобеевская [11, с. 122], в приказе не нашел своего отражения вопрос, связанный с несоблюдением минимальных раз-

меров площади машино-мест (определенных Приказом № 792), вызванных разделом машино-мест, или их изначальным строительным конструированием под транспортные средства класса малолитражных (не более 3,7 м. в длину и ширина 1,6 м.). В настоящий момент правовая неопределенность данного вопроса приводит к отказу Росреестра в регистрации прав лиц на такие машино-места.

4) Вопрос определения границ машино-места также нуждается в своем нормативном уточнении. Так, в отличие от устойчивых объектов недвижимости (земельные участки, здания, строения, жилые дома), имеющих физически осязаемые границы (стены, перегородки), требования к определению границ машино-места выглядят условно: разметка на полном покрытии здания; нанесение маркеров и наклеек; описание в технической документации здания, как части стены. В это связи, и возникают научно-практические дискуссии относительно самостоятельности машино-места как объекта, возможности воз-

никновения, и закрепления за ними прав субъекта. А поскольку оборот машино-мест затрагивает широкий круг публичных и частных интересов (фискальный, единство практики, порядок, охрана прав и интересов собственников), разделяем мнение М. Д. Шапсуговой «об изменении понятия недвижимая вещь и упрощении требований к индивидуализации и обособлению оборота недвижимости путем использования маркировки, фикций трехмерности и т.п.). Ввести в гражданских оборот объект измерения — «площадка», и описать нормативно способы ее определения».

Подводя итог исследования стоит отметить, что введение в 2017 году в гражданский оборот нового объекта недвижимости — машино-места актуально и востребованно, отвечает условиям развития имущественных отношений страны, однако нуждается в дальнейшем обновленном научно-практическом осмыслении с учетом нарабатываемой правоприменительной практики, опыта зарубежных стран.

Литература:

1. Федеральный закон от 03.07.2016 № 315-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»// Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2016,
2. Всероссийский спутниковый онлайн-семинар «Круглый стол» Особенности правового регулирования объектов недвижимости» URL: <http://www.aero.garant.ru/seminars/> (Дата обращения: 14.04.2020).
3. Бычко М. А., Мельникова М. П. Машино-место как новый объект недвижимого имущества: проблемы теории и практики// URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mashino-mesto-kak-novyy-obekt-ndvizhimogo-imuschestva-problemy-teorii-i-praktiki> (Дата обращения: 14.04.2020).
4. Киракосян С. А. Правовой режим парковочного места: опыт российского регулирования, судебная практика и перспективы развития // Правовые вопросы недвижимости. 2016. № 2. С. 5–8.
5. Лазаренкова О. Г. Проблемы определения правового статуса парковочного места (машиноместа) как объекта недвижимости // Правовые вопросы недвижимости. 2016. № 2. С. 9–11.
6. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N190-ФЗ (ред. от 27.12.2019)// URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (Дата обращения: 14.04.2020).
7. Кондратенко З. К., Кондратенко И. Б. К вопросу о признаках недвижимого имущества // Актуальные проблемы юриспруденции в современной России: сб. статей по материалам VI Всероссийского науч.—практич. конф. Йошкар-Ола: СТРИНГ, 2016.
8. Гришечкин В. В. К вопросу о квалификации машиноместа в качестве объекта недвижимости / Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» / отв. ред.: А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, К. К. Андреев, М. В. Чистякова. М.: МАКС Пресс, 2013.
9. Шапсугова М. Д. Машино-места: тенденции правового регулирования// URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mashino-mesta-tendentsii-pravovogo-regulirovaniya> (Дата обращения: 14.04.2020).
10. Приказ Минэкономразвития России от 07.12.2016 № 792 «Об установлении минимально и максимально допустимых размеров машино-места»// URL: <http://docs.cntd.ru/document/420386915> (Дата обращения: 14.04.2020).
11. Конобеевская М. И. «Машино-место» как нововведение российского законодательства: проблемы правового регулирования//Вестник российского университета кооперации. 2018. № 2.(2). С. 120–122.

Проблемы исполнения конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера

Иголина Елена Олеговна, следователь

Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по ХМАО-Югре (г. Ханты-Мансийск)

В статье анализируется конфискация как иная мер уголовно — правового характера, рассматриваются проблемы исполнения конфискации имущества. Для разрешения сложившихся проблемных ситуаций вносятся предложения по совершенствованию института конфискации и изменению действующего законодательства.

Ключевые слова: дополнительное наказание, конфискация имущества, иные меры уголовно-правового, осужденный, обвиняемый, Уголовный кодекс.

Институт конфискации имущества прошел несколько этапов своего развития, изначально рассматриваясь как один из видов дополнительного наказания, данный институт со временем был отнесен к иной мере уголовно-правового характера. 24.05.1996 принят Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ), который в качестве дополнительного вида наказания предусматривал конфискацию имущества. Конфискация имущества исключена из системы наказаний Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации». [1] В 2006 году институт конфискации возвращен в УК РФ, так в УК РФ формируется Раздел VI «Иные меры уголовно-правового характера», к которым в частности относится конфискация имущества (ст.ст. 104.1–104.3 УК РФ). С принятием вышеуказанных законов институт конфискации изменил свою юридическую природу и практически перестал назначаться судами. По мнению практических работников, основная причина того, что конфискация имущества в настоящее время редко назначается судами, заключается в неудовлетворительном законодательном регулировании конфискации имущества [2].

В соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ при вынесении приговора, а также определения или постановления о прекращении уголовного дела должен быть решен вопрос о вещественных доказательствах. В тоже время норма п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ аналогична п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, согласно которой могут быть конфискованы орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому.

Соответственно, имущество, подлежащее конфискации в уголовно — процессуальном порядке, совпадает с имуществом, которое может быть конфисковано в уголовно — правовом порядке, то есть «налицо пересечение конфискаций различных правовых отраслей» [2, с. 89]. В приговорах при решении вопроса о конфискации имущества: орудий, оборудования или иных средств совершения преступления суды ссылаются на положения п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ и п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ.

Так, в соответствии с приговором Смоленского районного суда от 26.09.2019 Четов Ю. О. осужден по ч. 3 ст. 30 — п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, ему назначено наказание в виде 3 лет 6 лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. Как было установлено судом Четов Ю. О. от продажи наркотического средства получил 1000 рублей, которые были изъяты в ходе проведения личного досмотра. В приговоре суд, в частности, указал следующее: «ве-

щественные доказательства: денежный билет 1000 рублей, который хранится в материалах уголовного дела, конфисковать в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ и п. 4.1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ в доход государства» [3].

На наш взгляд ситуация, когда одни и те же положения со-держатся в двух различных кодексах, не может являться приемлемой. Полагаем, что п. «г» о конфискации орудий, оборудования или иных средств совершения преступления должен быть исключен из ч. 1 ст. 104.1 УК РФ.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» конфискация может быть связана с ограничением конституционного права частной собственности, в связи с этим деньги, ценности и иное имущество, а также доходы от него подлежат конфискации на основании пунктов «а» и «б» части 1 статьи 104.1 УК РФ, если они получены в результате совершения только тех преступлений, которые указаны в статье. Согласно п. 2 вышеуказанного постановления орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому (пункт «г» части 1 статьи 104.1 УК РФ), могут быть конфискованы судом по делам о преступлениях, перечень которых законом не ограничен [4].

Вышеуказанное положение закона активно используется в судебной практике, так в соответствии с приговором Курганского районного суда от 27.09.2019 Юсупов И. Т. осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 291 УК РФ, ему назначено наказание в виде штрафа в размере 300 000 рублей. Как указано в приговоре: «в соответствии с п. «г» части 1 статьи 104.1 УК РФ денежные средства в сумме 30 000 рублей, которые использовались Юсуповым И. Т. как средство при совершении преступления (Юсупов И. Т. пытался передать взятку должностному лицу в виде 30 000 рублей), и являются вещественным доказательством по делу, подлежат конфискации в доход государства». [5]

Следует отметить, что статья 291 УК РФ не указана в перечне статей, указанных в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, однако поскольку денежные средства являются средством совершения преступления, о чем в приговоре указал суд, то они подлежат конфискации по п. «г» ч. 1 ст. 104. УК РФ.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов в теории уголовного права является — возможность применения конфискации при неоконченном преступлении, при условном осуждении, при освобождении виновного от наказания, при

отсрочке наказания и при освобождении от наказания в связи с изменением обстановки, а также в случае совершения общественно-опасного деяния. Законодателем также не урегулированы вопросы применения конфискации при прекращении дела за сроками исковой давности и смертью виновного лица. Как заметил Степашин В.М.: «такого рода ситуации должны быть оговорены непосредственно на уровне Уголовного кодекса» [6]. Считается верным в ст. 104.1 УК РФ исключить упоминание о конкретном процессуальном решении суда — обвинительном приговоре, как основании применения конфискации, так как зачастую судьями выносятся постановления о прекращении уголовных дел и постановления о назначении принудительных мер медицинского характера.

Кроме того, в действующем законодательстве отсутствует четкий механизм исполнения конфискации имущества. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 N229-ФЗ содержит отдельные нормы исполнения конфискации. Как справедливо указывает Пропостин А.А.: «предусмотрев конфискацию в УК РФ в качестве «иной меры уголовно-правового характера» законодатель не проявил последовательности в правовой регламентации порядка ее исполнения. Следуя логике, при определении природы рассматриваемой меры как уголовно-правовой, ее исполнение следовало бы предусмотреть в Уголовно-исполнительном кодексе» [7].

В соответствии с п. «г» ч. 2 ст. 104.1 УК РФ на основании обвинительного приговора возможна конфискация следующего имущества: орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих обвиняемому. Исходя из прямого смысла статьи, изъять вышеуказанные предметы можно только по приговору суда и у обвиняемого, то есть лица, в отношении которого в ходе предварительного следствия вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого. При вынесении приговора и вступлении его в силу подсудимый приобретает статус осужденного, с этого момента реализуются

положения приговора, в том числе в части конфискации. Конфискация имущества на основании обвинительного приговора возможна только у осужденного. В связи с вышеизложенным предлагается необходимым вести изменения в положение п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ.

В настоящее время критике подвергается перечень преступлений, предусмотренный п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Вопрос дифференциации статей неясен, в перечень не вошли не вошли такие опасные преступления, как хищение (в том числе мошенничество), вымогательство, преступления в сфере экономической деятельности (например, незаконное предпринимательство, преднамеренное и фиктивное банкротство).

Одной из наиболее распространенных проблем института конфискации является конфискация незаконно полученного имущества от виновного лица членам семьи, так как в данном случае необходимо будет доказать, что они знали о получении имущества в результате преступных действий, чтобы данное имущество можно было конфисковать [8]. На практике это доказать достаточно сложно, обычно имущество остается под контролем незаконно получившего его лица.

Предлагается внесение изменений в ч. 3 ст. 104.1 УК РФ в части возможности конфискации имущества, находящегося в собственности родственников обвиняемого (подозреваемого) или иных лиц, на которое судом наложен арест, независимо от того, осведомлены ли они о преступном характере приобретенного имущества. Предусмотреть возможность конфискации также в случае, если лицо предвидело возможность приобретения имущества другим лицом (родственником, знакомым) преступным путем и допускало возможность наступления общественно опасных последствий либо относилось к ним безразлично.

Из всего вышеизложенного можно сделать однозначный вывод о том, что положения о конфискации имущества, содержащиеся в уголовном законе, нуждаются в совершенствовании, как и сам институт конфискации имущества.

Литература:

1. Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ (последняя редакция) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Режим доступа: consultant.ru КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. — Электрон. дан. — М., 2020.
2. Лопашенко Н. А. Конфискация имущества: монография. — М.: Юрлитинформ, 2012. — С. 85;
3. Уголовное дело № 1-152/2019 // Архив Смоленского районного суда.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» [Электронный ресурс] // Режим доступа: consultant.ru КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. — Электрон. дан. — М., 2020.
5. Уголовное дело № 1-148/2019 // Архив Курганского районного суда.
6. Степашин В.М. Конфискация имущества: странное возвращение // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2007. — № 1. — С. 107–108.
7. Пропостин А.А. Конфискация имущества: прошлое, настоящее, будущее. — М., 2011. — С. 196.
8. Семин Ю. Ю., Плохов С.В. Имплементации международных нор — процесс сложный. О приведении законодательства Российской Федерации в соответствие с международными стандартами уголовного законодательства // Прокурор. 2015. № 1. С. 45–50.

Социальная обусловленность уголовной ответственности за незаконное образование (создание, реорганизацию) юридического лица

Ковалева Елизавета Юрьевна, студент магистратуры
Новосибирский юридический институт (филиал) Томского государственного университета

В статье раскрывается тема социальной обусловленности уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 173.1 УК РФ, актуальность которой с каждым годом растет.

Ключевые слова: уголовная ответственность, незаконное образование, юридическое лицо, подставное лицо.

После декриминализации лжепредпринимательства в 2010 году в законодательстве появился правовой пробел. Действия, указанные в ст. 173 УК РФ, перестали считаться преступными, и их совершение больше не влекло за собой уголовной ответственности, однако эти действия продолжали оказывать негативное воздействие на экономику государства и криминогенную обстановку в стране. По мнению Ю.В. Игнатова и Н.А. Шулепова, лжепредпринимательство создает материальную базу для существования коррупции и организованной преступности, служит одной из форм легализации преступных доходов — до 70% доходов, полученных преступным путем, вкладывается в различные формы предпринимательской деятельности [1, с. 48–49].

В рамках обсуждения темы декриминализации лжепредпринимательства в научных кругах высказывались мнения о необходимости изложения в новой редакции данной нормы права, а не ее устранения. Так, например, отмечая несовершенство описания признаков состава преступления ст. 173 УК РФ, вследствие которых у правоприменителя часто возникали затруднения при квалификации деяния, предлагалось применить адекватные меры к устранению недостатков диспозиции статьи, разработке научно обоснованных рекомендаций для законодателя, судов, правоохранительных и налоговых органов [2, с. 161]. Но подобная инициатива так и осталась на уровне научных обсуждений и не была реализована.

Вместо этого законодатель, осознавая наличие проблемы, связанной с созданием и функционированием коммерческих организаций без цели осуществления предпринимательской деятельности, пошел другим путем. По итогам совещания, посвященного вопросам инвестиционного климата, 16 августа 2010 года Президентом Российской Федерации Дмитрием Медведевым был утвержден Перечень поручений, п. 6 которого предусматривал «рассмотреть вопрос о возможности введения уголовной ответственности за фиктивное участие в учреждении и деятельности юридического лица» [3]. И уже в 2011 году в Уголовный кодекс РФ была введена новая статья 173.1, предусматривающая ответственность за незаконное образование (создание, реорганизацию) юридического лица.

Фундаментом новой статьи послужила утратившая силу ст. 173 УК РФ, «стены» же были построены заново с учетом реально сложившейся обстановки в экономике и предыдущего опыта законодателя в данном вопросе. В частности, главное нововведение — понятие подставного лица. Разумеется, что и во времена действия уголовной нормы за лжепредпринимательство, имели место быть факты государственной регистрации

коммерческой организации не на свое имя, а на иное лицо, то есть с использованием тех же подставных лиц. Однако сейчас, с введением в Уголовный кодекс ст. 173.1, для законодателя было особенно важно сделать акцент на понятии подставного лица и его эксплуатации для последующего достижения определенных, практически всегда преступных намерений.

Введение понятия подставного лица в законодательной новелле обусловлено тем, что зачастую учредителями (участниками) юридического лица являются лица, необходимые лишь для официального оформления и фактически непричастные к его деятельности. По сути, подставные лица — это суррогат, бескорыстно (ввиду заблуждения или неведения) или же из корыстных побуждений претворяющий в реальность то, что было задумано с определенной целью другими людьми. И, как показывает практика, воплощенное в реальность — образование юридического лица — не безобидное действие, а первый серьезный шаг в рамках криминальной деятельности. Прикрываясь подставными лицами, как щитом от возможного удара правосудия, обозначенные в ст. 173.1 УК РФ в качестве субъектов преступления лица, вместо извлечения прибыли путем осуществления легальной экономической деятельности, нарушают закон, причем речь идет не только о совершении преступлений, предусмотренных уголовным законодательством, в числе прочего это нарушения норм гражданского, налогового, таможенного и иного законодательства. Поэтому появление в уголовном законодательстве новой статьи — есть и своеобразная мера защиты потенциальных подставных лиц. Их защита социально обусловлена тем, что часть из них становятся номинальными руководителями, учредителями без стремления получить материальную выгоду, не осознавая всех обстоятельств происходящего.

Одних вводят в заблуждение относительно целей образования юридического лица, реальных намерений при осуществлении деятельности. Как правило, введение в заблуждение является следствием невнимательности и попустительского отношения к вопросам, имеющим серьезное, в том числе правовое значение, ведущим к возникновению у гражданина комплекса прав и обязанностей, а также юридической ответственности за свои действия; при этом, учитывая, что деятельность по образованию фирм-однодневок налажена и поставлена на широкую ногу, бывают случаи, когда преступники обманным путем способны убедить в честности своих намерений, законности действий в отношении создаваемого юридического лица, грамотных и сведущих в правовых вопросах граждан. Зачастую жертвами становятся родственники, друзья, знакомые, состо-

ящие с преступником в доверительных отношениях; они идут навстречу своим близким и не особенно вникают в суть сделанного им предложения, просьбы, не придают значения нюансам и возможным правовым последствиям. Еще одной категорией подставных лиц, становящихся жертвами тех, кто стремится незаконно образовать юридическое лицо, являются малообразованные граждане, молодежь, пенсионеры. Небольшой жизненный опыт, низкий или же недостаточный уровень образования и общей эрудиции, рассеянность в силу возрастных изменений, делает их более уязвимыми к различным уловкам, применяемым преступниками для осуществления своих намерений. Для того, чтобы усыпить незначительную бдительность данной категории подставных лиц, обязательными реквизитами злоумышленников являются: представительный внешний вид, официально-деловой стиль общения с использованием большого количества юридических терминов, документации; встречи в так называемом офисе компании для проведения обучающих занятий и семинаров; организация собеседований с руководством и знакомство с компанией, должностными обязанностями и т.д.

На крючок злоумышленников попадают не только вышеперечисленные категории граждан — есть те, кто осознанно идет на контакт, становясь фиктивным руководителем фирмы за вознаграждение, получение небольшого ежемесячного дохода. При этом некоторые граждане сами выступают с инициативой стать номинальными руководителями или учредителями или предлагают услуги посредников, подыскивая граждан, готовых стать подставными лицами. Среди тех, кто идет на подобный шаг осознанно: лица, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации (например, должники, малоимущие); имеющие какую-либо зависимость, лица без определенного места жительства. При необходимости облагораживается их внешний вид (прическа, одежда). У нотариуса удостоверяется подпись заявителя на заявлении о государственной регистрации юридического лица. В дальнейшем данные лица могут участвовать в открытии расчетного счета в банке и получении регистрационных ключей для системы «Клиент-банк» [4, с. 127]. В данном случае эти лица могут проявлять как активную заинтересованность в предложении, так и безразличие к возможным последствиям; или же, осознавая участие в противоправном деянии, вынужденно соглашаться, не видя иных вариантов выхода из затруднительного положения.

Литература:

1. Игнатов Ю. В., Шулепов Н. А. Экономическая безопасность государства и проблемы ее международно-правового обеспечения. / Ю. В. Игнатов, Н. А. Шулепов. Монография. — М.: Издательская группа «Юрист», 2007. — 172 с.
2. Захарян О. А. 5. 4. Декриминализация «Лжепредпринимательства» угроза экономической безопасности государства» Проблемы в российском законодательстве // Юридический журнал. — 2010. — № 3. — С. 160–163.
3. Утвержден перечень поручений по итогам совещания по вопросам инвестиционного климата // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/8757> (дата обращения: 11.04.2020).
4. Ермаков С. В. Уголовная ответственность за незаконное образование юридического лица через подставных лиц и незаконное использование документов (статьи 173. 1, 173. 2 УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. — 2012. — № 5. — С. 126–129.

Так или иначе, в государстве складывается ситуация, при которой использование подставных лиц при образовании лжефирм, принимает значение если не глобальной, то значительной проблемы, касающейся в большей или меньшей степени всех сфер жизни общества, будь то экономика или право, социальная сфера или духовная. И, несмотря на то, что для граждан, готовых добровольно выступить в качестве подставных лиц, способных понять смысл своего участия в регистрации юридического лица и оценить правовые последствия совершаемых действий, исключается уголовная ответственность по ст. 173.1 УК РФ ввиду отсутствия категории подставного лица, для таких «добровольцев», предоставивших свои документы, возможно наступление ответственности по ч. 1 ст. 173.2 УК РФ — еще одной законодательной новелле.

Таким образом, справедливо будет признать, что сложившаяся ситуация с фирмами-однодневками и использованием подставных лиц для их образования — реальный факт, пятно на репутации государства, органов государственной власти, бизнес-сообщества. Именно неудовлетворительные результаты борьбы с фирмами-однодневками, выявление частого использования подставных лиц, уже превратившегося в самостоятельный бизнес, вынуждают законодателя обратиться к более жестким мерам в виде уголовной ответственности, ввести соответствующие санкции в целях сокращения ущерба от деятельности, связанной с незаконным образованием юридического лица, пресечением такой деятельности; также уголовная ответственность направлена на предупреждение совершения новых преступлений. Статья 173.1 УК РФ также обращает внимание на недопустимость деяний, связанных с созданием, реорганизацией юридического лица через подставных лиц, не только инициаторов указанных действий, но и, исходя из того, что примечание к статье раскрывает понятие и признаки подставного лица, возможных подставных лиц — призывает быть внимательными и ответственными, проявлять здоровый скептицизм при поступлении сомнительных или необоснованно выгодных предложений по трудоустройству, получению дополнительного дохода; соблюдать золотое правило «доверяй, но проверяй» в отношении просьб родственников и знакомых, сопряженных как напрямую с образованием юридического лица, так и с предоставлением личных документов другим лицам, подписанием документов без предварительного рассмотрения и изучения их содержания.

Сравнительный анализ осуществления контрольной функции представительным органом государственной власти в России и зарубежных странах

Кузьмина Екатерина Александровна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Государственный контроль — феномен, имеющий глубокие корни во всем мире. Во всех цивилизованных демократических странах издавна сложилась, и достаточно успешно функционирует система парламентского контроля. Поэтому опыт работы парламентов этих государств, несмотря на принципиальные различия в их формах правления, отношениях между ветвями власти, имеет большую ценность для современной правовой науки и государственной политики России.

Проводя анализ правового механизма парламентского контроля в иностранных государствах, стоит упомянуть о том, что в процедуре контроля присутствует множество общих моментов, однако существуют некоторые особенности, присущие конкретным государствам. Прежде всего, на различия в системе осуществления контрольной функции представительными органами имеет влияние форма правления, существующая в том или ином государстве.

Так, можно выделить два вида контрольной функции — парламентский контроль в государствах с республиканской формой правления, и парламентский контроль в государствах — конституционных монархиях [1, с. 71].

Основы парламентского контроля устанавливаются в Конституциях государств современного мира. Различные формы парламентского контроля могут быть закреплены также в специальных законах. В некоторых случаях они традиционно сложились и могут даже не закрепляться нормативным правовым актом. В европейской практике регулирования контрольных полномочий парламента данные полномочия устанавливаются в конституции страны и не предполагают какой-либо дискреции законодателя. Однако сами процедуры парламентского контроля, как правило, конституцией не регулируются, а определяются в текущем законодательстве. Прежде всего, нужно определить, какие аспекты урегулированы в основных законах зарубежных стран.

Во-первых, установлены субъекты парламентского контроля, то есть государственные органы, которые имеют полномочия по осуществлению парламентского контроля, а в некоторых странах — должностные лица, компетентных осуществлять контрольную функцию. Кроме того, на законодательном уровне закреплена сфера и круг субъектов ответственности и отчётности при осуществлении парламентского контроля.

Субъектами парламентского контроля в различных государствах являются следующие органы:

- В Германии — Бундестаг и Бундесрат, как единый субъект парламентского контроля, являющиеся органами законодательной власти, согласно федеральному законодательству ФРГ;
- В Италии — Палата депутатов и Сенат Итальянской Республики, которые являются палатами Парламента, а также Счетная палата и Государственный Совет. Все эти государ-

ственные органы осуществляют полномочия по осуществлению контрольной функции, в соответствии с Конституцией Италии;

- В Испании — Генеральные кортесы Испании, являющийся представительным органом данного государства и носителем законодательной власти, если быть точнее, то одна палата представительного органа — Конгресс Депутатов, а также Сенат, согласно положениям Конституции Испании;

- В Австрии — органы законодательной власти — Национальный Совет и Федеральный Совет, а также каждый член законодательных органов и следственные комитеты, созданные Национальным Советом Австрии, в соответствии с федеральным законодательством Австрии;

- Во Франции — палата французского Парламента — Национальное Собрание, однако контрольные полномочия представительного органа могут быть ограничены другой палатой — Сенатом Франции, согласно Конституции Французской Республики;

- В Великобритании — Парламент Соединённого Королевства Великобритании, в частности его верхняя палата — палата лордов, в соответствии с федеральным законодательством Великобритании.

- В Российской Федерации субъектами парламентского контроля является Федеральное Собрание РФ, состоящее из двух палат — Совета Федерации и Государственной Думы, а также законодательные (представительные) органы субъектов РФ.

Субъектами ответственности и подотчётности в механизме осуществления парламентского контроля в ряде стран являются государственные органы исполнительной власти. Однако в различных государствах имеются определённые особенности.

Так, в ФРГ, согласно Основному закону, к числу субъектов ответственности и подотчётности, представительным органам власти относится Правительство, притом, что основные обязанности по исполнению обязательств Правительства возложены на федерального министра финансов.

В Австрии, как и в Германии, Федеральное правительство и его члены и предприятия несут ответственность перед органами, осуществляющими парламентский контроль. То же самое положение установлено в Испанской Конституции, где указано, что действие парламентского контроля направлено к Правительству и каждому из его членов. Во Франции также ответственность перед органами, осуществляющими контрольные полномочия, лежит на Правительстве, а именно на Совете Министров.

В Италии субъектами ответственности в сфере парламентского контроля являются Правительство, а также Председатель Совета Министров. Согласно Конституции Италии, Министры несут ответственность перед Парламентом за деятельность Совета Министров коллегиально, и индивидуально — за действия отдельных ведомств. Конституция Португалии относит к субъектам ответственности при осуществлении парламент-

ского контроля Премьер-министра, министров, Правительство, а также любое государственное учреждение и другие публичные учреждения [2, с. 71].

Сущность парламентского контроля, прежде всего, состоит в том, что он направлен на обеспечение соблюдения основного закона государства, порядка исполнения законов, на защиту прав и свобод человека и гражданина, выявление пробелов в системе законодательства, на борьбу с коррупцией. В нашей стране согласно Федеральному закону «О парламентском контроле», одной из основных целей парламентского контроля является выявление проблем в деятельности государственных органов исполнительной власти, выработка рекомендаций для совершенствования системы законодательства. Парламентский контроль проявляется в законотворческой деятельности представительных органов.

В большинстве иностранных государств, так же, как и в России, объектом парламентского контроля преимущественно является осуществление своих полномочий органами исполнительной власти, а также должностных лиц, в целях выявления неэффективного или неправомерного осуществления деятельности.

Рассмотрим более подробно, что является объектом парламентского контроля в зарубежных государствах.

В соответствии с Основным законом ФРГ объектом парламентского контроля, в первую очередь, являются отчёты федерального министра финансов перед Бундестагом и Бундесратом обо всех доходах и расходах, а также отчёты Федеральной счётной палаты по проверке правильности ведения бюджета и руководства экономикой.

В Австрии к объектам парламентского контроля в соответствии с положениями Конституции относится ведение дел Федеральным Правительством и деятельность иных органов исполнительной власти.

Объектом парламентского контроля согласно Конституции Португалии признаются любая деятельность Правительства и государственной администрации, отчёты государства и других публичных учреждений, а также любой вопрос, представляющий национальные или политические интересы [3, с. 94].

Также следует рассмотреть формы парламентского контроля, существующие в иностранных государствах. Перечень форм контроля, осуществляемого парламентами, является более или менее развернутым, что не только зависит от формы правления, но и отражает страноведческую специфику. Конституционное регулирование в различных странах в этом отношении имеет следующие общие признаки и особенности.

Существуют разные формы парламентского контроля, и в ряде случаев они закрепляются конституцией или специальным законом. В некоторых странах они сложились традиционно и могут быть не закреплены нормативным актом. В конституционной практике известны следующие формы такого контроля:

- утверждение актов главы государства;
- индивидуальная ответственность министров, выражаемая со стороны парламента в виде вотума недоверия за принятые решения;

- институт резолюции порицания, связанный с отставкой за противоправные действия члена правительства;
- предоставление той или иной информации в виде отчета, или так называемая интерпелляция;
- парламентский запрос, который чаще всего является обращением к министру с целью получения необходимой информации, не затрагивающей политику, проводимую данным министерством;
- парламентский контроль в форме вызова членов правительства с целью задать вопросы;
- вынесение вотума доверия правительству;
- контроль по формированию и расходованию бюджета, или финансовый контроль;
- участие парламента в формировании органов исполнительной власти;
- дебаты по заранее определенным вопросам и общей политике правительства;
- импичмент, т.е. процедура парламентского контроля с целью отстранения от занимаемой должности в результате совершения запрещенных в конституции или законодательстве страны действий.

В некоторых государствах существует такая форма парламентского контроля, как ретроспективный контроль. Такая форма осуществления контрольной функции предусматривает проведение расследования поведения должностных лиц государственных органов исполнительной власти после отставки от своих постов в государственных органах.

Также стоит отметить Предварительный, или упреждающий, контроль, осуществляемый со стороны парламента в зарубежных странах, связан с предупреждением негативных последствий действий или бездействия в отношении принятых решений со стороны органов исполнительной власти. В связи с этим данный вид контроля имеет нормативное закрепление почти во всех конституциях государств с республиканской формой правления, а сам он осуществляется исключительно в отношении деятельности исполнительной власти. Упреждающий контроль получил свое особое развитие в странах Европы [4, с. 60].

В Конституции Австрии в качестве форм парламентского контроля закреплены проверки Парламентом Австрии ведения дел Федеральным правительством, запросы по аспектам исполнительной деятельности, создание следственных комитетов.

К формам парламентского контроля в Германии в соответствии с ее Конституции, относится рассмотрение палатами Парламента отчётов Федерального правительства о доходах и расходах, выражение недоверия главе Правительства Германии.

В Конституции Испании в числе форм парламентского контроля предусмотрены запросы Правительству и его членам, на которые последние обязаны отвечать в палатах Парламента, отказ в парламентском доверии в связи с постановкой вопроса о доверии своей программе или любому общеполитическому вопросу.

Формами парламентского контроля исполнительной власти в Италии, согласно Конституции, являются решение вопросов коллегиальной и индивидуальной ответственности министров, отказ каждой из палат Парламента в доверии Правительству, голосование одной или обеих палат Парламента Италии «против

какого-либо предложения Правительства, не обязательно влекущее его отставку, проведение каждой из палат расследования по вопросам, представляющим государственный интерес.

В Конституции Португалии помимо форм парламентского контроля, связанных с рассмотрением отчетности, оценками деятельности и осуществлением расследований, в Конституции Португальской Республики сформулированы также положения о субъектах и формах парламентской ответственности и о санкциях, применяемых Парламентом.

В ряду форм парламентского контроля во Франции, как показывает анализ текста Конституции Франции, предусмотрены рассмотрением Парламентом Франции вопроса о доверии Правительству, выражение собранием недоверия Правительству путем голосования резолюции порицания. При этом, как указывается в Конституции Франции, если Национальное собрание примет резолюцию порицания или если оно не одобрит программу или общеполитическую декларацию Правитель-

ства, то Премьер-министр должен вручить Правительству Республики заявление об отставке Правительства.

Анализ работ зарубежных и отечественных исследователей позволяет констатировать тот факт, что чаще всего объектом парламентского контроля считаются действия органов исполнительной власти и их должностных лиц, что является логичным следствием принципа разделения власти. В большинстве развитых стран особое место в системе парламентского контроля занимает бюджетный и финансовый контроль, а также регулируются контрольные функции парламента в отношении спецслужб. В целом, по утверждению экспертов, в зарубежном законодательстве нет каких-либо ограничений по объектам контроля.

Таким образом, почти во всех зарубежных государствах контроль, осуществляемый органом представительной власти, является одной из главных составляющих устойчивости конституционного развития.

Литература:

1. Тюльпанов В. А. Контрольная функция законодательного (представительного) органа государственной власти: зарубежный опыт. / В. А. Тюльпанов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2011. — № 3. — С. 71–79.
2. Овсепян А. Г. Институт парламентского контроля в зарубежных странах (на основе сравнительного анализа конституций европейских государств). / А. Г. Овсепян // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2017. — № 4. — С. 70–76.
3. Тлембаева Ж. У. Зарубежный опыт организации парламентского контроля и вопросы совершенствования его правовых механизмов в Казахстане. / Ж. У. Тлембаева // Антиномии. — 2016. — № 4. — С. 91–105.
4. Кононенко Д. Х. Осуществление парламентом контроля в государствах с республиканской формой правления. / Д. Х. Кононенко // Юридическая наука. — 2016. — № 5. — С. 58–64.
5. Гусева Д. Е. Современные институты парламентского контроля европейских государств (Германия, Франция, Великобритания, Россия). / Д. Е. Гусева // PolitBook. — 2016. — № 3. — С. 168–181.
6. Волчкова Н. Н. Парламентский контроль в зарубежных странах. / Н. Н. Волчкова // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. — 2015. — № 1–2. — С. 43–49.

Коррупционное правонарушение: научно-практические проблемы определения понятия, состава, субъекта

Кукин Николай Анатольевич, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская обл.)

В статье автор, анализируя научные разработки последних лет, приводит элементы состава, основные характеристики, признаки и виды коррупционного правонарушения; на примерах правоприменительной практики рассматривает проблему определения статуса субъекта коррупционного правонарушения.

Ключевые слова: коррупция, правонарушения, коррупционный проступок, ответственность за совершение коррупционного правонарушения.

В ныне действующем российском законодательстве, в том числе и в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее — Закон № 273-ФЗ), вплоть до настоящего времени не выстроен единообразный подход к определению понятия «коррупционное правонарушение» и его признаков. Отсутствие универсального понятийного аппарата влечет невозможность

определения четких границ его правового регулирования. Вследствие этого большинство усилий, направленных на применение норм, регулирующих вопросы противодействия коррупции, в большей степени приобретают разрозненный, а не комплексный, единый характер. На необходимом законодательном уровне не урегулировано и соотношение (разграничение) понятия «коррупционное правонарушение» с по-

нятием «коррупционное преступление», «коррупционный проступок».

Научные работы, посвященные тематике коррупционного нарушения, его состава, признаков и применения мер ответственности за его совершение, принадлежат таким авторам, как Шугрина Е. С., Палагина Е. А. и Жеребцова В. С., Спектор Е. И., Липинский Д. А., Фадеев А. В., Литвинцев М. Г., Борков В. Н., Бирик О. Н., Авилон В. В., Илий С. К., Козлов А. Л., иным авторам.

С момента вступления в силу и до настоящего времени Закон № 273-ФЗ содержит легальное определение «коррупция» и собственно определяет его, прежде всего, как перечень уголовно-правовых деяний, составляющих должностные преступления: получение взятки (ст. 290 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ), дача взятки (ст. 291 УК РФ). При этом формально не учитываются иные правонарушения, которые по сути не являются коррупционными, но являются либо условиями совершения коррупционных нарушений, либо обстоятельствами, сопутствующими коррупционному преступлению. Такими, к примеру, могут быть: представление заведомо неполных или недостоверных сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, не принятие мер по предупреждению или урегулированию конфликта интересов, несообщение о склонении к коррупционному поведению, нарушение требований Кодекса этики государственного (муниципального служащего), и многие другие.

Вторая часть определения понятия, заложенного в статье 1 Закона № 273-ФЗ, не позволяет прямо и безусловно толковать перечисленные нарушения как явление коррупции, поскольку помимо перечисленных составов уголовно наказуемых деяний законодатель определяет коррупцию как «иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [2].

Исходя из определяющих принципов правовой доктрины, норм международного права, положений национального законодательства и правоприменительной практики, единственным действительным критерием классификации коррупционных правонарушений определен вид юридической ответственности, установленной за их совершение.

Безусловно, попытки изменить существующий правовой пробел принимались не только на федеральном, но даже на международном уровне.

В 2014 году группой депутатов нижней палаты Российского парламента на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации был внесен законопроект, предусматривающий введение понятий «коррупционное преступление» и «коррупционное правонарушение», а также определение в качестве коррупционных четырех с лишним десятков составов преступлений с установ-

лением пределов наказания в виде лишения свободы от 15 до 20 лет. По мнению некоторых аналитиков, подобные попытки нельзя не считать противоречивыми [21, стр. 40].

Неоднозначно выглядит и попытка восполнить недостаток правового регулирования органами государственной власти отдельных субъектов Российской Федерации, которые закрепили соответствующие понятия в региональном законодательстве. Так, статьей 6 закона Калужской области от 27 апреля 2007 года № 305-ОЗ «О противодействии коррупции в Калужской области» были закреплены виды коррупционных правонарушений:

1. Дисциплинарные коррупционные проступки — проступки, обладающие признаками коррупции и не являющиеся преступлениями или административными правонарушениями, за совершение которых предусмотрена дисциплинарная ответственность.

2. Административные коррупционные правонарушения — правонарушения, обладающие признаками коррупции и не являющиеся преступлениями, за совершение которых предусмотрена административная ответственность [5].

Данные факты еще раз подтверждают отсутствие единого законодательного подхода к пониманию смысла и содержания понятия «коррупционное правонарушение».

Следует отметить, что в научной литературе также отсутствует единое понятие «коррупционное правонарушение». Вместе с тем, несмотря на отсутствие единства мнений в вопросе определения коррупционного правонарушения, нельзя утверждать и о наличии диаметрально противоположных позиций. Большинство авторов, исследующих проблему определения понятия коррупционного правонарушения, склонны классифицировать данные проступки в зависимости от степени общественной опасности, социального вреда, сферы общественных отношений, в которой произошел сам факт девиантного поведения [21, стр. 41].

По мнению Н. В. Щедрина, коррупционное правонарушение — это содержащее признаки коррупции виновное деяние, ответственность за которое предусмотрена законодательством [23, стр. 1442].

О. В. Ванновская дает определение коррупционного правонарушения с позиции социального статуса личности: коррупционное поведение является разновидностью социального поведения, представляет собой поступки и действия должностного лица, затрагивающие интересы отдельных лиц, групп, общества [8, стр. 102].

С. К. Илий под правонарушением коррупционной направленности предлагает понимать действие (бездействие) физического или юридического лица, совершенное умышленное либо по неосторожности как с использованием своего служебного положения, так и с отступлением от своих прямых прав и обязанностей [11, стр. 465].

Кроме того, представляет интерес позиция А. Д. Ильякова, полагающего, что «в основе любого коррупционного правонарушения лежит конфликт интересов лиц, занимающих публичные должности в системе государственного управления и обладающих в связи с предоставленными им государством полномочиями соответствующим влиянием, которое может

быть использовано ими в личных интересах, в том числе вопреки интересам государства» [12, стр. 34].

Иными словами, коррупционное правонарушение образует возникший конфликт между публичным и частным интересом. В пользу данной позиции высказываются большинство авторов, исследующих рассматриваемую проблему [8, стр. 198].

Так, Т.Л. Козлов предлагает понимать под коррупционным правонарушением употребление публичным лицом своего публичного положения в частных целях вопреки законным интересам общества и государства для получения преимуществ, а также нарушение нормативно установленных правил, предназначенных для предупреждения коррупции, влекущие юридическую ответственность, установленную законом [13, стр. 13]. По мнению В.В. Коробченко и Т.В. Иванкиной коррупционное правонарушение представляет собой особую разновидность дисциплинарного проступка и выражается в несоблюдении гражданским служащим ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнении обязанностей, установленных законодательством в целях противодействия коррупции [14, стр. 39].

Правовой анализ коррупционных проступков позволяет определить состав данного правонарушения: объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона. Общим объектом выступают морально-нравственные ценности общества. Родовой объект — порядок управления. Непосредственным объектом выступают отношения в сфере перераспределения благ в обществе. Дополнительным могут быть права и законные интересы конкретных физических и юридических лиц.

Субъект специальный — физическое лицо, обладающее властными полномочиями, в том числе по распоряжению материальными и (или) нематериальными благами.

Объективная сторона выражается в деянии (действии или бездействии). Она реализуется в противоречащем социальным нормам извлечении (вымогательство, получение, принятие, хищение, присвоение, растрата и т.п.) материальных и (или) нематериальных благ путём использования своего должностного положения.

Субъективная сторона характеризуется умыслом, который, по мнению большинства авторов, может быть только прямым: субъект всегда осознаёт, что совершает общественно вредное (коррупционное) деяние, и желает его совершить [7, стр. 11]. Цель направлена на извлечение какого-либо материального и (или) нематериального блага, т.е. находится в рамках состава коррупционного деяния.

Вместе с тем, по мнению автора данной работы, определение в качестве формы вины коррупционного правонарушения только прямого умысла не является абсолютно верным, поскольку такие проступки коррупционной направленности, как непринятие мер по урегулированию конфликта интересов, представление неполных сведений о доходах, об имуществе, обязательствах имущественного характера, могут быть совершены и по неосторожности [10, стр. 54].

Анализируя коррупционные правонарушения как юридические явления, нельзя не рассматривать их характерные признаки.

Например, А.Б. Артемьев выделяет такие признаки противоправного поведения, характеризующегося как коррупционное:

- совершение уполномоченным лицом действий, явно выходящих за пределы его должностных (служебных) полномочий;
- неестественно быстрое продвижение служебной карьеры должностного лица, установление ему необоснованных материальных предпочтений (зарботной платы, премий, иных выплат);
- неоправданно частые (излишние) поездки должностного лица в подведомственные организации;
- необоснованное получение наград, званий, поощрений, иных нематериальных благ;
- наличие лиц, связанных с должностным лицом связями служебной иерархии (родственников, друзей, одноклассников, однокурсников и т.п.), работающих в государственных (муниципальных) учреждениях (организациях, в том числе коммерческих и некоммерческих) на руководящих должностях либо на должностях, связанных с распределением материальных благ;
- наличие акций хозяйствующего субъекта, долей в уставном капитале коммерческой организации, любых иных обязательств в отношении коммерческих и некоммерческих организаций, как у самого должностного лица, так и у его родственников, друзей, иных лиц, связанных с ним;
- расходы должностного лица и членов его семьи превышают их совокупные доходы;
- необоснованно высокий по отношению к доходам уровень жизни лица и его родственников;
- неоправданное количество подарков, вручаемых должностному лицу или его родственникам;
- необоснованные (неэффективные, нецелевые) расходы бюджетной организации;
- принятие не законных актов или актов с заведомо неверным финансово-экономическим обоснованием, либо противоречивых актов, либо актов, устанавливающих какие-либо выгоды (преимущества) для определенных субъектов [7, стр. 15].

Анализируя позиции правоведов по вопросу определения понятия коррупционного правонарушения, можно с достаточной степенью уверенности утверждать об общей юридической основе понятия правонарушения, данного в теории государства и права: правонарушение — это общественно опасное виновное противоправное деяние деликтоспособного субъекта, за совершение которого предусмотрена юридическая ответственность [16, стр. 208].

Итак, опираясь на легальное определение понятия «коррупция» и общетеоретическое понятие «правонарушения», представляется целесообразным придерживаться следующего определения коррупционного правонарушения: это противоправное, виновное, общественно опасное деяние, содержащее признаки коррупции, за совершение которого уголовным, административным, служебным или иными отраслями законодательства предусмотрена юридическая ответственность. Принимая во внимание вполне определенные виды последней, допустимо в определении сослаться и на них (уголовная, ад-

министративная, гражданско-правовая либо дисциплинарная) [18, стр. 12].

Схожее по признакам понятие «коррупционное правонарушение» в широком смысле предлагает Э.В. Гуляева: это совершенное физическим или юридическим лицом действие или бездействие, непосредственно посягающее на интересы службы, совершаемое с целью извлечения преимуществ для себя или иных лиц, предусмотренное УК РФ, КоАП РФ, ГК РФ, иными федеральными законами, регулирующими порядок прохождения службы в органах публичной власти различных уровней и организациях, состоящее в нарушении антикоррупционных стандартов, влекущее уголовную, административную, дисциплинарную, гражданско-правовую ответственность [10, стр. 55].

Аналогичная позиция отражена в ст. 8 Модельного закона «Основы законодательства об антикоррупционной политике», принятого 15 ноября 2003 года на XXII пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи СНГ.

Несмотря на все попытки научного осмысления концепции коррупционного правонарушения с последующим определением его квалифицирующих признаков, в юридической науке, законодательстве и правоприменительной практике до сих пор отсутствует единая позиция о коррупционных правонарушениях. Вместе с тем полагаем, что выделение самостоятельных составов коррупционных правонарушений (преступлений) для каждой сферы деятельности и объединение имеющихся составов правонарушений (преступлений) в самостоятельные «коррупционные» перечни или главы отраслевых кодексов невозможны ввиду разнородности родового объекта коррупционных правонарушений (собственность, экономическая деятельность, государственная власть, военная служба и т.п.) и, соответственно, их расщепления как в разных нормативных правовых актах, так и в главах отраслевых кодексов даже при наличии общих коррупционных критериев и признаков.

В связи с попытками упорядочивания рассматриваемых отношений может возникнуть опасность необоснованного расширения понятия коррупционного правонарушения. Такое искусственное расширение, прежде всего, опасно тем, что оно сможет заполнить статистику незначительными делами, создавая иллюзию успешного противодействия коррупции.

В августе 2019 года в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации поступил законопроект, автор которого (Член Совета Федерации А.И. Александров) предлагает закрепить в статье 1 закона № 273-ФЗ следующее понятие коррупционного правонарушения: это деяние (действие или бездействие), обладающее признаками коррупции, за которое законодательством Российской Федерации установлена уголовная, административная, гражданско-правовая или дисциплинарная ответственность.

Внесение указанного законопроекта обусловлено необходимостью правовой определенности при зачислении в бюджет Пенсионного фонда конфискованных денежных средств, полученных в результате совершения коррупционных правонарушений, а также денежных средств от реализации конфискованного имущества, полученного в результате совершения коррупционных правонарушений.

Представляется, что при введении указанного определения понятия будет решена проблема квалификации так называемых незначительных коррупционных правонарушений (например, в случае предоставления неполных или недостоверных сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, не имеющего признаков заведомости и незначительного по своему размеру). Ведь основным признаком коррупционного правонарушения, согласно законопроекту, является обладание признаками коррупции, то есть:

а) признаками преступлений, указанных в первой части определения понятия «коррупция», предусмотренного Федеральным законом;

б) признаками незаконного использования должностным лицом своего положения вопреки интересам общества и государства в целях получения выгоды для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, либо совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица.

Необходимо отметить, что предложенное в порядке законодательной инициативы определение понятия «коррупционное правонарушение» вполне соответствует характеристикам и признакам, отмеченным ранее в научных работах [15, стр. 107–108].

Основным критерием дифференциации коррупционных правонарушений законодатель определил вид ответственности, установленной за их совершение. Так, согласно статье 13 Федерального закона «О противодействии коррупции» за совершение коррупционных правонарушений граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства несут уголовную, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную ответственность. Соответственно, основываясь на видах юридической ответственности, установленных за коррупционное деяние, можно условно выделить четыре вида коррупционных правонарушений: административные проступки, преступления, правонарушения гражданско-правового характера и дисциплинарные проступки. Более четкая систематизация коррупционных правонарушений представляется затруднительной. Более того, перечень коррупционных правонарушений не может быть закрытым или исчерпывающим, хотя бы по той причине, что законодательство в области противодействия коррупции в нашей стране динамично и интенсивно совершенствуется. Таким образом, представляется важным дать более подробное понятие об основных видах коррупционных правонарушений и ответственности за них. На ведомственном уровне правоприменителями прочно введено в оборот понятие «преступления коррупционной направленности» [19].

К этому виду преступлений относят почти 90 составов (включая части статей Уголовного кодекса Российской Федерации с соответствующими квалифицирующими признаками). Например, как преступления коррупционной направленности рассматривается большая часть преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, таких как злоупотребление должностными полномочиями, нецелевое расходование бюджетных средств, незаконное участие в предпринимательской

деятельности, получение и дача взятки, посредничество во взяточничестве и др. Намного меньше выделяют правонарушений, относящихся к коррупционным проступкам, за которые установлена административная ответственность. Так, по мнению Ю.В. Ростовцевой, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях содержит более 20 составов административных правонарушений коррупционного характера [20, стр. 48–52].

В правоприменительной практике наиболее часто встречаются коррупционные правонарушения, квалифицируемые как незаконное вознаграждение от имени юридического лица, незаконное привлечение к трудовой деятельности либо к выполнению работ или оказанию услуг государственного или муниципального служащего либо бывшего государственного или муниципального служащего (статьи 19.28 и 19.29 КоАП РФ соответственно).

Сложнее обстоят дела с определением перечня гражданско-правовых коррупционных правонарушений — гражданско-правовых деликтов, вытекающих из сделок, предусмотренных Гражданским кодексом Российской Федерации (например, дарения), совершенных с нарушением антикоррупционного законодательства (о запрете дарения подарков лицам, замещающим государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности и государственным служащим в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей). Лица, замещающие государственные и муниципальные должности, не вправе получать в связи с выполнением служебных (должностных) обязанностей не предусмотренные законодательством Российской Федерации вознаграждения (ссуды, денежное и иное вознаграждение, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов) и подарки от физических и юридических лиц. В соответствии со статьей 168 ГК РФ совершение сделки с нарушением требований закона или иного правового акта является основанием для признания такой сделки недействительной.

Институт дарения используется в различных коррупционных схемах. Нормы подпункта 3 пункта 1 статьи 575 ГК РФ иногда рассматриваются как позволяющие государственным служащим принимать подарки в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей стоимостью, не превышающей трех тысяч рублей.

По мнению некоторых авторов, это неверно с точки зрения системного толкования закона. Статья 17 Федерального закона от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», являющаяся по отношению к статье 575 ГК РФ специальным законом, подлежащим приоритетному применению без каких-либо оговорок, запрещает государственным служащим получать в связи с исполнением должностных обязанностей вознаграждения от физических и юридических лиц (подарок, денежное вознаграждение, ссуда, услуга, оплата развлечения, отдыха, транспортных расходов и другие вознаграждения) [17, стр. 127].

Следующим институтом гражданского права, где возможны коррупционные схемы, являются гражданско-правовые до-

говоры, в том числе государственные контракты; а также конкурсная документация и документация об аукционе, запросах котировок на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг.

При этом нужно признать, что гражданско-правовой (в том числе судебной) практики взыскания убытков вследствие коррупционного проступка немного, исков компаний к их сотрудникам, которые за взятки заключали договоры на заведомо невыгодных условиях, практически нет. Одним из возможных решений проблемы нормативно-правового регулирования возмещения ущерба, причиненного коррупционным правонарушением, может стать закрепление в ГК РФ специальных норм об обязательствах вследствие причинения вреда, вытекающих из коррупционных правонарушений. Тем более, Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию 1999 года, участником которой Российская Федерация не является, содержит вполне адекватные российской действительности положения:

- каждый, кто пострадал от коррупции, вправе подать гражданский иск о возмещении вреда от коррупции;
- возмещение включает в себя реальный ущерб, упущенную выгоду и моральный вред;
- если ущерб причинен публичным должностным лицом, должна быть возможность предъявить иск напрямую к государству (казне);
- срок исковой давности должен быть не менее 3-х и не более 10 лет по таким искам;
- сделка или положение сделки, из которой проистекает совершение акта коррупции, является ничтожной;
- если воля стороны на сделку содержит в себе порок коррупции (то есть согласие дано за взятку, например), то такая сделка является оспоримой, и сторона сделки может обратиться в суд о признании ее недействительной, не лишаясь при этом права требовать возмещения ущерба.

Одним из оснований классификации коррупционных правонарушений, обсуждаемых в том числе в научно-правовом аспекте, является вид его субъекта [24, стр. 39–45]. Как уже отмечалось ранее, коррупционное правонарушение (а также преступление) характеризуется наличием специального субъекта. К числу субъектов данных преступлений коррупционной направленности, в зависимости от составов конкретных преступлений, отнесены: должностные лица; лица, занимающие государственные должности Российской Федерации; лица, занимающие государственные должности субъектов Российской Федерации; главы местного самоуправления. Государственные служащие и муниципальные служащие, не относящиеся к числу должностных лиц, несут уголовную ответственность по статьям главы 30 УК РФ в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями.

Должностными лицами, согласно примечанию 1 к статье 285 УК РФ, признаются лица:

- а) постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти;
- б) выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных

и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах России, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации. Понятие представителя власти указано в примечании к статье 318 УК РФ — это должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости. Более развернутая характеристика представителя власти приводится в пункте 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».

К исполняющим функции представителя власти следует относить лиц, наделенных правами и обязанностями по осуществлению функций органов законодательной, исполнительной или судебной власти, а также, исходя из содержания примечания к статье 318 УК РФ, иных лиц правоохранительных или контролирующих органов, наделенных в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, организациями, учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности.

Под организационно-распорядительными функциями следует понимать полномочия должностного лица, которые связаны с руководством трудовым коллективом государственного органа, государственного или муниципального учреждения (его структурного подразделения) или находящимися в их служебном подчинении отдельными работниками, с формированием кадрового состава и определением трудовых функций работников, с организацией порядка прохождения службы, применения мер поощрения или награждения, наложения дисциплинарных взысканий и т.п.

К организационно-распорядительным функциям относятся полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия. Например, по выдаче медицинским работником листка временной нетрудоспособности, установлению работником учреждения медико-социальной экспертизы факта наличия у гражданина инвалидности, приему экзаменов и выставлению оценок членом государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии).

Как административно-хозяйственные функции надлежит рассматривать полномочия должностного лица по управлению и распоряжению имуществом и (или) денежными средствами, находящимися на балансе и (или) банковских счетах организаций, учреждений, воинских частей и подразделений, а также по совершению иных действий. Например, по принятию решений о начислении заработной платы, премий, осуществлению контроля за движением материальных ценностей, определению порядка их хранения, учета и контроля за их расходом.

Исполнение функций должностного лица по специальному полномочию означает, что лицо осуществляет функции представителя власти, исполняет организационно-распоряди-

тельные или административно-хозяйственные функции, возложенные на него законом, иным нормативным правовым актом, приказом или распоряжением вышестоящего должностного лица либо правомочным на то органом или должностным лицом. Например, функции присяжного заседателя. Функции должностного лица по специальному полномочию могут осуществляться в течение определенного времени или однократно, а также могут совмещаться с основной работой [25, стр. 23–25].

И если с определением должностей государственной и муниципальной службы в качестве носителей статуса должностного лица значительных проблем не возникает, то привлечение депутата представительного органа муниципального образования к ответственности в качестве субъекта должностных преступлений вызывает немало споров.

Правоприменительная практика располагает примерами привлечения депутатов представительных органов муниципальных образований к уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности. Например, в Архангельской области депутат А. получил через посредника (своего помощника) взятку в сумме 400 тысяч рублей за выдачу заинтересованному лицу удостоверения помощника депутата Архангельской городской Думы. При этом А. было известно, что статус помощника депутата этому лицу был необходим для личных интересов, развития бизнеса, с целью новых знакомств с должностными лицами различных организаций. Приговором суда народному избраннику назначено три года лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима со штрафом в размере 800 тысяч рублей. Также он на два года лишён права занимать должности на государственной службе и в органах местного самоуправления, связанные с осуществлением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций.

Депутат Архангельской городской Думы Я., зная о подготовке изменений в региональный нормативно-правовой акт о продлении срока заключения договоров на установку и эксплуатацию наружной рекламы с пяти до десяти лет, предложил бизнесменам собрать и передать через него и советника главы муниципального образования взятку в сумме 5 млн рублей якобы для последующей передачи вышестоящему должностному лицу, способному повлиять на принятие решения об увеличении указанного предельного срока, на что часть из игроков рекламного рынка согласилась. На самом деле решение о продлении срока заключения договоров на эксплуатацию рекламы принималось вне зависимости от участия Я. Суд приговорил Я. к 3,5 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 3 года, а также штрафу в размере 200 тыс. рублей.

В первом из приведенных примеров лицо, замещающее муниципальную должность, привлечено к ответственности как должностное лицо, даже представитель власти.

С позиции анализа норм действующего законодательства с таким подходом вряд ли можно согласиться по следующим основаниям.

Понятие должностного лица в уголовном или административном праве значительно шире, чем в законодательстве о местном самоуправлении. В статье 2 Федерального закона

от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» выделяется пять видов должностных лиц. Должностное лицо местного самоуправления определяется как выборное либо заключившее контракт (трудовой договор) лицо, наделенное исполнительно-распорядительными полномочиями по решению вопросов местного значения и (или) по организации деятельности органа местного самоуправления. Не принимая во внимание явную разницу в определениях, содержащихся в УК РФ, КоАП РФ и законодательстве о местном самоуправлении, сохранен общий подход, что должностное лицо — это лицо, обладающее определенными полномочиями. Однако по смыслу названного закона депутаты и члены выборных органов местного самоуправления к должностным лицам не относятся.

Действительно, депутаты, осуществляющие свою деятельность на освобожденной основе, наделены рядом полномочий. Например, председатель представительного органа муниципального образования выступает представителем нанимателя для служащих (работников) аппарата представительного органа, заключает договоры (контракты) от имени представительного органа и т.д.

Но имеются ли организационно-распорядительные полномочия у местных депутатов, осуществляющих свою деятельность на неосвобожденной основе?

Анализ полномочий представительного органа муниципального образования показывает, что этот орган обладает довольно обширными полномочиями, в том числе распорядительными (например, вправе решать вопросы в области местных финансов, регулировать вопросы определения ставок местных налогов, утверждать порядок управления и распоряжения муниципальным имуществом). Представительный орган местного самоуправления по своей природе является коллегиальным органом и полномочен на принятие легитимных решений в случае избрания не менее двух третей от установленного количества депутатов в представительном органе. Решения принимаются большинством (или квалифицированным большинством) голосов присутствующих депутатов, при этом голоса всех депутатов равны.

Свои властные полномочия депутат представительного органа осуществляет через совместное участие с другими народными избранниками в разработке и принятии решений, рекомендаций, направлении депутатского запроса, проведения депутатского расследования и т.д. В этом и состоит особенность депутатского статуса и его полномочий: в составе представительного органа его голос имеет значение (в конкретных случаях — решающее), при этом властными полномочиями он не обладает [9, стр. 11].

Теперь о полномочиях депутата представительного органа муниципального образования. На заседаниях представительного органа депутат вправе: избирать и быть избранным в комитеты и комиссии и на соответствующие должности; высказывать мнение по персональному составу создаваемых рабочих органов; вносить проекты нормативных правовых актов для рассмотрения на заседаниях; вносить предложения и замечания по повестке дня, по порядку рассмотрения и существу обсужда-

емых вопросов, поправки к проектам решений; вносить предложения о заслушивании на заседании внеочередного отчета или информации любого органа муниципального образования; участвовать в прениях, обращаться с запросами, задавать вопросы докладчикам и председательствующему на заседании, требовать ответа и давать ему оценку, выступать с обоснованием своих предложений по мотивам голосования, давать справки; оглашать на заседаниях обращения граждан, имеющие общественное значение; на включение в протокол заседания переданного председательствующему текста выступления, не оглашенного в связи с прекращением прений. Кроме того, депутат принимает участие в работе комитета или комиссии, членом которой он является, вносит предложения, участвует в обсуждении рассматриваемых вопросов и принятии решений. В случае несогласия с решением комитета по проекту правового акта, принимаемого представительным органом, депутат имеет право внести свое предложение в письменной форме в качестве самостоятельной поправки к проекту соответствующего правового акта. Поправки, внесенные депутатом в установленном порядке, подлежат обязательному рассмотрению на заседании, и по ним проводится голосование [22, стр. 38–45]. Таким образом, собственными распорядительно-властными полномочиями, влекущими юридически значимые последствия, муниципальные депутаты не обладают.

Таким образом, понятие должностного лица, данное в примечании к статье 285 УК РФ, не должно применяться к депутатам муниципального образования. Депутат единолично не может принять решение по предмету ведения представительного органа. Поэтому по смыслу, заложенному в понятие должностного лица уголовным законодательством, депутат представительного органа местного самоуправления к должностным лицам не относится.

В заключение настоящей статьи необходимо отметить следующее.

Практика применения мер ответственности за совершение коррупционных проступков к государственным и муниципальным служащим, лицам, замещающим государственные и муниципальные должности, иным субъектам коррупционных правонарушений свидетельствует о необходимости дальнейшего реформирования антикоррупционного законодательства.

Введение в июле 2019 года дифференцирования ответственности депутатов муниципальных представительных органов в случае установления фактов предоставления ими неполных (или недостоверных) сведений о доходах явилось, по мнению автора, одним из следующих шагов на пути к нормативному закреплению понятия коррупционного правонарушения, его признаков, видов, состава.

Такая реакция органов государства на негативные последствия изменений, введенных Федеральным законом от 3 апреля 2017 года № 64-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования государственной политики в области противодействия коррупции», со всей очевидностью свидетельствует о необходимости продолжения последовательного и гибкого, отвечающего вызовам современности, регулирования антикоррупционных стандартов поведения всех его субъектов.

Литература:

1. Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.
2. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СПС Консультант Плюс.
3. Федеральный закон от 3 декабря 2012 года № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // СПС Консультант Плюс.
4. Федеральный закон от 7 мая 2013 года № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» // СПС Консультант Плюс.
5. Закон Калужской области от 27 апреля 2007 г. № 305-ОЗ «О противодействии коррупции в Калужской области» // СПС Консультант Плюс.
6. Закон Архангельской области от 26 ноября 2008 года № 626–31-ОЗ «О противодействии коррупции в Архангельской области» // СПС Консультант Плюс.
7. Артемьев А. Б. Коррупция в механизме функционирования государства (теоретико-правовое исследование в рамках эволюционного подхода). Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 2014 // URL: <http://konf.x-pdf.ru/18mehnika/22681-1-korrupciya-mehanizme-funkcionirovaniya-gosudarstva-teoretiko-pravovoe-issledovanie-ramkah-evolyucionnogo-podhoda.php>.
8. Ванновская О. В. Личностные детерминанты коррупционного поведения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 102.
9. Гулидов П. В. Статус депутата представительного органа муниципального образования // Практика муниципального управления. 2009. № 9.
10. Гуляева Э. В. Понятие коррупционного правонарушения по законодательству РФ // Молодой ученый. 2018. № 15. С. 53–56. URL <https://moluch.ru/archive/201/49359/> (дата обращения: 09.07.2019).
11. Илий С. К. Административные правонарушения коррупционной направленности // Административное и муниципальное право. 2015. № 5.
12. Ильяков А. Д. Урегулирование конфликта интересов как основной способ предупреждения коррупции в системе государственного управления // Современное право. 2016. № 4.
13. Козлов Т. Л. Выявление нарушений законодательства о противодействии коррупции средствами прокурорского надзора: методические рекомендации. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2012.
14. Коробченко В. В., Иванкина Т. В. Правовая природа ответственности гражданских служащих за коррупционные правонарушения // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 7.
15. Липинский Д. А. К вопросу о понятии коррупционного правонарушения. // Юридическая наука и правоохранительная практика, 3(41) 2017.
16. Липинский Д. А. Правонарушение как фактическое основание юридической ответственности // Право и политика. 2013. № 2.
17. Молчанов А. А. Гражданско-правовая ответственность за коррупционное поведение: анализ международного и российского права. Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России № 4 (72). 2016.
18. Окунева К. Д. Понятие коррупционного правонарушения как особенность методики прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции в органах местного самоуправления // Правовая инициатива. № 4. 2014.
19. Перечень статей Уголовного кодекса Российской Федерации коррупционной направленности, используемый при формировании статистической отчетности, введен в действие Указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 797/11, МВД России № 2 от 13.12.2016 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности».
20. Ростовцева Ю. В. Административная ответственность за коррупционные правонарушения в системе государственной службы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 3.
21. Спектор Е. И. Коррупционные правонарушения: проблемные вопросы юридической квалификации // Журнал Российского права. 2015. № 8.
22. Шугрина Е. С. Правовой статус депутата представительного органа муниципального образования // Практика муниципального управления. 2010. № 1.
23. Щедрин Н. В. О совершенствовании законодательного определения коррупции // Право и политика. 2009. № 7.
24. Щербаков В. И. Магистерская диссертация на тему «Коррупционные правонарушения». Тольяттинский государственный университет. Тольятти. 2017.
25. Яни П. С. Совершение должностных преступлений во внеурочное время // Российская юстиция. 2009. № 6.

Взаимодействие ветвей власти в системе юридической ответственности судей в РФ

Леденских Илья Игоревич, студент магистратуры

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

Вопросы понятия и сущности судебной власти для данной статьи являются ключевыми. Выбор темы, обозначая теоретическую направленность, обусловлен в первую очередь намерением уяснить сущность такой категории, как «судебная власть».

Ключевые слова: судебная власть, Российская Федерация, судебная система, справедливое правосудие, судебная реформа, привлечение судей, статус судей, судья.

Значение выбранной темы исследования определяется ролью независимой судебной системы, универсальной целью которой является обеспечение защиты прав и свобод человека от любых посягательств, в том числе антиправовых действий, решений силовых структур и отдельных лиц. Если такие действия и решения не могут быть оспорены перед независимой судебной инстанцией, то открывается путь к произволу. Независимость суда и судьи, который является неотъемлемой частью судебной системы, отвечает общественному спросу на справедливое правосудие, которое, как таковое, обеспечивается публичным разбирательством дел компетентным, независимым и беспристрастным судом, установленным законом. Соответственно, судьям в качестве носителей судебной власти следует придавать высокий статус, защищая их от любого вмешательства в их деятельность и внешнего давления [9, с.475].

Сложность познания сущности судебной власти, как и всякого иного объекта такого масштаба и такого рода, связана прежде всего с тем, что она (сущность) скрыта от непосредственного ее отражения исследователем. Сущность власти вообще и судебной власти в частности нельзя увидеть глазами или ощутить, почувствовать прикосновением. В социальной действительности нет фактора, который своим внешним и доступным для непосредственного познания проявлением был бы адекватен сущности судебной власти. Последняя (сущность власти) таится в недрах объективной реальности и доступна для нашего познания только на уровне теоретических абстракций и конструкций.

Сказанное однако не говорит о том, что власть лишена объективности. Наоборот, она объективна. Но эта объективность носит не явный и доступный для нашего органолептического отражения характер, а скрытый характер, свойственный закономерностям окружающей нас действительности. Не означает сказанное и того, что наука и практика не нуждаются в исследованиях внешних проявлений власти в целом и судебной власти в частности. Такие исследования необходимы, но при этом надо иметь в виду, что их сущности и их явления не идентичны.

На пути познания между сознанием исследователя и сущностью судебной власти простирается пространство, насыщенное множеством его внешних проявлений двойного значения с точки зрения нашего интереса. С одной стороны, внешние проявления власти опосредуют (причем череда опосредующих звеньев может быть довольно длинной) сущность. В этом смысле они служат проводниками информации опознаваемой сущности власти и открывают путь к ее постижению. С другой — внешние проявления исследуемого объекта явля-

ются источниками, носителями информации о многих иных незначительных или малозначимых с точки зрения искомой сущности факторах объективной реальности. Такие факторы создают информационные «помехи», «затушевывают» познаваемую сущность объекта, затрудняя ее уяснение.

Помимо обозначенной сложности в познании сущности судебной власти существуют и другие проблемы ее изучения. Так, сама власть как объект исследования скрыта от нашего непосредственного познания, и поэтому постижение ее сущности кратно усложняется. Внешне в социальной действительности власть обнаруживает себя только в различных формах целостного функционирования с правом, создающих дополнительные сложности для ее «вычленения» из проявлений юридического континуума свободы, о чем говорилось в предыдущей публикации размышлений над книгой Н. А. Колоколова. Поэтому путь познания сущности власти и ее разновидностей, как мне представляется, лежит через отражение не только и даже не столько их внешних признаков и сторон, сколько через погружение в пласты их сущностных, внутренних, субстанциональных начал.

Классическая теория разделения властей придает судебной системе особое место в системе государственного механизма, подразумевает её полную независимость и независимость, в том числе от государственного и государственного контроля. Суды разных уровней, по сути, образуют единую систему, которая напоминает корпорацию, отношения внутри которой регулируются как федеральными законами, так и их корпоративными нормами, например Кодексом судебной этики. Однако, если современная реальность требует пересмотра актуальности для XVIII–XIX веков. Концепций, включая теории разделения властей. В научной литературе есть разные интерпретации. Некоторые ученые считают, что усложнение функций государства требует увеличения числа ветвей власти, другие авторы утверждают, что только совместные усилия всех государственных органов могут решать задачи, стоящие перед государством и обществом. В этой связи вопрос взаимодействия законодательной и судебной ветвей власти представляется актуальной [8].

Наделение независимостью судебной власти является конституционной обязанностью законодательной и исполнительной ветвей власти и главной из основных задач судебной реформы, актуальность которой подтверждается в Послании главы государства Российской Федерации Федеральному Собранию, а кроме того в федеральной целевой программе «Развитие судебной системы в России», утвержденной Правительством Российской Федерации от 21 сентября 2006 г. № 583.

На современном этапе реформирования судебной ветви власти вопрос ответственности судей становится все более важной. Вопрос привлечения судьи к ответственности особенно актуален с позиции эффективности и жизнеспособности судебной системы России. Данный вопрос лежит на пересечении таких сложных и многоплановых аспектов судебной реформы, как независимость судей, защита законных прав и свобод граждан, создание единого правового пространства страны, создание стабильного правопорядка и укрепление государственного управления в государстве.

Некоторые ученые правоведа считают, что наметившиеся за последнее время тенденции демонстрируют, что законодательная и исполнительная ветви власти намерены расширить полномочия судей при принятии процессуальных решений. Одновременно в СМИ, журналистской и научной литературе часто озвучивается позиция о чрезмерно больших гарантиях отправления правосудия, о несовершенстве механизмов привлечения судьи к уголовной ответственности. Часто в СМИ поступают сообщения о коррупции в судейской среде, служащих не интересам правосудия, а интересам отдельных лиц и корпораций, а зачастую и их собственным интересам [9].

Отдельно выделяется вопрос, решаемый законодательной ветвью власти, устанавливающей правовой порядок и основания для привлечения судей к юридической ответственности. Законодательная и исполнительная ветви власти, учитывая важность проблем судебной ответственности, уделяют особое внимание её правовому регулированию.

Принятие ФКЗ от 09 ноября 2009 г. N4-ФКЗ «О Дисциплинарном судебном присутствии» и Федерального конституционного закона от 07 февраля 2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», несомненно, является новым этапом совершенствования механизма ответственности судей.

Однако, ежели эти законы не решают всех имеющихся проблем и нуждаются в улучшении. Так как доверие к судам и их авторитет в обществе не увеличивается. Это наглядно подтверждается наличием крайне противоречивых практик в работе квалификационных советов, быстрым увеличением количества жалоб и обращений граждан и организаций в квалификационную коллегия судей и снижением качества отправления правосудия.

Вопросы качества судебной власти снова выходит на первый план судебного сообщества, законодательной и исполнительной ветвей власти, как верно отметил Президент России Д. Медведев в процессе открытия VII Всероссийского съезда судей. Стоит отметить, что, глава государства не сомневался в качестве образования, профессионализма и беспристрастности судей. Наоборот, перечислив эти критерии идеальной судьи, он отметил: «Большинство наших судей соответствуют этим качествам». Однако, ежели в России слишком часто полномочия судей прекращаются досрочно (до 100 судей ежегодно). Д. Медведев предложил создать

единый дисциплинарный орган, который мог бы рассмотреть дисциплинарные меры.

Совершенствование процедуры привлечения судей к административной ответственности, включая предлагаемые упрощения нынешней процедуры, является опасным, поскольку это неизбежно приведет к уменьшению степени защиты судей от возможного давления со стороны как правоохранительных органов (исполнительная власть правительство) и другие субъекты; предоставление правоохранительным органам в случаях одного административного правонарушения либо систематического неправомерного поведения судьи «вне суда», полномочия на постановку вопроса в суд о привлечении к административной ответственности возможно только при гарантированном отсутствии давления на судей из правоохранительных органов, что вряд ли возможно. Однако, ежели эти законы не решают всех существующих проблем и нуждаются в улучшении. Поскольку доверие к судам и их авторитет в обществе не увеличивается. Это наглядно подтверждается наличием крайне противоречивых практик в работе квалификационных советов, быстрым увеличением количества жалоб и обращений граждан и организаций в квалификационную коллегия судей и снижением качества отправления правосудия [8].

В связи с вышеизложенным мы считаем необходимым, чтобы законодательная и исполнительная ветви власти улучшили механизм привлечения судей к ответственности, что предотвратит распространение злоупотреблений и коррупции в судебной системе. Необходимо консолидировать интегрированный институт ответственности судей на уровне федерального законодательства.

Учитывая объём предложений, целесообразным представляется внесение изменений в Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» определив виды ответственности и основания для их привлечения, компактно сосредоточив в одной статье. Необходимо дополнить ст. 12.1 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» такими видами взыскания, как выговор, лишение премии, временное отстранение судьи от рассматриваемого дела и понижение в квалификационном классе.

В конечном итоге это улучшит качество работы судебной системы и уменьшит количество несправедливых приговоров. В то же время мы не должны забывать, что необходимо создать надлежащие условия для осуществления справедливого правосудия, а не участвовать в привлечении судей к ответственности, поскольку само по себе привлечение судьи к суду не должно быть самоцелью, но только один из способов предотвратить и предотвратить судей от вины, незаконных действий.

По нашему мнению, вопрос обновления системы правосудия в России должна приблизить её к цивилизованной демократической модели, основанной как на международных нормах в этой области, так и на российском опыте предыдущих реформ. Эта задача разделена на исполнительную и законодательную ветви власти.

Литература:

1. О Верховном Суде Российской Федерации: Федер. конст. закон от 05.02.2014 N3-ФКЗ// СПС «КонсультантПлюс».

2. О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы в связи с принятием Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» и признании утратившим силу Федерального конституционного закона «О Дисциплинарном судебном присутствии»: Федер. конст. закон от 12.03.2014 N5-ФКЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. О Конституционном Суде Российской Федерации: Федер. конст. закон от 21.07.1994 N1-ФКЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. О судебной системе Российской Федерации: Федер. конст. закон от 31.12.1996 N1-ФКЗ // СПС «КонсультантПлюс».
5. О судах общей юрисдикции в Российской Федерации: Федер. конст. закон от 07.02.2011 N1-ФКЗ // СПС «КонсультантПлюс».
6. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»: Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 N1406 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Берова Д. М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 32.
8. Ермошин Г. Т. Объединение высших судов: реорганизация судебной власти на современном этапе развития государства // Российская юстиция. 2017. N1. С. 45–47.
9. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право Российской Федерации. М.: Проспект, 2017. С. 475.
10. Лебедев В. М. Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации. М.: РАП, 2018. С. 34–35.
11. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / Отв. ред. В. В. Лазарев. М.: Спарк, 2018. С. 516–518.
12. Правосудие в современном мире: Кол. монография / Под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. М.: Норма, 2018. С. 317, 328.

От концепции до нового законодательства об административных правонарушениях

Лещев Александр Павлович, курсант;

Воробьева Кристина Ивановна, курсант

Научный руководитель: Каляшин Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России

В настоящее время развитие общественных отношений идет ускоренными темпами, в связи с чем возникает потребность в значительных преобразованиях, включая правовую сферу. Не является исключением и административно-правовая отрасль, представители которой подняли вопрос о необходимости совершенствования Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [1] (Далее: КоАП РФ). Одной из причин изменения ученые-административисты обозначили рядом недостатков и недочетов действующего КоАП РФ, выявленных в ходе правоприменительной практики.

Десятого июня 2019 г. был опубликован текст Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [2] (далее: Концепция) на официальном сайте правительства. Деятельность по разработке Концепции велась с конца марта 2019 г. Основанием для опубликования новых взглядов на законодательство об административных правонарушениях стало большое количество норм и поправок в него. По оценке экспертов за 17 лет функционирования в КоАП РФ было внесено около 5000 изменений, что свидетельствовало о невозможности его применения далее.

Сама концепция нового КоАП РФ содержит в себе основные ориентиры и векторы реформирования закона, а также было акцентированно внимание на проблемы его модернизации. Можно выделить 13 основных направления, которые должны получить оформление в новом тексте КоАП РФ. Мы выделили следующие предложения:

1. Производство категоризации административных правонарушений в зависимости от характера и степени их общественной опасности.
2. Установление административной ответственности, которая была бы соразмерна характеру и степени общественной вредности противоправного действия, учитывая общий риск подхода при осуществлении деятельности государственного контроля (надзора) и применение мер административного принуждения.
3. Необходимость выделения в качестве самостоятельного субъекта административных правонарушений в виде индивидуальных предпринимателей.
4. Установление в качестве обстоятельства, которое исключало бы противоправность действия, по аналогу с крайней необходимостью, как психическое или физическое принуждение.
5. Производство норм, которые уточняли бы процесс конфискации имущества как вида административного наказания.
6. Исключение административного приостановления деятельности из перечня видов административных наказаний и отнесение его к мерам обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, а также сокращение предельного срока применения административного приостановления деятельности.
7. Исключение возможности назначения нескольких административных наказаний при одновременном выявлении од-

народных правонарушений, ответственность за которые предусмотрена одной статьёй Особенной части КоАП РФ;

8. Установление общего правила назначения гражданам административного наказания в виде предупреждения за впервые совершенные административные правонарушения, не являющиеся грубыми, при отсутствии отягчающих обстоятельств;

9. Уточнение сроков давности привлечения к административной ответственности с установлением максимального срока давности в два года (за исключением ряда случаев);

10. Закрепление возможности замены одного вида наказания на другой без нового рассмотрения дела по существу в случаях, когда исполнение назначенного наказания невозможно по объективным причинам;

11. Регулирование особенностей административной ответственности несовершеннолетних от 16 до 18 лет в специальной главе КоАП РФ;

12. Введение упрощенного механизма исполнения постановлений о назначении административных штрафов на суммы, не превышающие 10 тыс. руб., направляемых для принудительного исполнения в ФССП России в форме электронного документа, исключающего возбуждение исполнительного производства (в автоматическом режиме исключительно за счет денежных средств, находящихся на счетах должника в банке и иной кредитной организации);

13. Недопущение одновременного привлечения юридического лица и его работника к административной ответственности за одни и те же действия (за исключением ряда случаев)

Необходимо отметить, что многие авторы Концепции предлагают расширить круг субъектов, в полномочия которых бы входило издание подзаконных нормативно-правовых актов, регламентирующих сферу административных правонару-

шений [4, с.310]. Предлагается следующий перечень субъектов, обладающих полномочиями издания нормативно-правовых актов в сфере административной ответственности:

- Правительство Российской Федерации;
- Федеральные органы исполнительной власти;
- Банк России;
- Генеральная прокуратура.

Осуществлять свою деятельность вышеуказанные субъекты будут на основе закрытого перечня вопросов и предъявляемых обязательных требований, по которым они уполномочены издавать акты об административно-правовой регуляции [3].

Кроме обозначенного, в тексте Концепции излагается необходимость обеспечения актуальной информацией о производстве по делам об административных правонарушениях их участникам. Предлагается предоставлять данные о стадии производства по делу, времени и месте составления протокола об административном правонарушении, рассмотрения и пересмотра дела или совершения отдельного действия по делу с использованием Интернета (при наличии технической возможности) [4].

Таким образом, рассмотренные векторы и ориентиры по вопросу преобразования и совершенствования законодательства об административных правонарушениях путем введения нового КоАП РФ, позволит повысить эффективность регулятивной и охранительной функций государства. В тексте, уже опубликованного обновленного закона, содержатся концептуальные положения, касающиеся разграничения полномочий в области законодательства об административных правонарушениях, действия закона во времени, уточнения понятийного аппарата, расширения принципов административной ответственности и т.п.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях федер. закон от 30 декаб. 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 1
2. Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: // Документ опубликован не был. Доступ из справ.—правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Маркина Э. В. Макар В. В. Административная ответственность как институт административного права и ее отличие от других видов юридической ответственности // Актуальные вопросы применения норм административного права («Корнеевские чтения»): сб. науч. тр. II Междунар. науч.—практ. конф. М.: Моск. ун-т Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 2018. С. 402–407.
4. Тригуб Е. А., Сиренко Б. Н. Административная ответственность и ее отличие от других видов ответственности // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: материалы Междунар. науч. конф. студентов и молодых ученых. Посвящена 80-летию ДонНУ / под общ. ред. С. В. Беспаловой. Донецк, 2017. С. 318–320.
5. Аникеенко Ю. Б. К вопросу об административной ответственности государственных и муниципальных учреждений // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. № 2 (52). С. 28–33.

Поручительство и схожие правовые институты

Максимюк Юлия Александровна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В данной статье рассматриваются поручительство и схожие правовые институты. Осуществлен обзор точек зрения на правовую природу поручительства. Проанализированы нормы действующего Гражданского кодекса Российской Федерации о поручительстве.

Ключевые слова: поручительство, делькредере, правовые институты, институт гарантии, страхование.

Sureties and similar legal institutions

This article discusses suretyship and similar legal institutions. A review of points of view on the legal nature of surety is carried out. The norms of the current Civil code of the Russian Federation on surety are analyzed.

Keywords: guarantee, del credere, legal institutions, the Institute of guarantee insurance.

Достаточно часто поручительство сливается с делькредере. Имеется в виду способ в некотором роде похожий на институт поручительства, но в то же время обладающий присущими только ему свойствами. Ключевое отличие заключается в том, что делькредере не содержит презумпции солидарной ответственности. В данном случае действия третьего лица в качестве пособника заключаются в том, что такое лицо реализует собственное обязательство в главном соглашении перед должником. Должник равным образом предоставляет приобретенное от посредника собственному контрагенту.

В юридической литературе существуют два мнения относительно правовой природы делькредере. Первое заключается в том, что делькредере представляет собой специфическую разновидность института поручительства. Вторая точка зрения указывает на самостоятельную правовую природу делькредере. Думается, что вторая точка зрения в большей степени соответствует глубокому пониманию смысла института делькредере, вложенного в него законодателем. К. А. Граве указал его на его существенные различия [2]. Он считал, что при делькредере комиссионер принимает на себя обязательства третьего лица перед комитентом, при этом третье лицо приходится должником самому комиссионеру. В отношениях поручительства действует иная схема, а именно поручитель несет ответственность за действия должника (третьего лица) непосредственно перед кредитором.

Однако стоит внимательнее рассмотреть позиции, в которых поручительство приравнивается к делькредере, чтобы понять, чем обусловлена такая точка зрения. Г. Ф. Шершеневич указывал, что в исходной точке делькредере находится соглашение [5]. Автор сделал заключение о том, что делькредере нужно понимать как предоставление поручительства на определенный со всеми его последствиями. Тожественный подход к пониманию делькредере продемонстрировал В. А. Краснокутский [4]. Автор отметил, что комиссионер не обязан становиться поручителем для третьих лиц. Никакие обстоятельства не могут противостоять комиссионеру в желании выдать такое поручение. Оно именуется делькредере. Следующие позиции

отражены в учебной литературе. Можно указать на два авторитетных учебника гражданского права, из которых в одном обращается внимание на то, что в схожих обстоятельствах комиссионер может параллельно обладать статусом поручителя. Автор второго учебника, полагает, что делькредере имеет родственную правовую природу с институтом поручительства.

В настоящее время назрела потребность в четком определении границ между делькредере и поручительством. Поскольку важным является аспект ответственности в рамках норм ГК РФ о поручительстве, комиссионер не может расцениваться ни как субсидиарный, ни как солидарный должник даже не только из-за того, что в указанном случае отсутствует основной должник. А без основного должника отношения поручительства не могут существовать. Речь идет о том, что лицо, совершающее сделку с комиссионером, не является основным должником уже в силу отсутствия у него юридической связи с комитентом.

Но применение правил о поручительстве к делькредере все-таки возможно. Если же комитент потребовал от комиссионера уступить ему права, а последний исполнил обязанность по уступке, комиссионер, давший ручательство за третье лицо должен считаться поручителем. В такой ситуации нет никаких препятствий для применения к отношениям комитента, комиссионера и третьего лица норм параграфа 5 главы 23 ГК РФ [3]. Но опять, же повторимся, это исключение из правил, по общему правилу делькредере не есть поручительство, а будет таковым лишь при уступке прав комитенту.

На первый взгляд, сложно отделить конструкцию поручительства от конструкции перевода долга. Суть договора о переводе долга состоит в том, что посредством него участники гражданских отношений получают возможность заменить должника в обязательстве, не касаясь иных обязательств по договору. При принятии на себя чужого долга третье лицо сразу же вступает в правоотношения с кредитором; при поручительстве между выдачей поручительства и возложением на поручителя материальной ответственности за долги третьего лица проходит какой-то промежуток времени. Не случайно в дореволюционной

судебной практике господствовал подход, в соответствии с которым поручительство допускалось лишь до наступления срока исполнения обязательства. Представляется достаточно логичным то, что выдача поручительства после нарушения должником обеспечиваемого обязательства не возможно, поскольку противоречит природе поручительства.

Кроме того, институт поручительства представляется возможным сопоставить с такой формой принятия на себя чужого долга, как институт интерцессии или иначе называемой пассивной цессии. Институт интерцессии редко применяется на практике, однако в целях недопущения смешения с поручительством необходимо выделить его отличительные черты.

ГК РФ содержит положение, раскрывающее правовое регулирование и суть пассивной цессии, оно содержится в ч. 2 ст. 313 ГК РФ. Третье лицо, непосредственно претерпевающее риск утраты принадлежащего ему права на имущество должника по причине того, что кредитор предъявил требование на такое имущество, имеет право из своих собственных средств удовлетворить притязания кредитора. Согласие должника в таком случае не требуется. Из этого следует, что в представленных отношениях состоялся переход права от кредитора к третьему лицу. Надо полагать, что законодатель поставил рамки для третьих лиц в вопросах вступления в чужой долг, такое право предоставляется лишь в ситуации, когда существует риск лишения права на имущество основного должника. При любых иных обстоятельствах обязательным условием для вступления в чужой долг будет согласие должника и кредитора по договору перевода долга. Отмеченный договор подписывается с одной стороны третьим лицом, а с другой — должником. Основанием указанного договора является неисполнение денежного обязательства третьим лицом перед должником. Однако долг не переведен до тех пор, пока не выдано согласие кредитора. Не подлежит сомнению тот факт, что новый должник не получает право требования кредитора к первоначальному должнику. В этом и кроется отличие пассивной цессии от поручительства, поскольку к поручителю, исполнившему обязательство должника, права требования переходят в полном объеме.

Следует также провести разграничение института поручительства и независимой гарантии. На состоявшемся в сентябре 2015 года обсуждении внесенных в ГК РФ изменений с участием бывшего председателя ВАС РФ, А. А. Иванова был поднят вопрос о том, является ли независимая гарантия видом поручительства, или же представляет собой самостоятельный институт [3].

Именно на этапе, когда институт гарантии лишь только зарождался в форме особого вида договора поручительства, наиболее явно прослеживается природа данного способа обеспечения исполнения обязательств. Н. В. Воронина и В. А. Бабанин указали на то, что — несмотря на укоренение института банковской гарантии в законодательстве, продолжают цивилистические дискуссии относительно места банковской гарантии в системе способов обеспечения исполнения обязательств, кроме того, авторы пытаются выделить отличительные признаки этих институтов [1].

В связи с тем, что независимая гарантия фактически заменила собой банковскую, среди ученых появляются позиции о том, что поручительство и независимая гарантия сходные

институты. При этом отмечается, что между ними имеется определенная черта. В связи с изменениями гражданского законодательства к лицу, выступающему гарантом в обязательстве, стали предъявляться повышенные требования. Таким образом, законодатель ограничил субъектный состав независимой гарантии. Теперь гарантом могут выступать лишь банки и иные кредитные организации, а также иные коммерческие организации. Представляется, что если гарантом будет выступать некоммерческое юридическое лицо, то к таким отношениям будут применяться только нормы о поручительстве. Также, нельзя не отметить тот факт, что поручительство является двусторонней сделкой, в то время как независимая гарантия — это сделка односторонняя. Что касается круга обеспечиваемых обязательств, то поручительство в этом вопросе имеет преимущество перед независимой гарантией, поскольку поручитель, если он осуществляет предпринимательскую деятельность, может отвечать по неограниченному кругу обязательств, включая будущие обязательства должника перед кредитором (п. 3 ст. 361 ГК РФ). Единственное условие для выдачи подобного поручительства — это установление денежного предела ответственности поручителя. В отличие от поручительства, независимая гарантия может быть выдана только в обеспечение конкретного обязательства, которое указывается в тексте гарантии и является её существенным условием (п. 4 ст. 368 ГК РФ). Кроме того, главным критерием разграничения гарантии и поручительства является неакцессорность первого из указанных институтов, в отличие от акцессорности второго.

В законодательстве неоднократно подчеркивается независимость гарантии, как от основного обязательства, в отношении которого она была выдана, так и от каких-либо других обязательств. При этом необходимо отметить, что независимая гарантия имеет преимущественно неакцессорный характер, поскольку отдельные признаки акцессорности в независимой гарантии все же имеются. Современный законодатель пошел по пути, разработанному советскими цивилистами, которые понимали акцессорность в основном только в аспекте действительности обеспечения. Что же касается поручительства, оно напрямую связано с основным обязательством должника и имеет силу лишь тогда, когда это обязательство действительно. Несмотря на то, что независимость гарантии ограничивается положением, согласно которому права по ней могут передаваться бенефициаром лишь при условии уступки тому же лицу прав по основному обязательству, иных пределов независимости законодатель не устанавливает. Следовательно, ключевой особенностью, отличающей независимую гарантию от иных способов обеспечения исполнения обязательств, является именно ее неакцессорность.

Таким образом, несмотря на, казалось бы, схожесть рассматриваемых способов обеспечения исполнения обязательств и существование в правовых кругах взглядов на гарантию, как вид поручительства, между ними существует несколько существенных различий, основным из которых является неакцессорность независимой гарантии.

Представляется возможным провести сравнение между поручительством и страхованием (прежде всего, страхованием ответственности по договору — ст. 932 ГК РФ). Существует ряд формальных отличий. К ним относится то, что только по основаниям,

зафиксированным в ГК РФ, можно застраховать риск договорной ответственности. К поручительству подобные ограничения не применяются. Должник, в такого рода соглашении, выступает в качестве страхователя и самостоятельно заключает договор со страховщиком. Положение выгодоприобретателя по соглашению получает кредитор. Среди прочего, к числу различий относится то, что к субъектам договора страхования законом предъявляются особые требования, так страховщик обязан иметь соответствующую лицензию. Исследователи отмечают и сходства указанных институтов. Оба института предполагают, что возможные неблагоприятные последствия от неисполнения обязательства должником, снижаются благодаря дополнительной имущественной массе, привлеченной за счет третьего лица.

Следовательно, проведение четких границ, где это возможно, между поручительством и сходными правовыми конструкциями несет в себе практическую и теоретическую пользу. Четкое разграничение поручительства и схожих институтов дает возможность более эффективно проводить анализ норм о поручительстве, не допуская излишнего расширения темы исследования. Понять его роль в гражданском праве, как самостоятельной конструкции, а также во взаимосвязи с иными правовыми институтами. На практике этот вопрос так же важен, поскольку в настоящее время все больше отношений обеспечиваются поручительством, а, следовательно, необходимость в правильном понимании и впоследствии использовании норм поручительства только увеличивается.

Литература:

1. Воронина, Н. В. Поручительство и банковская гарантия: особенности правового регулирования обеспечения исполнения обязательств / Н. В. Воронина, В. А. Бабанин // Бухгалтер и закон. — 2018. — № 1. — С. 13–22.
2. Граве, А. К. Отдельные виды обязательств / А. К. Граве, И. Б. Новицкий. — М.: Госюриздат, 1948. — 360 с.
3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации [Электронный ресурс]: учеб. — практ. комментарий (постатейный) / под ред. А. П. Сергеева. — М., 2010. — Ч. 1 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. — Электрон. дан. — М., 2018.
4. Краснокутский, В. А. Договор комиссии / В. А. Краснокутский. — М., 1925. — 80 с.
5. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. — М.: Спарк, 1995. — Т. 2. — 556 с.

Принцип свободы гражданско-правового договора в российском праве: содержательный аспект

Михельсон Анастасия Игоревна, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В государстве с рыночной организацией хозяйственной деятельности свобода договора является одним из основополагающих принципов гражданского права. Это обусловлено тем, что договор, выступая основным правовым регулятором имущественных отношений в сфере гражданского оборота, обладает лишь ему присущими правовыми качествами, которые в полной мере могут быть использованы только в условиях реализации принципа свободы договора.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) возводит свободу договора в ранг основополагающих начал гражданского законодательства, а также определяет ее содержание и общие пределы. Несмотря на законодательное закрепление принципа среди цивилистов на сегодняшний день отсутствует единое мнение по поводу его определения и содержания.

Так, Алексеев С. С., рассматривая свободу договора с точки зрения философии, говорит о том, что она представляет собой возможность не связанного ни с чем и независимого ни от кого выбора или решения, то есть представляет собой разновидность «свободы в целом» [1, с. 88].

По мнению Карапетова А. Г. и Савельева А. С. свобода договора состоит в возможности самостоятельного выбора контрагентов и определения условий будущего договора [2, с. 21].

Танага А. Н. считает, что свобода договора заключается, во-первых, в свободе его заключения, во-вторых, в свободе выбора его вида, и, в-третьих, в свободе определения его условий [3, с. 37]. Комкова Е. В. помимо названного предыдущим автором выделяет также свободу выбора контрагента [4, с. 21].

Анализ цивилистической литературы показал, что, говоря о понятии принципа свободы договора, принято выделять два аспекта: содержательный и процедурный.

Содержательный аспект принципа свободы договора реализуется, прежде всего, в праве его участников самостоятельно определять существенные и факультативные условия заключаемого договора.

Процедурный же аспект состоит в праве принятия решения о заключении договора и выбора контрагента. Стоит отметить наличие при реализации данного аспекта некоторых исключений, обусловленных теми случаями, когда субъекты лишены возможности по своему усмотрению выбирать контрагентов, запрещено дискриминационное уклонение от заключения договора с отдельными участниками имущественного оборота или когда законодательством допускается понуждение к заключению договора.

Как было сказано выше, основные положения, в частности содержание принципа свободы договора, представлены в статье 421 ГК РФ. В российской юридической литературе преобладает мнение о существовании положительного и отрицательного содержания рассматриваемого принципа [5, с. 251]. Положительная сторона выражается в наличии у субъектов права на заключение договоров с любым, непротиворечащим законодательству содержанием, отрицательная — в признании автономии воли при заключении сделок.

Наиболее признанной является позиция, согласно которой содержание принципа свободы договора представлено следующими тремя элементами [6, с. 175].

Во-первых, свобода заключения договора. Согласно указанному элементу субъекты гражданских правоотношений имеют возможность по своему усмотрению, независимо друг от друга и от государства решать вопрос о вступлении в договорные связи. Исключение, как уже было отмечено выше, составляют случаи, когда обязанность заключать договор предусмотрена законом или добровольно принятым на себя стороной обязательством.

Во-вторых, свобода определения вида заключаемого договора. Данный элемент означает то, что стороны могут заключить любой договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный законом. Единственное требование к сторонам состоит в этом случае в том, чтобы избранная модель договора не противоречила действующему гражданскому законодательству.

В-третьих, свобода определения контрагентами условий заключаемого ими договора. Здесь, как и в предыдущем элементе, важно отметить, что условия договора должны быть сформулированы таким образом, чтобы не возникало противоречий закону и иным нормативным правовым актам.

Представляется, что вышеуказанные элементы принципа свободы договора в своей совокупности необходимы и достаточны для реализации участниками имущественного оборота своей экономической независимости и имущественной самостоятельности.

Стоит отметить, что ряд авторов помимо вышеуказанных элементов выделяют также свободу выбора контрагентов [7, с. 14]. Основным приводимым ими в пользу этого аргументом выступает тот факт, что данный элемент имеет важный экономический смысл, состоящий в том, что выбор контрагента, предлагающего наилучшие условия договора, по сравнению с другими, позволяет сохранять конкурентность рынка и производить своего рода естественный отбор в среде предпринимателей. Однако, в связи с тем, что ст. 421 ГК РФ прямо не указывает на этот элемент свободы договора, не все авторы считают целесообразным выделять его в качестве самостоятельного, а включают его в такой элемент принципа, как свобода заключения договора.

В доктрине гражданского права все чаще встречается позиция о необходимости более широкого понимания принципа свободы договора, в частности, Денисов С. А. дополняет перечень элементов принципа следующим: 1. свобода не только в принятии решения о вступлении в договорные связи, но и свобода выбора способа заключения договора, среди которых: общий порядок заключения, предварительный договор,

договор присоединения и торги; 2. равноправие контрагентов в ходе ведения переговоров; 3. увеличение объема правоспособности юридических и физических лиц; 4. значительное расширение перечня объектов, в отношении которых могут заключаться договоры [8, с. 56].

Достаточно своеобразно детализирует рассматриваемый принцип Рогова И. В.:

- 1) свобода выбора контрагента по договору, т.е. возможность сторон самостоятельно выбирать с кем заключать договор;
- 2) свобода заключения договора, т.е. возможность сторон по своему усмотрению принимать решение, вступать или не вступать в договорные связи;
- 3) свобода выбора места заключения договора, т.е. возможность сторон определять, где заключать договор;
- 4) свобода выбора времени заключения договора, т.е. возможность сторон определять, когда заключать договор;
- 5) свобода выбора формы заключаемого договора;
- 6) свобода выбора вида заключаемого договора;
- 7) свобода определения условий договора, включая возможность изменять и отменять их;
- 8) свобода расторжения договора [9, с. 59].

Кузнецова Н. В. помимо прочего, выделяет такой элемент, как право сторон предусматривать в договоре различные формы гражданско-правовой ответственности, например, штрафная неустойка [10, с. 91].

Все вышеназванные элементы договорной свободы, по нашему мнению, можно классифицировать на три группы:

Первая группа включает в себя элементы, определяющие процесс заключения договора. К таким относятся:

- 1) свобода заключения договора;
- 2) свобода выбора вида договора;
- 3) свобода выбора контрагента по договору;
- 4) равенство сторон при заключении договора;
- 5) свобода выбора места заключения договора;
- 6) свобода выбора времени заключения договора;
- 7) свобода выбора формы договора.

Вторая группа элементов характеризует содержание заключаемого договора:

- 1) свобода определения условий договора, включая возможность отменять и изменять их;
- 2) установление различных форм гражданско-правовой ответственности и другое.

Третью группу составляют права контрагентов, возникающие из свободы изменения и расторжения договоров.

Таким образом, общепризнанной является позиция цивилистов о выделении трех основных элементов принципа свободы договора, вытекающих из содержания ст. 421 ГК РФ. Однако некоторые авторы придерживаются мнения о необходимости более широкого понимания договорной свободы.

Необходимо констатировать, что, несмотря на довольно длительную историю возникновения и развития данного принципа, принято считать, что свое начало он берет еще в римском праве, ряд принципиально важных теоретических вопросов, касающихся содержательной части принципа, по-прежнему не исследованы должным образом.

Литература:

1. Алексеев С. С. Философия права. М: Норма.— 1988.— С. 88.
2. Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы. В 2-х т. Т. 1, М: Статут.— 2012.— С. 21.
3. Танага А. Н. Принцип свободы договора в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Кубанский государственный аграрный университет, Краснодар, 2001.— С. 37.
4. Комкова Е. В. Заключение договора по российскому гражданскому праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Московская Государственная Юридическая Академия, Москва, 2001.— С. 21.
5. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права.— М.— 1998.— С. 251.
6. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения.— М.: Статут — 2003.— С. 175.
7. Марченко М. Н. Общая теория договора: основные положения (статья первая) // Вестник Московского университета.— Сер. 11.— Право.— 2003.— № 6.— С. 14.
8. Денисов С. А. Преимущественное право на заключение договора как институт, устанавливающий пределы свободы заключения договора // Законодательство.— 1997.— № 2.— С. 56.
9. Рогова Ю. В. договор как средство обеспечения стабильности гражданского оборота. М.: Статут.— 2015.— С. 59.
10. Кузнецова Н. В. Свобода договора и проблемы классификации ее ограничений в гражданском праве Российской Федерации // Вестник Удмуртского Университета.— № 2.— 2011.— С. 91.

О законодательной конструкции выемки

Ожегова Наталья Александровна, студент
Тюменский государственный университет

На сегодняшний день законность производства следственных действий отражает достоверность полученных результатов и, как следствие, обоснованность выносимых процессуальных решений. Довольно спорным в юридической науке является регламентация выемки как одного из часто применяемых следственных действий.

Примечательно, что В. С. Хоршева и Е. В. Токарева критикуют отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве нормативного определения выемки. В ч. 1 ст. 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) закреплено: «При необходимости изъятия определенных предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, и если точно известно, где и у кого они находятся, производится их выемка». Указанные авторы настаивают на закреплении понятия выемки, предлагая соответствующий вариант формулировки [1]. Полагаем, что такое установление является достаточным и вполне отражает основания, условия и характер данного следственного действия. Внесение термина в данную норму УПК РФ будет находиться в расхождении с иными положениями закона.

Выемка, как отмечено выше, является самостоятельным следственным действием. Отметим, что при выемке изъятию подлежат исключительно предметы и документы. Следовательно, если есть необходимость в обнаружении живого человека или спрятанного трупа, то производство выемки исключается. Как справедливо замечает Л. В. Головкин: «...здесь возможны только обыск, эксгумация, осмотр, освидетельствование» [2].

Кроме того, что в силу уголовно-процессуального закона, выемка допустима только в отношении предметов и документов, о которых «точно известно, где и у кого они находятся». В связи с этим, предметы и документы, которые могут быть изъяты в рамках исследуемого следственного действия, для соблюдения указанного условия о точности знания, в обязательном порядке должны обладать индивидуально-определенными признаками. Последнее означает, что в постановлении о производстве выемки надлежит обозначать конкретные предметы и документы, подлежащие изъятию в данном случае, а также характер их значения для уголовного дела.

Заметим, что указанное исключает в отличие от обыска возможность поиска иных (неизвестных точно) объектов, имеющих значение для уголовного дела.

Исходя из законодательной конструкции данного следственного действия, стоит подчеркнуть то, что основания для производства выемки имеют место исключительно при наличии подтвержденных сведений о том, где конкретно и у какого лица эти предметы, документы находятся. Вместе с тем, такое знание может быть ошибочно в силу различных факторов, в том по причине умышленных действий виновного лица, желающего скрыть имеющие доказательственное значение объекты. В этой связи результат выемки вполне может выразиться в не изъятии предметов и документов, что, разумеется, само по себе не должно оцениваться как незаконный характер или необоснованность проведенного следственного действия.

При этом в некоторых случаях проведение *de facto* поиска того или иного предмета не преобразует выемку в обыск. Инте-

ресен следующий пример: «...если следователю необходима медицинская карта больного и у него есть все основания полагать, что она находится в медицинском учреждении, то он производит выемку, а не обыск, так как документ индивидуально-определен (медицинская карта), и искать в медицинском учреждении следователю более нечего» [2, с.327].

На наш взгляд, исходя из толкования положений ст. 29, ст. 164, ст. 165 и ст. 183 УПК РФ в их нормативном единстве, стоит заключить, что производство выемки в жилище производится исключительно на основании судебного решения. В целом судебный контроль на досудебной стадии хотя и подвергается критике в доктрине уголовного процесса [3, с.123], однако в силу Конституции РФ, считаем важным его своевременное и обоснованное наличие для обеспечения баланса соблюдения и ограничения конституционных прав человека и гражданина (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Полномочие суда прямо указано в уголовно-процессуальном законе, а именно то, что только суд, в том числе в ходе досудебного производства, правомочен принимать решения: «о производстве обыска и (или) выемки в жилище» (п. 5 ч. 2 ст. 29 УПК РФ). Отсюда довольно спорным и не целесообразным представляется предложение некоторых авторов о том, что по причине возможных ошибок толкования закона следственными органами есть «необходимость привести в соответствие ст. 165 и 183 УПК РФ» дополнив ч. 3 ст. 183 УПК РФ нормой о том, что выемка в жилище также производится с разрешения суда» [1, с.160].

Хотя стоит заметить, что в ч. 3 ст. 183 УПК РФ уже имеется специальное указание о том, что «выемка предметов и доку-

ментов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях, а также вещей, заложенных или сданных на хранение в ломбард, производится на основании судебного решения». Подчеркнем, что названные условия (перечень оснований) судебного контроля на стадии предварительного расследования имеются в ст. 29 УПК РФ, на которую в ч. 2 ст. 164 УПК РФ «Общие правила производства следственных действий» содержится соответствующая отсылка, в связи с чем представляется излишней указанная выше регламентация, дублирующая положения закона.

Нередко законодательную регламентацию и в целом характер производства выемки соотносят с правилами производства обыска. При этом, производство обыска устраняет потребность правоприменителя в проведении выемки, так как предполагает возможность изъятия предметов и документов при их обнаружении. Однако, исходя из положений ст. 29 УПК РФ имеют место существенные различия в правилах проведения выемки и обыска, в частности производимых в ломбарде, так как ст. 29 и ст. 183 УПК РФ регламентируют судебный контроль именно выемки в ломбарде, необоснованно умалчивая о необходимости такой процедуры для обыска в ломбарде [4, с.138].

Представляется, что регламентация выемки в УПК РФ требует комплексной оценки, тщательной проработки на основе исследования судебной практики и теоретических разработок науки уголовного процесса.

Литература:

1. Хоршева В. С., Токарева Е. В. Некоторые организационно-тактические проблемы производства выемки // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 3. 157–164.
2. Курс уголовного процесса / Под ред. Л. В. Головки. М.: Статут, 2016. 619 с.
3. Никифорова Х. П. К вопросу о судебном контроле законности и обоснованности производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 3 (178). С. 120–125.
4. Хайдаров А. А. Проблемы получения следователем (дознавателем) разрешения на производство обыска и выемки в ломбарде // Журнал российского права. 2019. № 9.

Законодательство об административной ответственности в области дорожного движения: этапы развития и современность

Панфилова Екатерина Сергеевна, студент магистратуры
Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск)

В данной статье проанализировано законодательство об административной ответственности в области дорожного движения, этапы его развития и современное состояние. Обеспечение безопасности дорожного движения является одной из немаловажных функций государства по обеспечению правопорядка, которую государство должно выполнить.

Основой системы правового регулирования дорожного движения является институт административной ответственности, реализация которого основана на применении административных взысканий.

Ключевые слова: законодательство, административная ответственность, дорожное движение

Legislation on administrative liability in the field of road traffic: stages of development and modernity

Panfilova Ekaterina Sergeevna, student
Pacific State University (Khabarovsk)

Концепция административной ответственности основана на совокупности социальных отношений, возникающих в ходе дорожного движения, а точнее, когда люди и товары перемещаются по развитой и используемой полосе земли — дороге с помощью транспортных средств — специально разработанные устройства. Участниками таких отношений могут быть как пассажиры транспортных средств, так и пешеходы и приравненные к ним лица.

Определение административного правонарушения сформулировано в части 1 статьи 2.1 КоАП РФ: «К административному правонарушению допускается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, в отношении которого КоАП РФ или законодательством субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлены административные правонарушения». обязанность».

Многие авторы считают, что только небольшая часть видов административных правонарушений несет общественную опасность, и большинство из них вообще не несут ее.

Административная ответственность исключается отсутствием одного из признаков совершения административного правонарушения. Признаки административного правонарушения в корне отличаются от правовой структуры. Это важнее с точки зрения правоприменительной практики, чем с точки зрения теоретической значимости. Наличие всех признаков административного правонарушения не является полным основанием для привлечения к ответственности. В этом случае, если нет нарушения, возможность ответственности полностью исключена.

Становление и развитие нового российского государства требует переосмысления сущности и социальной цели многих правовых явлений и категорий с позиции приоритета права над государством, естественных прав человека и гражданина над другими ценностями в обществе. Существующая система правового регулирования безопасности дорожного движения в Российской Федерации в основном логична, но из-за ее сложности и постоянных изменений ее применение не всегда эффективно. Очевидно, что действующее законодательство в области безопасности дорожного движения необходимо не только усовершенствовать, но и создать условия для его более эффективного применения.

Основой системы правового регулирования дорожного движения является институт административной ответственности, реализация которого основана на применении административных взысканий. Этот элемент правоохранительной деятельности дорожной полиции наряду с профилактической работой имеет решающее значение в практике предупреждения и пресечения правонарушений в области безопасности дорожного движения. Применение мер административного принуждения

органами внутренних дел в этой области серьезно затруднено отсутствием разработки концептуального аппарата административно-юрисдикционной деятельности, применения административных взысканий, механизма их исполнения и т. Д.

ГИБДД пытается справиться с проблемами в сфере безопасности дорожного движения. Поэтому очевидно, что сама жизнь заставляет ГИБДД работать для граждан и в их интересах комплексным и систематическим образом. Об этом свидетельствует государственная статистика работ в области безопасности дорожного движения [1].

Анализируя современные правовые акты, определяющие порядок обеспечения безопасности дорожного движения на улицах и дорогах России, можно сделать вывод, что даже их названия не всегда соответствуют содержанию. Существует очевидное несоответствие между документами, и предусмотренная в них ответственность за нарушение Правил дорожного движения не адекватна риску последствий для жизни и здоровья людей. Мировая практика показывает, что действия, направленные на обеспечение жизни и здоровья людей, должны быть жесткими и бескомпромиссными. Президент Российской Федерации В.В. На заседании президиума Госсовета «О состоянии безопасности дорожного движения и мерах по совершенствованию государственного управления в сфере безопасности дорожного движения» в ноябре 2005 года Путин заявил: «Важно укреплять законодательную базу для деятельности автомобильного транспорта и восполнить существующие пробелы» [5].

Либеральное российское административное законодательство в отношении участников дорожного движения привело к низкой эффективности профилактических мер, массовому нарушению Правил дорожного движения как со стороны его участников, так и со стороны контролирующих органов. Наказания за нарушение правил дорожного движения, установленные главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — Административный кодекс), настолько неэффективны, что само их существование не побуждает участников дорожного движения соблюдать установленные нормы и правила.

Нынешняя ситуация с ответственностью в сфере дорожного движения очень сложная. Это подтверждают регулярные резонансные автомобильные аварии. Президент России Владимир Путин, комментируя трагическую аварию в Москве 25 сентября 2012 года, когда пьяный водитель врезался в автобусную остановку и убил семь человек, пятеро из которых были детьми, заявил, что необходимо ужесточить наказание за такие преступления в России.

Действующие правила ответственности за нарушение правил дорожного движения должны быть оптимизированы (унифицированы) с учетом опасности и возможных последствий установленного порядка участия участников дорожного

движения в дорожном движении. Проведение таких работ позволит сотруднику правоохранительных органов в лице Государственной инспекции дорожного движения более эффективно влиять на участников дорожного движения, поощряя их повышать уровень осведомленности об опасности нарушений при участии в дорожном движении.

Общественную опасность административного правонарушения следует понимать как незаконное действие или бездействие, совершенное физическим или юридическим лицом, которое предусматривает административную ответственность на основании закона. Если мы говорим об административной ответственности в сфере дорожного движения, мы понимаем, что речь идет о нарушениях правил дорожного движения в этой области.

Административная ответственность за нарушения правил дорожного движения в случаях их совершения сотрудниками органов внутренних дел, органов уголовного розыска, таможенных органов, органов налоговой полиции, а также военнослужащих определяется в соответствии с нормативными правовыми актами, определяющими порядок службы, но Стоит отметить, что эти сотрудники несут административную ответственность на общих основаниях. Все существующие виды административных взысканий применяются к этим лицам на общих основаниях, за исключением ареста и военнослужащих — штрафа.

В соответствии с принятым законодательством ответственность за нарушение правил дорожного движения несет лицо. Невозможно передать вину другому человеку. Однако эти преступления характеризуются ситуациями, когда несколько человек привлекаются к ответственности, например, при управлении транспортным средством скорой помощи.

Литература:

1. Быков А. И. Проблемы применения органами внутренних дел административных наказаний в области безопасности дорожного движения: Автореф. дис. канд. юрид. наук. — М.: Академия, 2017. — 197. — С. 35.
2. Квитчук А. С. Система обеспечения безопасности дорожного движения в России: Историко-правовое исследование: Автореф. докт. юрид. наук. // А. С. Квитчук — СПб.: МВД России. Санкт-Петербургский университет., 2018. С. 21
3. Костылев А. К., Передернин А. В. Проблемы обеспечения гарантий водителей транспортных средств и собственников транспортных средств в условиях электронного юрисдикционного производства // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. № 3. С. 150.
4. Кузнецов А. П. Актуальные проблемы обеспечения безопасности дорожного движения на современном этапе / А. И. Кузнецов, С. В. Изосимов, Н. Н. Маршакова // Транспортное право. — 2016. — № 1. — С. 28.
5. Семёнов А. Э. Административная ответственность в области дорожного движения // Молодой ученый. — 2015. — № 3. — С. 694–697. — URL <https://moluch.ru/archive/83/15275/> (дата обращения: 24.03.2020).

Состояние правовых отношений в сфере функционирования лесопромышленного комплекса России. Контрабанда стратегически важных ресурсов как условие незаконного оборота древесины

Пирожков Алексей Васильевич, (г. Челябинск)

Использование, охрана, защита, воспроизводство лесов в Российской Федерации осуществляются исходя из по-

Есть возможность привлечь водителя и человека (сотрудника компании), ответственного за техническое состояние автомобиля. В этом случае ответственность лежит не за общее правонарушение в целом, а за совершение правонарушения каждым лицом. Правонарушения могут регулироваться различными правилами.

Безопасность дорожного движения в целом и предотвращение административных нарушений в сфере дорожного движения в частности, в настоящее время является приоритетной задачей Правительства Российской Федерации, поскольку она имеет общегосударственное значение. По некоторым данным, латентность административных правонарушений достигает 30% и довольно высока [2, с. 150]. Это способствует появлению чувства безнаказанности у многих водителей при совершении административных правонарушений в сфере дорожного движения, в результате чего игнорируются правила дорожного движения. Также в большинстве случаев водители, нарушающие закон, уверены в неэффективной работе правоохранительных органов.

Неоднократные изменения в правовых актах в течение короткого периода времени и введение санкций за административные правонарушения не способствуют повышению уровня безопасности дорожного движения. В результате деятельность юрисдикционных органов по предупреждению нарушений правил дорожного движения становится менее эффективной, и возникает ряд проблем. Таким образом, основной юрисдикционный принцип — неизбежность наказания за административное правонарушение, совершенное в сфере дорожного движения — ставится под сомнение и не соблюдается на практике.

нятия о лесе как об экологической системе или как о природном ресурсе [1].

Леса выполняют важнейшие средообразующие и защитные функции, удовлетворяет многочисленные потребности общества и государства.

Россия является мировым лидером по площади лесов — 809 тыс. га, или 20,1% общемировой площади. Занимая второе место по запасам древесины (83,1 млрд м. куб.) и имея огромный потенциал для освоения лесов, Россия, тем не менее, существенно уступает развитым странам по уровню заготовки древесины (4-е место после США, Бразилии и Канады). Сегодня в стране официально осваивается менее 30% допустимого объема расчетной лесосеки [2].

В лесной отрасли России продолжительное время сохраняются системные проблемы, препятствующие эффективному использованию, охране и воспроизводству лесов. Низкий уровень переработки древесины снижает конкурентоспособность лесопромышленного комплекса России. Незаконная рубка леса, непрозрачность оборота, а также контрабанда лесоматериалов [3], оказывают негативное влияние на имидж органов государственной власти, а также наносят значительный вред экономике страны.

По подсчетам Всемирного фонда дикой природы России и Всемирного банка, до 20% заготавливаемой в стране древесины имело на тот момент незаконное происхождение [4].

Основными причинами незаконных рубок явились:

- несовершенство лесного законодательства и практики его применения;
- кризис системы лесного управления;
- коррупция;
- низкий уровень межведомственного взаимодействия;
- непрозрачность сделок с древесиной;
- низкий уровень жизни в провинции;
- устойчивый спрос на древесину вне зависимости от ее происхождения.

Наибольший объем незаконных коммерческих рубок пришелся на приграничные регионы, где и сегодня наблюдается наиболее высокий спрос на древесину со стороны сопредельных государств. Лидерами по количеству таких рубок стали регионы юга Сибири и Дальнего Востока.

Экспорт леса и лесоматериалов стал относиться к числу наиболее криминогенных сфер внешнеэкономической деятельности, стало ясно, что результаты правоохранительных органов не соответствуют масштабам криминализации отрасли.

Так, в 2011 году к уголовной ответственности за незаконную рубку было привлечено 2320 лиц, из которых к лишению свободы приговорили 196 человек. На срок от трех до пяти лет осуждено 20 «черных» лесорубов, а свыше пяти лет — один [5].

Для сокращения незаконного оборота древесины, а именно перекрытия каналов ее транспортировки, выявления и документирования преступлений и правонарушений в лесной отрасли был принят Межведомственный план по предотвращению незаконной заготовки и оборота древесины в Российской Федерации на 2011–2014 годы (Поручение Правительства РФ от 11.03.2011 N ВЗ-П9–1395), а также утверждена государственная программа «Развитие лесного хозяйства» на 2013–2020 годы (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2012 г. N2593-р<Foot-

noteStart:>Текст распоряжения опубликован в Собрании законодательства Российской Федерации от 14 января 2013 г. N2 ст. 124, Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. N318 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие лесного хозяйства» на 2013–2020 годы» указанное распоряжение признано утратившим силу [6].<FootnoteEnd:>). Для координации межведомственного взаимодействия Рослесхоз создал комиссию по предотвращению незаконной заготовки и оборота древесины, заключил соглашения по взаимодействию с МВД, ФТС и ФСФМ. В Хабаровском и Приморском краях приняты законы, позволившие контролировать деятельность пунктов приема и отгрузки древесины.

С целью снижения криминализации отрасли, с июля 2012 года вывоз отдельных видов леса хвойных пород стал регулироваться тарифными квотами, распределяемыми на основании лицензий Минпромторга России. Наличие соответствующей лицензии снизило ставку таможенной пошлины с 80 до 13–15%, но уменьшения экономической привлекательности экспорта леса для криминальных структур не произошло.

В сентябре 2012 года, с утверждением перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226.1 Уголовного Кодекса РФ [7], таможенным органам были возвращены правовые основания для активизации борьбы с преступлениями в лесоэкспортной сфере.

Основными схемами вывоза круглых лесоматериалов явились:

- искажение фактических объемов, сортности и стоимости древесины;
- недостоверное декларирование (присвоение товару кода товара-прикрытия).

Уже в 2013 году, по фактам незаконных рубок (ст. 260 УК РФ) было возбуждено 10,7 тыс. уголовных дел, привлечено к ответственности 3,1 тыс. человек, по фактам контрабанды лесоматериалов (ст. 226.1 УК РФ) было возбуждено 87 уголовных дел, основная доля которых пришлось на органы дознания ФТС России.

По данным Рослесхоза, в 2010–2013 годах было выявлено 87,8 тыс. случаев незаконной рубки лесных насаждений общим объемом 4,6 млн м. куб. и причиненным ущербом в 44,2 млрд руб. [8], в 2014–2015 годах было выявлено 52,4 тысячи случаев незаконной рубки, общим объемом 4,1 млн кубометров древесины и ущербом в 30,8 млрд руб. [9].

Только из Сибирского федерального округа преступники пытались нелегально вывезти около 27 тыс. м. куб. леса и лесоматериалов, рыночной стоимостью более 63 млн рублей, три четверти из них предназначалось для вывоза в Китай, остальное — в Узбекистан. В отдельных случаях недобросовестные экспортеры даже не заявляли каких-либо сведений о лесоматериалах в таможенных декларациях [10].

В этот период в научной литературе и средствах массовой информации выходит ряд материалов о проблемах сохранения национальных ресурсов, угрозах полного исчезновения продуктивных широколиственных и хвойно-широколиственных лесов. В самых широких научных кругах и у общественности укрепляется понимание, что экспорт незаконно заготовленной

древесины является специфической правовой проблемой и требует комплексных подходов для ее решения.

Все чаще стал отмечаться трансграничный характер преступлений в системе незаконного оборота леса, за которым стоит преступная деятельность организованных групп, преступных сообществ.

Деятельность таких преступных сообществ заключается в систематическом незаконном перемещении через государственную границу Российской Федерации заведомо незаконно заготовленной древесины и лесоматериалов с целью дальнейшего сбыта на зарубежных рынках — как легальных, так и на теневых и последующей легализации денежных средств.

С 1 февраля 2014 года вступил в силу Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. №415 «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [11], посвященный учету и маркировке древесины, ее транспортировке, декларированию сделок с круглым лесом, а также информационной системе учета заготовленной древесины и сделок с ней. Данный Закон затронул более 8 тыс. арендаторов и около 700 тыс. жителей лесных регионов России и вобрал в себя основную часть, выработанных с начала 2000-х годов механизмов борьбы с незаконной заготовкой древесины и контроля за её коммерческим оборотом. Позднее был принят закон об обязательном восстановлении лесных участков [12], вопросы сохранения и рационального использования леса стали значимыми приоритетами государства [13].

Основными новациями Закона №415 явились нормы об учете заготовленной древесины и сделок с ней, а также об административной ответственности за нарушение требований лесного законодательства:

- с 01.07.2014 введено требование о транспортировке заготовленной древесины исключительно при наличии специального сопроводительного документа;
- с 01.07.2015 введено обязательное декларирование сделок с древесиной;
- введен запрет на продажу древесины, которую граждане получили для собственных хозяйственных нужд (для строительства или ремонта дома);
- с 01.01.2015 введен контроль оборота ценных пород древесины (дуба, бука и ясеня) с помощью маркировки всех бревен.

КоАП РФ был дополнен ст. 8.28 и ст. 8.28.1<FootnoteStart:>Справочно: статья 8.28.1. КоАП РФ «Нарушение требований лесного законодательства об учете древесины и сделок с ней:

1. Непредставление или несвоевременное представление декларации о сделках с древесиной, а также представление заведомо ложной информации в декларации о сделках с древесиной — влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от пяти тысяч до двадцати тысяч рублей; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, — от семи тысяч до двадцати пяти тысяч рублей; на юридических лиц — от ста тысяч до двухсот тысяч рублей.

2. Непредставление или несвоевременное представление должностными лицами уполномоченных органов государ-

ственной власти, органов местного самоуправления информации в единую государственную автоматизированную информационную систему учета древесины и сделок с ней, а также представление заведомо ложной информации в единую государственную автоматизированную информационную систему учета древесины и сделок с ней — влечет наложение административного штрафа в размере от пяти тысяч до двадцати тысяч рублей.

3. Нарушение порядка учета древесины — влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от двадцати пяти тысяч до тридцати пяти тысяч рублей; на юридических лиц — от двухсот тысяч до четырехсот тысяч рублей.

4. Нарушение требований лесного законодательства в части обязательной маркировки древесины — влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от тридцати тысяч до сорока тысяч рублей с конфискацией древесины либо без таковой; на юридических лиц — от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей с конфискацией древесины либо без таковой.

5. Транспортировка древесины без оформленного в установленном лесным законодательством порядке сопроводительного документа — влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей с конфискацией древесины и (или) транспортных средств, являющихся орудием совершения административного правонарушения, либо без таковой; на юридических лиц — от пятисот тысяч до семисот тысяч рублей с конфискацией древесины и (или) транспортных средств, являющихся орудием совершения административного правонарушения, либо без таковой.<FootnoteEnd:>, предусматривающими значительные штрафы за нарушения учета заготовленной древесины:

- за отказ или предоставление заведомо ложной информации о сделках с древесиной;
- за нарушение требований лесного законодательства в части маркировки древесины;
- за транспортировку древесины без документов. При этом закреплена возможность изъятия не только незаконно добытой и транспортируемой без сопроводительных документов древесины, но и конфискации соответствующих транспортных средств.

Для организации учета лесоматериалов со стороны государства, обеспечения прозрачности сделок и контроля оборота лесоматериалов была создана Единая государственная автоматизированная информационная системы учета древесины и сделок с ней (далее — ЛесЕГАИС).

Одним из наиболее примечательных, явился приговор Ленинского районного суда г. Иркутска № 1-182/2014 от 15 сентября 2014 г., вынесенный руководителю лесоторговой компании ООО «Байкалэкспортлес» Е. Быкову, которым он был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «Г» ч. 2 ст. 194 УК РФ (уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организаций, совершенное в особо крупном размере) и ч. 1 ст. 226.1 УК РФ (контрабанда стратегически важных товаров и ресурсов в крупном размере). В ходе предварительного и судебного следствия было доказано, что Е. Быков, в период с сентября 2012 года по декабрь 2012 года, занимая должность директора коммерческой орга-

низации ООО «Байкалэкспортлес», осуществлявшей оптовую продажу лесоматериалов и являвшейся участником внешнеэкономической деятельности, незаконно переместил через таможенную границу круглый лес хвойных пород на общую сумму 13 млн 490 тыс. рублей путём недостоверного таможенного декларирования и с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о товаре. При этом для получения пониженной ставки (15%) на таможенную пошлину на вывоз круглого леса хвойных пород, основная ставка по которой составляет 80% от таможенной стоимости, Е. Быков использовал подложный договор купли-продажи лесопродукции, якобы заключенный с одним из лесозаготовительных предприятий Иркутской области [14].

Для окончательного внедрения Закона N415 потребовалось принятие более 17 постановлений Правительства РФ, шести приказов Минприроды и пяти приказов Рослесхоза [15]. Прогнозируемый экономический эффект заключался в сокращении ущерба от нелегального оборота древесины на 10 млрд руб. в год.

Вывод круглых лесоматериалов из теневого оборота должен был создать мультипликативный эффект, который существенно бы увеличил налоговые поступления в бюджет (ориентировочно до 70 млрд руб.) [16].

С 1 января 2019 г. повышена с 25% до 40% пошлина на экспорт круглого леса для предприятий, не имеющих деревообрабатывающих мощностей и не получивших квот на экспорт, а с 1 января 2020 г. указанная пошлина составляет 60% [17].

В результате принятых мер, в 2019 г. отмечено сокращение в 2,5 раза объема круглого леса, в общем объеме экспорта лесоматериалов, до 19 млн м. куб или 8% [18] (в 2018 году было экспортировано примерно 13% произведенного объема, тогда как в 2009 году — 21% [19]).

Для примера, в 2016 г. официальный объем экспорта российской необработанной древесины составил 20,7 млн м. куб, из которых 12,8 млн м. куб отправилось в Китай [20].

Несмотря на некоторое снижение объема незаконных вырубок в 2019 году (объем выявленной правоохранительными органами незаконно вырубленной древесины составил 1,2 млн м. куб, что позволило говорить о снижении с 2017 года на 500 тыс. м. куб) [21], на сегодняшний день, проблема незаконных лесных вырубок осталась не менее острой.

В течение десятилетия выявлялось около 16–17 тысяч незаконных рубок, в объеме 1,3 млн м. куб в год, со средним ущербом 11–12 млрд рублей в год, при этом значительная часть нелегальной древесины стала заготавливаться на легальных лесосеках, но путем рубок сверх разрешенных объемов [22]. С учетом оценок коррупционных фактов в лесной сфере, можно предположить значительную латентность правонарушений, совершаемых в ней.

В 2018 году, по данным счетной палаты РФ, на первом месте по незаконно выкошенным лесным площадям оказался Забайкальский край, на территории Иркутской области было зафиксировано почти половина незаконных рубок страны, с объемом 0,6 млн м. куб. и ущербом 4,4 миллиарда рублей [22].

В июле 2019 года, был взят под стражу депутат Совета сельского поселения «Пешковское» Нерчинского района Забай-

кальского края, являющийся участковым лесничим — государственным лесным инспектором, который с декабря 2017 года по февраль 2019 года, совместно с неустановленными лицами незаконно вырубил свыше 1000 м. куб. леса в Нерчинском районе.

По информации регионального министерства природных ресурсов, ущерб от незаконной вырубке леса в Забайкалье с 2016 года по 2019 год увеличился более чем в 2 раза, в 2018 году такой ущерб составил 284 миллиона рублей, а общая сумма ущерба, причиненная лесному хозяйству за 2016–2018 годы, превысила 550 миллионов рублей [23].

11 декабря 2018 г. Президент России Владимир Владимирович Путин, отвечая на заседании Совета по правам человека на вопрос С. А. Цыпленкова, отметил, что в российской лесной сфере, государству так и не удалось навести порядок, что эта отрасль до сих пор так и остается «чрезвычайно коррумпированной», а принимаемые властями меры совершенно неэффективны [24].

12 февраля 2019 г. спикер Совета Федерации Валентина Матвиенко предложила премьер-министру России Дмитрию Медведеву ввести временное эмбарго на экспорт леса из России до наведения порядка в этой отрасли, призвала инициировать проверку всех договоров аренды лесных участков на предмет законности, а также поручить какому-либо ведомству «срочно подготовить изменения в законодательстве»: «... Рослесхоз ограничивается некими рекомендациями вместо того, чтобы подготовить и внести изменения в законодательство, которые позволят навести порядок, усилить контроль, остановить незаконную вырубку леса», — цитировало председателя верхней палаты парламента агентство «Интерфакс» [25].

В марте 2019 года врио губернатора Забайкальского края Александр Осипов жестко высказался по поводу работы регионального министерства природных ресурсов: «...Люди без работы, леса горят, бардачище, воровство, коррупция в масштабах настолько циничных, что дальше не куда» [23].

6 июня 2019 года в Москве сотрудниками ФСБ России был задержан министр лесного комплекса Иркутской области, который, по версии следственного управления Следственного комитета России по Иркутской области, санкционировал незаконную вырубку леса в форме «сплошной санитарной рубки» на площади 120 га в природном заказнике «Туколонь» (общая площадь вырубки могла составить 600 га), предварительная сумма ущерба составила 748 млн рублей., также к уголовной ответственности по этому делу были привлечены врио руководителя службы по охране и использованию объектов животного мира Иркутской области, директор ОГАО «Казачинско-Ленский лесхоз», инженер-лесопатолог отдела защиты леса и лесопатологического мониторинга филиала ФБУ «Российский центр защиты леса» — «Центр защиты леса Иркутской области» [26].

Таким образом, достигнутые результаты в обеспечении прозрачности оборота древесины, совершенствовании законодательной базы, повышении мер правовой ответственности за нарушение лесного законодательства, пока не позволили добиться значимого и оцененного общественностью успеха: прекратить варварское истребление леса, развить глубокую работу древесины внутри страны, эффективно предупреждать и своевременно тушить лесные пожары.

Из причин, следует отметить, что не были в полной мере реализованы полномочия по лесоустройству в регионах, а также не был поставлен надежный барьер контрабанде лесоматериалов на федеральном уровне.

Дефицит стратегически важных ресурсов, отсутствие значимого перелома в борьбе с коррупцией и контрабандой в лесной сфере, отсутствие коренных улучшений социально-экономиче-

ской сферы для населения приграничья, проблемы занятости и условий труда работников лесопромышленного комплекса, в недалекой перспективе (по некоторым оценкам в ближайшие 15 лет [9]), могут оказать неблагоприятное воздействие на социальную, экологическую обстановку в приграничных регионах Российской Федерации, а также на национальную безопасность страны.

Литература:

1. Ст. 5 Лесного кодекса Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. N200-ФЗ//Российская газета от 8 декабря 2006 г. N277, Собрание законодательства Российской Федерации от 11 декабря 2006 г. N50 ст. 5278.
2. ФАО: прогноз развития лесного сектора РФ до 2030 года. Рим, 2012 (из материала «Под властью топора» А. Сухаренко // Российская правовая газета «ЭЖ-ЮРИСТ», N27, июль 2014 г.) // ИПС «Гарант».
3. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов (разработан Минэкономразвития РФ).
4. Куликова Е. Бревнышко к бревнышку // Российская газета. 13.12.2012.
5. [Http://lenles.info](http://lenles.info) (из материала «Под властью топора») А. Сухаренко // Российская правовая газета «ЭЖ-ЮРИСТ», N27, июль 2014 г.
6. Собрание законодательства Российской Федерации от 14 января 2013 г. N2 ст. 124, Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. N318 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие лесного хозяйства» на 2013–2020 годы» указанное распоряжение признано утратившим силу.
7. Постановление Правительства РФ от 13 сентября 2012 г. N923 «Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»//Собрание законодательства Российской Федерации от 17 сентября 2012 г. N38 ст. 5133, Российская газета от 21 сентября 2012 г. N218.
8. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Ю. Я. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в 2013 г.//Прокурор.2013.№ 2, цит. по А. Сухаренко «Под властью топора» // Российская правовая газета «ЭЖ-ЮРИСТ», N27, июль 2014 г.)// ИПС «Гарант».
9. «Российский лес — китайцам: »Надо декриминализовать отрасль, иначе леса может не остаться//19 августа 2019 г., Pro-derevo.net.
10. [www. Customs.ru](http://www.Customs.ru)://24.04.2013 «Возбуждено двадцать уголовных дел по фактам контрабанды леса.
11. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. N415-ФЗ «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее — Закон № 415, Лесной кодекс, КоАП РФ) вступил в силу с 1 февраля 2014 г., за исключением положений, для которых статьей 3 установлены иные сроки вступления их в силу. Текст Федерального закона опубликован в «Российской газете» от 30 декабря 2013 г. N295, на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 30 декабря 2013 г., в Собрании законодательства Российской Федерации от 30 декабря 2013 г. N52 (часть I) ст. 6980.
12. Федеральный закон от 19 июля 2018 г. N212-ФЗ «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».
13. [Http://iz.ru](http://iz.ru) Янковская Е. заметка от 16 сентября 2018 г. // Путин назвал сохранение леса приоритетом государства//Дата обращения:11.02.2020.
14. Косых В. А. // Незаконный оборот леса. Сущность и современное состояние.// Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России № 1 (77) 2018, ссылка на официальный сайт Ленинского районного суда Иркутской области Российской Федерации [Электронный ресурс] // Сайт «РосПравосудие». — Режим доступа: <http://rospravosudie.com/court-leninskij-raionnyjsudg-irkutskaja-irkutskaya-oblast-s/act-506100168/> (дата обращения: 02.01.2018)
15. Приложение N4 к государственной программе Российской Федерации «Развитие лесного хозяйства» на 2013–2020 годы // ИПС «Гарант».
16. Российская газета. 30.12.2013.
17. Дальневосточный лес гнется под пошлиной. Отрасль просит нового премьера вмешаться. 23 января 2020 г. // www.comersant.ru.
18. «Дальний Восток ставит вопрос бревном. Отрасль просит снижения экспортных пошлин.//9 декабря 2019 г. // www.comersant.ru.
19. Вера Никольская, директор по исследованиям агентства ABARUS Market Research, «Экспорт необработанной древесины как угроза российскому лесу»//ЛесПромИнформ № 2 (140), 2019 г.//<https://lesprominform.ru>
20. Как остановить массовое воровство российского леса для Китая//13 ноября 2018 г. // [Proderevo.net.](http://Proderevo.net), со ссылкой на ВЗГЛЯД, Николай Проценко.

21. В Рослесхозе заявили о снижении объема незаконных рубок в России//RT на русском, 18 февраля 2020 г. // Russian.rt.com.
22. [Http://ria.ru](http://ria.ru). Москва, РИА Новости, заметка от 3 декабря 2019 г. // В счетной палате рассказали об ущербе от незаконных рубок леса//Дата обращения:19.02.2020.
23. [Http://regnum.ru/newsaccidents/2668740.html](http://regnum.ru/newsaccidents/2668740.html)/ Чита, 19 июля 2019 г. 10.09 — REGNUM// Дата обращения:12.02.2020.
24. [Http://kremlin.ru](http://kremlin.ru)// Москва, Кремль, от 11 декабря 2018 г. // Президент провел заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека// Дата обращения:11.02.2020.
25. [Https://iz.ru](https://iz.ru) // Говорова А., заметка от 12 февраля 2019 г. // Матвиенко предложила приостановить экспорт леса//Дата обращения:11.02.2020.
26. [Https://Russian.rt.com/article/638554-ministr-sheverda-zaderzhanie-sheremetyevo-moskva](https://Russian.rt.com/article/638554-ministr-sheverda-zaderzhanie-sheremetyevo-moskva)// В Маслова, заметка от 6 июня 2019 г. // «Ущерб 748 млн рублей»: министр лесного комплекса Иркутской области задержан за незаконную вырубку деревьев // Дата обращения: 20.02.2020.

Сравнительный анализ законодательства об административном правонарушении Российской Федерации и Республики Беларусь

Пятак Александра Александровна, студент магистратуры
Петрозаводский государственный университет

В статье автор проводит сравнительно-правовой анализ КоАП РБ, КоАП РФ и ПиКоАП РБ

Ключевые слова: административный процесс, административное правонарушение, административная ответственность

Сравнительный анализ законодательства об административных правонарушениях Российской Федерации и Республики Беларусь в первую очередь начинается со сравнения законодательных актов регламентирующей административную ответственность в Российской Федерации и Республики Беларусь.

Первым и самым важным отличием административного законодательства в рассматриваемых странах является выделение мер процессуального и материального обеспечения в отдельные кодифицированные законодательные акты: Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП РБ) и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — ПиКоАП РБ).

В данной статье будет проведен сравнительный анализ норм административной ответственности Республики Беларусь и России, а именно КоАП РФ и ПиКоАП РБ.

Первым отличием является ряд установленных в г. 2 ПиКоАП РБ принципов по делам об административных правонарушениях, а именно:

- принцип законности при осуществлении административного процесса;
- принцип законности при осуществлении административного процесса;
- принцип обеспечения защиты прав и свобод;
- принцип неприкосновенности личности;
- принцип уважения чести и достоинства личности, деловой репутации;
- принцип неприкосновенности жилища и иных законных владений;
- принцип презумпции невиновности;

- принцип обеспечения права на защиту физического лица, в отношении которого ведется административный процесс;
 - принцип публичности административного процесса;
 - принципы всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела;
 - принцип языка, на котором ведется административный процесс;
 - принцип равенства всех перед законом, равенства защиты прав и законных интересов;
 - независимость судьи и должностного лица органа, ведущего административный процесс;
 - принцип открытого рассмотрения дела об административном правонарушении;
 - принцип прокурорского надзора за исполнением законов при ведении административного процесса;
 - обжалования процессуальных действий, постановлений.
- Часть от представленных принципов также установлена в КоАП РФ, однако из сформулированы они по-разному, в связи с чем рассмотрение представленных принципов более детально представляется объективным.

Так, положительным аспектом принципа законности, который закреплен в ч. 2 ст. 2.2 ПиКоАП РБ является процессуальная гарантия принципа законности: в случае нарушения указанного принципа при ведении административного процесса влечет установленную законом ответственности, а также признание решений, принятых по делу об административном правонарушении, не имеющим юридической силы. Доказательства, полученные с нарушением установленного законом порядка в свою очередь также признаются не имеющими юр. силы.

Однако в ст. 1.6 КоАП РФ об обеспечении законности при применении мер административного принуждения в связи

с административным правонарушением данные меры не установлены.

Анализируя принцип обеспечения защиты прав и свобод установленный ст. 2.3 ПиКоАП РБ, можно отметить, что принцип охраны интересов государства и юридических лиц определенный в ст. 1.2. КоАП РФ устанавливает обязательства от субъекта административной юрисдикции обеспечить защиту прав и свобод, а также законных интересов участников административного процесса, создать установленные указанными Кодексами условия для осуществления защиты, своевременно принимать меры по обеспечению их законных интересов.

Однако, принцип установленный в ПиКоАП РБ также:

- запрещает понуждать к исполнению обязанностей, не установленных ПиКоАП РБ, либо к отказу от своих прав;
- запрещает принуждать к даче объяснений против самого себя, членов своей семьи, близких родственников;
- требует от субъектов административной юрисдикции принимать меры к возмещению имущественного вреда, причиненного административным правонарушением.

Принцип неприкосновенности личности обозначен в ст. 2.4 ПиКоАП РБ, определяет, что при отсутствии законных оснований, а также в нарушении установленного законом порядка никто не может быть задержан за совершение административного правонарушения. Принцип неприкосновенности, установленный в КоАП РФ ст. 3.9 также определяет виды административных правонарушений, за которые может быть назначена такая мера, как административный арест и перечень граждан, в отношении которых данная мера не принимается. Однако, ПиКоАП РБ определяет, что судья, прокурор, орган, ведущий административный процесс обязан освободить незаконно задержанного и административно арестованного. Данный принцип по ПиКоАП РБ также требует надлежащих условий содержания, которые исключают угрозу для жизни и здоровья задержанного за административное правонарушение или административно арестованного, а также устанавливает запрет на насилие и жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение.

Принцип уважения чести и достоинства личности, деловой репутации, установлен ст. 2.5 ПиКоАП РБ, в которой установлен запрет на совершение действий и принятие решений, при административном процессе, которые унижают или умаляют достоинство личности, или же порочащие деловую репутацию физического или юридического лица, либо создающие опасность для жизни и здоровья участников административного процесса. В свою очередь ст. 3.1. устанавливает запрет на введение административного наказания, которое имеет цель унижить человеческое достоинство физического лица или причинение ему физических страданий, а также нанесение вреда деловой репутации юридического лица.

Принцип неприкосновенности жилища и иных законных владений, закрепленный в ст. 2.6 ПиКоАП РБ устанавливает гарантию неприкосновенности жилища и иных законных владений, запрещает входить в жилище и иное законное владение против воли владельца. При этом дана норма определяет, что производство процессуальных действий, связанных с вторжением в жилище и иные законные владения. Может осуществ-

ляться по основаниям и в порядке, установленным ПиКоАП РБ. Данный принцип в КоАП РФ на сегодняшний день не установлен.

Принцип презумпции невиновности, установлен в ст. 2.7 ПиКоАП РБ, который из толкования нормы включает в себя четыре элемента, таких как:

- обязательным условием привлечения лица к административной ответственности является установление в законном порядке его виновности в совершении правонарушения. Предусмотренного законом.
- Лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, не обязано доказывать свою невиновность, в свою очередь доказывать вину данного лица возлагается на субъект административной юрисдикции.
- обстоятельства, которые указанные в протоколе об административном правонарушении, в постановлении о наложении административного наказания, не могут основываться на предположениях.
- наличие сомнений при обосновании вывода о виновности лица, в отношении которого ведется производство по делу, толкуется всего пользу.

В свою очередь в КоАП РФ в ст. 1.5 принцип презумпции невиновности определяется, как сочетание таких элементов, как:

- лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина.
- лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, считается невиновным, пока его вина не будет доказана в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, и установлена вступившим в законную силу постановлением судьи, органа, должностного лица, рассмотревших дело.
- лицо, привлекаемое к административной ответственности, не обязано доказывать свою невиновность, за исключением случаев, предусмотренных примечанием к настоящей статье [1].

Как видно из указанного сравнения, принцип презумпции невиновности по ПиКоАП РБ более детально установлен и юридически определен.

Принцип обеспечения права на защиту физического лица, в отношении которого ведется административный процесс, установленный в ст. 2.8 ПиКоАП РБ.

Данное право может осуществляться лицом самостоятельно или с помощью защитника в порядке, установленном ПиКоАП РБ. В данной статье установлено очень важное правило, как нарушение права физического лица, в отношении которого ведется административный процесс, является основанием для омены вынесенного в отношении его постановления о наложении административного взыскания [2] 2.8 ПиКоАП РБ. Данный принцип не установлен в КоАП РФ так явно, а лишь косвенно в ст. 1.4 и 1.5 и 1.5, однако прямого выражения данный принцип не получил.

Принцип публичности административного процесса установлен в ст. 2.9 ПиКоАП РБ, обязует государственные органы, а также должностные лица в пределах установленной компе-

тенции принимать меры по обнаружению административных правонарушений, выявлению лиц их совершивших, для привлечения их к административной ответственности. В свою очередь Российское законодательство данной обязанности не закрепило.

Принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела закреплен в ст. 2.10 ПиКоАП РБ. Данная норма обязывает субъект административной юрисдикции принять все предусмотренные законом меры по всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств административного правонарушения, устанавливая как уличающие, так и оправдывающие, как смягчающие, так и отягчающие ответственность обстоятельства и другие обстоятельства которые имеют значение для полного и правильного разрешения дела, защиты прав и законных интересов лиц, которые участвуют в административном процессе. В то же время норма запрещает принуждать к даче объяснений путем насилия, угроз и применений иных незаконных мер. Данный принцип установлен в ст. 24.1. где определены задачи производства по дела об административных правонарушениях такие, как: всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела, разрешение его в соответствии с законом, обеспечение исполнения вынесенного постановления, выявление причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений. Однако можно отметить также отсутствие конкретизации указанного принципа.

Принцип языка, на котором ведется административный процесс. Установлен ст. 2.11 ПиКоАП РБ. Данная норма устанавливает, что производство по делу может вестись как на белорусском, так и на русском. В то же время предусматриваются гарантии реализации прав лица, не владеющего ни одним из указанных языков, такие же гарантии закреплены в ч. 2 ст. 24.2 КоАП РФ. Однако. В ч. 3 ст. 2.11 ПиКоАП РБ содержится требование о переводе постановления судьи. Органа. Ведущих административный процесс, на родной язык лица, в отношении которого ведется административный процесс, его законного представителя или защитника или на другой язык, которым они владеют. Однако, в КоАП РФ данное требование не установлено.

Принцип равенства перед законом, равенства защиты прав и законных интересов установленных в ст. 2.12 ПиКоАП РБ, по существу не отличается от принципа установленного в ст. 1.4. КоАП РФ.

Принцип независимости судьи и должностного лица органа. Ведущего административный процесс, установлен ст. 2.3. ПиКоАП РБ. Однако, в российском законодательстве об административных правонарушениях данный принцип, содержание которого известно, не предусмотрен. Указанным принципом запрещается вмешиваться в деятельность субъекта административной юрисдикции в любой форме в целях воспрепятствования всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств административного правонарушения или с целью добиться принятия незаконного решения по делу.

Принцип открытого рассмотрения дела об административном правонарушении. Закрепленный в ст. 2.14 ПиКоАП РБ, по своему существу не отличается от аналогичного принципа,

который установлен в ст. 24.3 КоАП Р. Однако, в тоже время ПиКоАП РБ установил такое требование, при котором закрытое рассмотрение дела осуществлялось с соблюдением всех правил административного процесса.

Принцип поднадзорности административного процесса прокурору, установлен в ст. 2.15 ПиКоАП РБ, гораздо более точно и детальнее проработан, нежели в ст. 24.6 КоАП РФ. Так, законодатель Белоруссии установил, что прокурор при осуществлении надзора за введением административного процесса, в пределах своей компетенции:

- требует от должностного лица или органа, ведущего административный процесс, представления материалов об административном правонарушении;
- дает письменные указания по делам об административных правонарушениях в случаях. Предусмотренных законодательными актами республики, и направляет их органам. Ведущим административный процесс;
- и т.д.

И последний рассматриваемый принцип, это принцип обжалования процессуальных действий, постановлений установлен в ст. 2.16 ПиКоАП РБ. Согласно данному принципу участник административного процесса вправе обжаловать процессуальное действие или постановление. Принятое по делу в порядке, который установлен в ПиКоАП РБ. Указанный принцип в КоАП РФ не установлен, что является причиной множества дискуссий и нареканий ученых и правоприменителей.

На основании проведенной сравнительной работы по установленным принципам в КоАП РФ и ПиКоАП РБ можно сделать вывод о том, что законодатель Республики Беларусь установил намного более развернутую и детально продуманную систему принципов в административно-деликтном процессуальном законодательстве Республики Беларусь. Хотелось отметить, что многие из указанных норм могут и должны быть востребованы российским законодателем.

Вместе с тем при сравнении института административной ответственности и анализе кодифицированных актов рассматриваемых стран, регулирующих административную ответственности важно отметить различие в подходе к указанному институту на уровне структуры законодательства.

Также различия имеются и на уровне структуры кодексов. Помимо наличия структурных различий, в Кодексах об административных правонарушениях имеются и терминологические различия. К особенностям понятийно-терминологического аппарата следует отнести специальные термины, такие, как «административные правонарушения», «административные наказания», используемые в кодексах стран для обозначения определенных процедур [2].

Так же при сравнении КоАП РФ и Кодекс об административных правонарушениях Республики Беларуси (КоАП РБ) можно отметить, что понятие «административное правонарушение» используется как в КоАП РФ и КоАП РБ. Однако вместе с тем, содержание данного термина несколько различается. Важным отличительным признаком является использование различных терминов, обозначающих административные наказания. Общим признаком для КоАП РБ и КоАП РФ является применение административных взысканий (наказаний).

Сравнительный анализ составов административных правонарушений показал наличие существенных расхождений в подходах, используемых в данных государствах. Объекты статей КоАП РБ и КоАП РФ имеют существенные отличия. Специфика субъекта административного правонарушения рассматривается как важный признак, элемент административного правонарушения. Как правило, субъектами выступают юридические и физические лица [2].

Так КоАП РФ в качестве субъекта ответственности рассматривает граждан, должностных и юридических лиц, в свою очередь КоАП РБ в качестве субъекта ответственности рассматривает физических и юридических лиц, индивидуальных предпринимателей. В соответствии с ч. 1. ч. 2 ст. 2.2 КоАП РФ

субъективная сторона для физических лиц характеризуется виной в форме умысла или неосторожности. Однако, формы вины, установленные в законодательстве Республики Беларусь, выражены наиболее четко. Таким образом, следует отметить, что законодательные акты об административной ответственности Республики Беларусь и Российской Федерации имеют как сходства, так и серьезные отличия.

На сегодняшний день законодатель Российской Федерации, опираясь на положительный опыт в реализации института административной ответственности в Республики Беларусь, может реализовать ряд норм, установленных в законодательстве Республики Беларусь, которые положительно сказываются на практике.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N195-ФЗ (ред. от 11.10.2018) [Электронный ресурс]// КонсультантПлюс: справ. правовая система.— Версия Проф.— Электрон. дан.— [М.]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (Дата обращения: 19.11.2018).
2. С. В. Анцух. Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов. Вып. 17 / сост. С. В. Анцух; под общ. ред. В. Г. Шадуурского.— Минск: Четыре четверти, 2017.— 274 с.
3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Кодекс Респ. Беларусь от 21 апр. 2003 г. № 194-3: принят Палатой представителей 17 дек. 2003 г.: одобрен Советом Респ. 2 апр. 2003 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. № 407-3 // Консультант Плюс: Беларусь [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь.— Минск, 2016.
4. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Кодекс Респ. Беларусь от 20 дек. 2006 г. № 194-3: принят Палатой представителей 9 ноя. 2006 г.: одобр. Советом Респ. 1 дек. 2006 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. № 407-3 // Консультант Плюс: Беларусь [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь.— Минск, 2016.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Консультант Плюс: Версия Проф. [Электронный ресурс]: — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/. — Дата доступа: 01.11.2016.
6. См.: Акофф Рассел Л. Планирование будущего корпорации: Пер. с англ.— М.: Сирин, 2002.
7. Вачугов Д. Д., Веснин В. Ф. Стратегия планирования. Основы менеджмента и рынка // Социально-политический журнал.— 1998.— № 8.
8. Грузинов В. П. Экономика предприятия: Учебник.— М.: Юнити. 1998.
9. Уткин Э. А. Стратегическое планирование.— М.: Ассоциация авторов и издателей «Тандем». Издательство ЭКМОС, 1998.— С. 21.
10. См.: Дрогомирецкий И. И., Маховикова Г. А., Кантор Е. Л. Стратегическое планирование. Изд. «Вектор».— СПб., 2006.— С. 17–18.
11. См.: Герт Г. П. Организация и методика планирования работы в органах внутренних дел.— М.: Юнити. 2000.— С. 55–58.
12. Хорев А. А. Принципы производства по делам об административных правонарушениях в административно-деликтном законодательстве Республики Беларусь /А. А. Хорев/ Вестник Московского университета МВД России № 5 2009.— С. 168–170.
13. Ремизов П. В. о роли критики законодательства в стратегии законотворчества // Юридическая техника. Ежегодник. Стратегия. Тактика, техника законотворчества. 2015. № 9

Проблемы, возникающие при осуществлении административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы

Ригульская Кристина Викторовна, студент магистратуры

Сахалинский институт железнодорожного транспорта Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Южно-Сахалинск)

Современная уголовная политика России все увереннее ориентируется на требования международных стандартов, берет курс на активную перестройку уголовного законодательства в соответствии с передовыми достижениями развитых европейских

стран. На государственном уровне и в средствах массовой информации широко обсуждаются вопросы кардинального изменения в подходе к содержанию преступников в условиях изоляции от общества, расширения спектра мер уголовно-правового характера, не связанных с наказанием, поиска допустимых средств сокращения числа осужденных к лишению свободы. Данная работа посвящена изучению вопроса, касающегося осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Авторы выделяют ряд проблем, из-за которых, по их мнению, законодатель не может эффективно использовать механизм административного надзора, что способствует росту рецидивной преступности.

Ключевые слова: административный надзор, места лишения свободы, преступность, рецидив.

Мы можем отметить, что сейчас имеет место усиление контрольных и надзорных функций органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, а также правоохранительных органов. Вместе с тем наблюдаются просчеты в контроле за лицами, которые привлекались к уголовной ответственности, или ненадлежащее осуществление контрольно-профилактического воздействия [1].

В 2011 г. Федеральным законом № 64-ФЗ (далее — Закон) в России был возрожден административный надзор за лицами, которые освободились из мест лишения свободы [2]. Данный нормативный акт призван урегулировать правоотношения, связанные с осуществлением органами внутренних дел надзора, чтобы лица, освободившиеся из мест соблюдения свободы, соблюдали временные ограничения своих прав и свобод, установленные судом.

Главной целью закона является применение и установление мер, которые бы препятствовали совершению новых преступлений лицами, освободившимися из мест лишения свободы. В вышеприведенном законе описано много задач, таких как: сокращение преступности, создание общего правового механизма административного надзора, выработка новых методов борьбы с преступностью и т.д. Однако законодатель либо не нашел места, либо не посчитал нужным закрепить задачи, которые отвечали бы за приспособление к нормальной жизни в новом обществе людей, освободившихся из мест лишения свободы.

Мы считаем, что данную задачу следует закрепить в ст. 2 ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» под названием «Ресоциализация личности». К слову, в Законе до сих пор остается нерешенным вопрос, касающийся процесса постпенитенциарной адаптации личности. Как в нашей стране, так и за рубежом данный процесс является одним из основных методов борьбы с рецидивной преступностью. Удивительно, что данная задача не указана в вышеназванном нами Федеральном законе. То, что приведенные нами задачи не закреплены в данном Законе и не возложены на соответствующие правоохранительные органы, приводит к некоторым проблемам.

Так, например, по данным Генеральной прокуратуры, доля рецидивных преступлений на 2015 г. составляла 51%. По данным того же органа на 2018 г. она уже составляла 57,6% [3]. Поэтому нам представляется, что законодатель в кратчайшие сроки следует решить проблемы, связанные с ресоциализацией и постпенитенциарной адаптацией поднадзорных лиц. Первым шагом решением данных проблем вполне может быть закрепление данных задач в соответствующем нормативном акте. Однако одно закрепление не сможет решить все проблемы. Для этого необходимо эффективное взаимодействие органов вну-

тренних дел с органами социального обеспечения, службой занятости населения и иными общественными организациями.

Справедливо будет отметить и то, что законодатель уже принял некоторые меры, которые помогли устранить пробелы, существующие в механизме реализации административного надзора. Такой мерой является введение ст. 314.1 в УК РФ [4, 5] РФ в 2011 г. Данная статья устанавливает уголовную ответственность за уклонение от административного надзора либо неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений.

Конечно, некоторые вопросы, касающиеся осуществления административного надзора, уже решены законодателем. Но стоит признать существование проблем, возникающих непосредственно в процессе исполнения законодательства об административном надзоре за лицами, которые освободились из мест лишения свободы. К ним следует отнести:

- работа территориального органа МВД России по реализации административного надзора организована недостаточно результативно;
- практика по установлению и продлению административного надзора за лицами, которые освободились из мест лишения свободы по инициативе органов внутренних дел, отсутствует [6];
- содержание норм отечественного законодательства, направленного на оказание индивидуального профилактического воздействия на граждан, которые освободились из мест лишения свободы и имеют неснятую судимость, оставляет желать лучшего.

Стоит сказать, что Закон в том виде, в котором мы его знаем, устарел. По словам Р.В. Михалюк, он действует на архаичных понятиях и представлениях о характере правового воздействия на поднадзорное лицо. В нем не учитываются как достижения уголовно-исполнительной системы, так и возможности научно-технического прогресса [7]. Поэтому нам представляется, что Закон нуждается в коррекции с тем, чтобы при назначении административного надзора законодатель учитывал прежде всего специфику преступной деятельности лица, его индивидуальные особенности и т.д.

Таким образом, в заключение мы делаем вывод, что нормы, касающиеся административного надзора за лицами, которые освободились из мест лишения свободы, нуждаются в доработке. Хотя законодатель каждый год и стремится в исправлении сложившейся ситуации, принимает меры, позволяющие устранить пробелы в механизме административного надзора, этого, как мы видим, недостаточно. Выражаем надежду на то, что скоро наступит положительная динамика ежегодного уменьшения числа, рецидивных преступлений.

Литература:

1. Жеребцов А. Н., Павлов Н. В. Административная правоприменительная практика: теоретический и практический аспекты: монография. 2018. 168 с.
2. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
3. Показатели преступности в России // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»: Федеральный закон от 06.04.2011 № 66-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 15. Ст. 2039.
6. Жеребцов А. Н., Павлов Н. В. Вопросы сущности и правоприменительного значения административной практики // Lex Russica. № 3 (148). 2019. С. 34–44.
7. Михалюк Р. В. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Прокурор. 2015. № 3. С. 57–61.

Для чего нужен договор

Савченков Владимир Игоревич, студент магистратуры
Московский гуманитарный университет

В настоящей статье рассматривается вопрос о важности заключения договора.

Изучая аннотации к научным статьям, было замечено, что, как правило, наблюдаются следующие наименования: «Как заключать договор?», «Кто может заключить договор?» и т. д. Однако, ответ на вопрос, поставленный в настоящей статье, исходя из рассмотренных наименований, отсутствует.

По итогу проведенного исследования позиций учёных, нами сформулированы тезисы, обосновывающие ценность договора в современной жизни.

Ключевые слова: значение договора, важность договора, ценность договора.

Актуальность темы: причина, по которой мы решили написать данную статью, является следующей. Людями недооценивается важность заключения договора, в частности, трудового договора. Мы полагаем, что это происходит от незнания, что такое договор вообще и для чего он нужен. Как правило, это происходит из-за недостатка знаний в области юриспруденции, из чего следует, что люди не понимают ценности договора в современной жизни.

Данная статья ориентирована на людей, которые планируют принимать или уже приняли на себя обязательства по исполнению какого-либо договора (трудоустройство, покупка или продажа какой-либо вещи и т. д.) и право требовать от другого лица со своей стороны исполнить обязательство по такому же договору.

Цель: выявить значение договора, обосновать необходимость его заключения, вывести общие тезисы, доказывающие его ценность как для работника, так и любого другого лица в рамках какого-либо договора.

Задача: провести обзор позиций учёных-юристов, посвящённых значению договора.

Ключевые слова: значение договора; важность договора; ценность договора

Вступительная часть

М. И. Брагинский, В. В. Витрянский отмечают, что «договор — одна из наиболее древних правовых конструкций» [1, с. 4].

Со времён римского права известны следующие выражения:
– *pacta sunt servanda* — договоры должны соблюдаться;
– *pacta tertiis nec nocent nec prosunt* — договоры не вредят и не благоприятствуют третьим лицам [2, с. 875].

Говоря об этих выражениях, мы заметим, что договоры вообще должны заключаться, не должны вредить его сторонам, что имеет отношение и к трудовому праву Российской Федерации, применяя его к правам работника.

В современном праве России существует и закреплено на федеральном уровне определение договора, порядок его заключения, изменения и прекращения.

Вопрос важности заключения договора остался за рамками правовых актов, а рассматривается, как правило, в учебниках по соответствующей отрасли права.

Как мы полагаем, это связано с тем, что законодатель изначально предполагает понимание людьми важности его заключения, в том числе, как им можно воспользоваться в даль-

нейшем и т.д. К сожалению, в жизни возникает печальная ситуация, в которой необходимо разобраться.

Обзор позиций учёных-юристов, посвящённых значению договора

Нами предпринята попытка провести обзор, обобщающий позиции учёных-юристов, чтобы вывести общие тезисы, которые помогут понять, почему важно заключать договор и насколько велико его значение в нашей жизни, например, при защите своих прав.

Так, М.И. Брагинский и В.В. Витрянский отмечают, что «Основное назначение договора сводится к регулированию в рамках закона поведения людей путем указания на пределы их возможного и должного поведения, а равно последствия нарушения соответствующих требований» [1, с.6].

Следовательно, в договоре можно закрепить не противоречащие закону пределы поведения сторон, а также последствия, которые установлены действующим законодательством Российской Федерации (уголовные, административные, гражданские и т.д.).

Это, безусловно, важно. Однако, по нашему мнению, ещё важнее, чтобы такие пределы сторонами соблюдались, поскольку в подавляющем большинстве случаев сильная сторона договора злоупотребляет ими, а также не считает нужным исполнять собственные обязательства, закреплённые в договоре.

Б.М. Гонгало считает, что договор призван: «обеспечить в ключевых сферах жизни общества (положение личности, собственность, гражданский оборот, наследование и т.д.) стабильность, устойчивость и определенность имущественных и личных неимущественных отношений. Он реализует важнейшее начало жизнедеятельности людей — решение жизненных вопросов на началах согласия, диалога, взаимно согласованной воли» [2, с. 154–155].

Говоря о решении жизненных вопросах на началах, в частности, диалога, применительно к трудовому праву, что работник может договориться с работодателем и решить свой вопрос до обращения в суд.

Е.А. Суханов, рассуждая об имущественном (гражданско-правовом) обороте, пишет: «... выражают согласованную волю товаровладельцев, оформленную и закреплённую в виде договоров... <...> В рыночном хозяйстве договор становится одним из способов регулирования экономических взаимосвязей... <...> ... условия договоров в большинстве случаев формируются самими сторонами и отражают баланс их частных интересов, учитывающий конкретную экономическую ситуацию» [II, с. 134].

Завершая рассуждения, учёный отмечает следующее: «Таким образом, с помощью договоров экономические отношения подвергаются саморегулированию их участников — наиболее эффективному способу организации хозяйственной деятельности» [II, с. 135].

Применяя данную мысль к трудовым договорам, видно, что «согласованная воля товаровладельцев» представляет собой интерес работодателя найти человека, чтобы он делал, в соответствии с полученным образованием и интересом, работу

и интерес работника регулярно получать за выполнение заданий заработную плату.

«Условия договора в большинстве случаев формируются самими сторонами и отражают баланс их частных интересов, учитывающий конкретную экономическую ситуацию» — здесь отметим, что условия трудового договора в подавляющем большинстве случаев формируются работодателем, учитывают интерес работодателя вне зависимости от интересов работника.

Следовательно, работнику до момента трудоустройства нужно внимательно изучить условия трудового договора, основные из которых установлены статьёй 57 Трудового кодекса Российской Федерации.

Интересная позиция высказана о саморегулировании отношений участниками. В этом случае получается, что работодатель организует свои действия (добросовестные или недобросовестные), защищая интересы свои и экономические интересы организации, а работник начинает организовывать свои действия, как правило, после нарушения своих прав.

Значит, работнику нужно до трудоустройства знать о своих правах и иметь представление о том, как их отстаивать. Узнать о них он может из статьи 57 Трудового кодекса Российской Федерации. На основании полученных знаний работник (да и любое иное лицо в рамках других договоров) может настоять на том, чтобы такие условия, не противоречащие закону и не приводящие к злоупотреблению работником правом, были включены в трудовой договор.

А.П. Сергеевым высказывается такая позиция: «Такой документ выступает в качестве доказательства, удостоверяющего факт заключения договора, а также фиксирует содержание договора» [1, с. 851].

Продолжает свои рассуждения учёный так: «Значение договоров настолько велико, что законодатель придает им обязательную силу, т.е. обеспечивает их исполнение принудительной силой государства. В случае если лицо не исполняет договорные обязательства, его контрагенты вправе прибегнуть к мерам государственного принуждения через институты судебной системы и понудить нарушителя к соблюдению договора.

<...> ... уровень добровольного исполнения договора его участниками является индикатором зрелости гражданского общества...» [1, с. 852].

Из сказанного следует, что договор является одним из видов доказательств в случае возникновения спора и необходимости его разрешения в судебном порядке.

В зависимости от того, что написано в договоре, суд может принять решение по делу.

Поскольку договоры наиболее распространены в гражданских и трудовых правоотношениях, то в подтверждение тезиса об актуальности договора как одного из видов судебных доказательств приведём следующую статистику.

По состоянию на 11.04.2020 года отметим, что в рамках судебной практики применения современного Гражданского кодекса Российской Федерации рассмотрено 5 772 817 споров:

- по части первой 3 449 742 споров (из них в Москве 253 481 спор (с 03.02.2002 г. по 25.03.2020 г.);
- по части второй 2 201 437 споров (из них в Москве 126 847 споров (с 24.02.1999 г. по 25.03.2020 г.);

– по части третьей 69 811 споров (из них в Москве 13 560 споров (с 19.12.2002 г. по 12.03.2020 г.);

– по части четвёртой 51 827 споров (из них в Москве 4656 споров (с 04.04.2001 г. по 03.03.2020 г.).

В рамках современного Трудового кодекса Российской Федерации рассмотрено 265 368 споров, из них в Москве 46 009 споров с 28.08.2003 г. по 18.03.2020 г.

Таким образом, мы видим, что использование договоров в целях судебной защиты прав и законных интересов истца или ответчика является часто используемым доказательством, особенно в спорах между юридическими лицами.

Говоря о мысли учёного «уровень добровольного исполнения договора его участниками является индикатором зрелости гражданского общества», мы полагаем, что целесообразно упомянуть о добросовестности, как принципе гражданского права, изложенном в статье 10 Гражданского кодекса Российской Федерации. Здесь добросовестность понимается как такое действие лица при исполнении им обязательств по договору, при котором обязательство исполняется без ущерба для другой стороны договора.

Мы исходим из того, что само исполнение договора может быть добросовестным и недобросовестным.

Добровольное исполнение договора может быть добросовестным (вернул долг) и недобросовестным (не вернул долг и не отвечает на телефонные звонки), но указанные действия совершаются по воле должника, на которого законом возложена обязанность исполнять обязательства.

Выводы и общие тезисы

Проведённое нами исследование позволяет выявить следующие тезисы, обосновывающие важность заключения договора и саму его сущность, а также доказать ценность документа для людей:

1) договор представляет собой объединение нескольких [людей] (примечание мое. В.С.) для изъяснения согла-

сованной воли, которая определяет их правоотношения [II, с. 383];

2) в нём прописываются, на что сторона договора имеет право и что ей необходимо исполнить, а если не исполнит, то что ей за это грозит;

3) договором могут быть предусмотрены и такие действия, которые не вправе совершать та или иная сторона договора, таким образом устанавливаются пределы, за которые выходить нельзя при исполнении условий договора;

4) применительно к трудовому праву, обязательные условия трудового договора прописаны в статье 57 Трудового кодекса Российской Федерации; работнику обязательно нужно до момента подписания трудового договора увидеть в нём эти условия, а если их нет, то сделать попытку настоять на их фиксации; это же актуально, конечно, основываясь на положениях соответствующих законов, и для всех остальных договоров;

5) в случае возникновения спора покупатель и продавец, арендатор и арендодатель, работник и работодатель могут между собой договориться и решить свой вопрос до обращения в суд;

6) договор является одним из доказательств в случае возникновения спора и необходимости разрешения спора в судебном порядке. Суд обязательно запросит документы, подтверждающие слова истца и ответчика. Предъявив в суд договор, человек сможет доказать наличие такого-то условия, что оно было прописано в документе, которое не было исполнено другой стороной договора.

В заключение мы отметим, что при судебной защите прав человека очень важны доказательства, которые можно представить в суд. В качестве одного из таких документов является и договор. Если в нём грамотно прописаны права, обязанности, гарантии и т.д., то суд примет решение в пользу человека, который и представил этот договор, например, будут взысканы выплаты, которые причитаются работнику.

Таким образом, договор имеет важное значение в защите прав человека и гражданина.

Литература:

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотипное. М.: Статут, 2001. Кн. 1. 848 с. С. 4.
2. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 2 / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, К. М. Арсланов [и др.]; под ред. А. П. Сергеева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2019. — 880 с. С. 875.
3. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б. М. Гонгалов. Т. 2. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2017. — 544 с. С. 154–155.
4. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право / Отв. ред. Е. А. Суханов. — 4-е изд., стереотип. — М.: Статут, 2016. — 1208 с. С. 134.
5. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2018. — 1040 с. С. 851.
6. Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права: В 8 т. Т. II / Пер. с нем. Г. Жигулина; Под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. — М.: Статут; Одесса: Центр исследования права им. Савиньи, 2012. — 576 с. С. 383.

Правовая природа корпоративных прав

Суворова Ольга Александровна, студент магистратуры
Самарский государственный экономический университет

В статье рассматривается важность изучения правовой обеспеченности корпоративных прав, их отличие в законодательном и практическом смысле от прав иных видов права, особенности рассмотрения правовых споров, недостатки современной системы законодательных норм в данной области.

Статья является обобщенным и кратким выражением мнения автора на особенности правового регулирования корпоративных прав, при условии неэффективности современных Российских законов, и сложности рассмотрения корпоративных споров в судебных органах, необходимости совершенствования законодательного закрепления прав различных корпораций при осуществлении экономической и иной финансовой деятельности.

Ключевые слова: законодательные нормы, корпорации, корпоративное право, обязательственное право, акционеры, РФ, нормативно-правовые акты, законы, совет директоров, судебные споры.

Актуальность статьи определяется необходимостью определения правового отличия корпоративных прав от прав обязательственного и вещного характера.

Целью данной работы является характеристика и определение правовой природы корпоративных прав.

Правовой базой Российской системы корпоративного права являются такие нормы как: Гражданский кодекс, Арбитражный процессуальный кодекс РФ, ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственности», ФЗ «Об акционерных обществах», Постановление Пленума Верховного суда РФ от 26.06.2018 г. № 27; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N53; Постановление от 16.05.2014 N28; Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. N62; Письмо Банка России от 10.04.2014 N06–52/2463 «О Кодексе корпоративного управления».

Корпоративные права— это правоотношения, возникающие в результате совершения сделок между корпорациями (Акционерные общества, Общества с ограниченной ответственностью), и несущие деловой характер, затрагивающие имущественные права, и влекущие обязательства акционеров.

Своего рода продажа филиала предприятия является корпоративной сделкой, которая должна быть заключена с согласия всех акционеров компании; если совет директоров не проинформирован о сделке, то она носит незаконный характер, и корпоративные права участников нарушаются.

Корпоративное право возникает при совершении крупных сделок и сделок с заинтересованностью, так или иначе, но любая сделка, совершенная в отношении общего имущества акционеров компании, затрагивает как корпоративные права, так и обязательственные и вещные.

Большинство ученых, изучающих корпоративное право, заявляют, что оно отличается от вещного и обязательственного права ввиду иной природы происхождения и предмета влияния при совершении сделок.

К примеру, корпоративное право возникает, когда акционеры компании совершают действия по управлению имуществом предприятия, то есть они не распоряжаются напрямую средствами компании, а совершают операции по управлению самой компанией через использование ее ресурсов. [2, с. 59]

Вещное право — это непосредственное управление имуществом или вещью, через реализацию которой владелец получает в свои руки определенный ресурс или выгоду.

Обязательственное право совершенно отличается от двух выше упомянутых, так как касается самой вещи и имущества напрямую, не в результате ее продажи или управления, а изначально как владелец, начинает, нести ответственность и выполнять обязательства даже не совершая никаких операций.

Также можно сказать, что классификация корпоративного права демонстрирует, что этот вид прав отличается от других видов, хотя бы тем, что более обширен, и касается имущества, которым управляет не единичное лицо, а несколько акционеров, обладающих множеством привилегий в вопросах распоряжения средствами предприятия.

Так, А. О. Макарова провела классификацию корпоративных прав, разделив их на:

1. Права единоличного акционера;
2. Права акционера как члена большинства акционеров;
3. Права акционера как члена меньшинства акционеров.

Так же она определила более подробную классификацию корпоративных прав:

- право на долю капитала;
- право контроля;
- право на участие в управлении;
- право протеста. [2]

То есть, мы можем наблюдать, что корпоративные права гораздо объемнее вещных и обязательственных, и не касаются непосредственно действий с имуществом, а направлены еще и на осуществление процедур по управлению, распоряжению, контролю, а также каждый акционер обладает правом высказывать свою позицию по проводимой сделке, и опротестовывать ее.

Статья 65.2. ГК РФ определяет права и обязанности участников корпораций, и делает упор не на имущественной природе этих прав, а именно на процессе управления самой компанией, ее контроле, совершении совместных с другими акционерами действий по распоряжению акциями предприятия. [1, ст. 65.2]

Статья 209 ГК РФ определяет вещное право (право собственности) как возможность владельца в полной мере и по своему усмотрению распоряжаться имуществом, что и отличает это право от корпоративного. [1, ст. 209]

Вещное право принадлежит только одному лицу, а акционер, обладающий корпоративным правом, не имеет возможности распоряжаться имуществом предприятия без согласия других акционеров, не может продавать свои акции, или выкупать другие, не получив на это одобрения иных владельцев компании.

Статья 307 ГК РФ определяет понятие обязательственного права, как действий между кредитором и должником, где одна сторона обязана выплатить другой стороне материальные средства, передать имущество в собственность, в счет погашения долговых обязательств, или в результате незаконного обогащения. [1, ст. 307]

Обязательственное право отличается в корне от права корпоративного тем, что акционеры корпорации несут обязательства не единолично, а совокупно. [3, с. 123]

От вещественного право обязательственное отличает не форма ответственности (единоличная, общая), а условия воз-

никновения прав на имущество. Если при вещном праве владелец осуществляет продажу имущества или передачу для получения прибыли, то обязательственное право — это принудительные действия с имуществом владельца, результат которых передается в руки кредитора, а не собственника.

Анализ корпоративного права и научных трудов российских ученых позволил определить, что природа корпоративного, вещного и обязательственного права в корне не идентична между собой и порождается как условиями и результатом действий в отношении имущества, так и предметом, в отношении которого возникают данные права.

Корпоративное право более приближенно к сфере бизнеса, что может служить поводом выделения ее в отдельную норму гражданского права, а вещное и обязательственное право более схожи между собой, так как относятся не к совместному имуществу, и не порождают необходимость согласовывать действия с другими владельцами предмета права. [2, с. 59]

Литература:

1. Гражданский кодекс РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019 г.) // СПС «Консультант Плюс»
2. Макарова О. А. Корпоративное право: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. — М.: Юрайт, 2015. — 334 с.
3. Сулейменов М. К. Обязательственное право. — Алматы: Адилет, 2011. — 254 с.

Хищение наркотических средств — особая форма хищения

Тихонова Вера Валерьевна, студент магистратуры
Российский университет кооперации (г. Мытищи)

В статье рассматриваются особенности хищения наркотических средств.

Ключевые слова: хищение, наркотические вещества, форма хищения.

В России неуклонно растет количество наркопотребителей. С развитием телекоммуникационных систем, созданием мессенджеров и различных социальных сетей вопрос о приобретении наркотических средств снова выходит на лидирующие позиции. В январе — декабре 2019 года выявлено 190,2 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 5,0% меньше, чем за аналогичный период прошлого года. При этом сотрудниками органов внутренних дел выявлено 182,7 тыс. преступлений (-4,9%). По сравнению с январем — декабрем 2018 года на 0,2% уменьшилось число выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а их удельный вес в числе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, вырос с 56,3% в январе — декабре 2018 года до 59,2% [3].

Для большинства государств мира вопросы борьбы с наркотиками приобретают все большую актуальность в связи с тем, что они являются не только первопричиной возрастающего насилия, но и следствием роста политической нестабильности, социального расслоения и, конечно же, коррупции [7]. Не является исключением и российская Федерация. Борьба с не-

законным оборотом наркотиков в России является важной стратегической задачей государства и одним из важнейших направлений уголовной политики.

Хищение либо вымогательство наркотических средств находится в системе преступлений против здоровья населения и общественной нравственности. Ответственность за указанные преступления характеризуются сложностью при квалификации, а также в процессе расследования. Хищение либо вымогательство наркотических средств относятся к преступлениям с высокой степенью латентности. Из всего массива регистрируемых преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков данный состав преступления занимает десятую часть.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) [1] предусматривает несколько составов преступлений, которые имеют признаки хищения, однако данные составы включены в иные главы УК РФ в отличие от хищений, включенных в главу о преступлениях против собственности. К таким преступлениям относятся в том числе хищения наркотических средств.

В юридической литературе на сегодняшний день обсуждается вопрос об универсальности термина хищения. Так,

Н. А. Лопашенко считает, что понятие «хищение», предлагаемое для нужд гл. 21 УК РФ, не может и не должно совпадать с таким же понятием в других главах и разделах уголовного закона [5]. С. А. Елисеев предлагает отказаться от определения хищения и ограничиться понятием конкретных преступлений [2]. Т. В. Радченко полагает правильным не использовать понятие хищения в ст. 229 УК РФ и вместо него использовать понятие «завладение», поясняя, что оно более полно будет характеризовать результат данного преступления [6]. Предложения о разработке и формулировке понятия хищения наркотических средств или психотропных веществ высказывал в диссертационном исследовании Д. А. Леонов [4].

Одним из существенных вопросов современной правовой науки в области уголовного права является вопрос о целесообразности выделения такого состава преступления как хищение наркотических средств.

Считаем, что данный состав выделен в отдельную правовую норму в связи с повышенной общественной опасностью данного состава преступления. Ст. 229 УК РФ включена в главу о преступлениях, посягающих на такой объект, как здоровье населения. Отношения собственности выступают в данном составе в качестве факультативного объекта преступления. Общественная опасность преступлений против собственности и преступлений против здоровья населения несравнимы, объективно мы понимаем, что здоровье населения являются более ценным объектом, чем отношения собственности, в связи с чем исключение хищения наркотических средств из главы о преступлениях, посягающих на здоровье населения, является нецелесообразным и противоречащим общим положениям о сущности и целях уголовной ответственности.

Раскрывая уголовно-правовую характеристику хищения наркотических средств мы пришли к выводу, что в действующем уголовном законе имеются некоторые пробелы. Так, в ст. 229 УК РФ не раскрывается понятие хищения наркотического вещества. Многие правоведы справедливо замечают, что в раскрытии понятия хищения в ст. 229 УК РФ нет необ-

ходимости, т.к. понятие хищения раскрывается в примечании 1 к ст. 158 УК РФ. Однако мы не согласны с подобным положением вещей. Ранее мы упоминали, что Д. А. Леонов в своей диссертации «Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ» подробно провел анализ необходимости закрепления термина хищение наркотических средств в ст. 229 УК РФ. Соглашаясь с мнением Д. А. Леонова, мы предлагаем к ст. 229 УК РФ закрепить примечание следующего содержания: «Примечания: 1. Под хищением наркотических средств или психотропных веществ следует понимать противоправное безвозмездное изъятие наркотических средств или психотропных веществ у собственника или иного их владельца (как законного, так и незаконного) и (или), обращение их в пользу виновного или иных лиц, совершенные с корыстной целью или из иной личной заинтересованности». Существенными положениями данного примечания являются следующие слова «...изъятие наркотических средств или психотропных веществ у собственника или иного их владельца (как законного, так и незаконного) и (или), обращение их в пользу виновного или иных лиц, совершенные с корыстной целью или из иной личной заинтересованности...». Считаем, что судебная практика сегодня не дает четкого ответа, является ли изъятие наркотического вещества с помощью любой из форм хищения у незаконного владельца, наказуемым деянием. Приведенное нами примечание исключить подобное противоречие.

Еще одним существенным недостатком уголовного закона является отсутствие в качестве квалифицирующих признаков значительного и крупного размеров ущерба. В целях более детальной дифференциации уголовной ответственности за хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ в зависимости от размера причиненного преступлением ущерба часть 2 ст. 229 УК РФ необходимо дополнить п. «е» — причинившее значительный материальный ущерб. В п. «в» ч. 3 названной статьи необходимо предусмотреть особо квалифицирующий признак — совершение хищения либо вымогательства «причинившее ущерб в крупном размере».

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ): федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ в ред. от 8 февраля 2020 г. // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2015. № 29 (часть I). Ст. 4393; 2020. № 8. Ст. 916.
2. Елисеев С. А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (историко-теоретическое исследование): Дис... докт. юрид. наук. Томск, 1999.
3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2019 года. Режим доступа: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/19412450/> (дата обращения: 20.01.2020).
4. Леонов Д. А. Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 9.
5. Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность: Монография. М., 2012.
6. Радченко Т. В. Уголовная ответственность за хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ: Дис... канд. юрид. наук. М., 2005.
7. Трунцевский Ю. В., Молчанова М. А. Борьба с коррупцией в Гонконге // Международное публичное и частное право. 2017. № 5. С. 42–47.

Адвокатские монополии в гражданском судопроизводстве

Трофимов Владислав Валерьевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается вопрос о перспективах введения адвокатской монополии. В настоящее время в связи с развитием сферы юридических услуг и лиц, непосредственно оказывающих юридические услуги, данный вопрос приобретает особую актуальность и важность в регулировании рынка профессиональной юридической помощи на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: адвокат, адвокатская монополия, защитник, представитель, юрист.

Вопрос о перспективах внедрения адвокатской монополии считается актуальным и сомнительным среди юристов и многих общественно-политических деятелей. В настоящее время в России область юридических услуг показывается двумя главными участниками: адвокаты, которые напрямую оказывают грамотную юридическую помощь, а также другие участники рынка юридических услуг, которые не имеют адвокатского статуса. В качестве отдельной группы необходимо также отметить корпоративных юристов, патентных поверенных, нотариусов, аудиторов и государственных служащих.

Сформировавшаяся концепция оказания юридической помощи в Российской Федерации не устанавливает каких-либо жестких требований к наличию особого правового статуса у лица, занимающегося оказанием юридических услуг. Следовательно, в законодательстве Российской Федерации пока что не вводится полный запрет на предоставление юридических услуг лицами, не имеющими положение адвоката.

В кратчайшее время в России предполагается законодательная реформа, регламентирующая область оказания юридических услуг, в связи с распространением в этой области западной культуры. 15 апреля 2014 года постановлением Правительства Российской Федерации была утверждена государственная программа «Юстиция», согласно которой подразумевается трансформация в абсолютно всех судебных процессах к адвокатской монополии [3].

В настоящий период в Российской Федерации адвокатская монополия учтена в границах уголовного процесса. Так, ч. 2 ст. 49 УПК РФ показывает, то что «в свойстве защитников допускаются адвокаты. Согласно определению либо постановлению суда в качестве адвоката могут быть предположены наравне с адвокатом один из родных членов семьи обвиняемого либо другое лицо, о допуске которого ходатайствует подозреваемый. При производстве у мирового судьи указанное лицо разрешается и взамен адвоката» [1]. Следовательно, близкие родные обвиняемого и другие лица считаются дополнительными защитниками наравне с высококлассным адвокатом [4]. В абсолютно всех других видах судопроизводства Российской Федерации — в гражданских спорах, разрешаемых судами общей юрисдикции, арбитражных спорах, а также в уголовных процессах, которые рассматриваются мировыми судьями, и в процессах об административных правонарушениях — пока еще функционирует свобода судебного представительства. Так, в соответствии со ст. 49 ГПК РФ «представителями в суде могут являться дееспособные лица, обладающие соответствующим образом оформленные полномочия на ведение процесса...» [2].

В осуществление государственной программы «Юстиция» Министерство юстиции подготовило проект концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи. В согласовании с данным планом главной проблемой Концепции регулирования рынка высококлассной юридической помощи считается формирование целостной правовой основы оказания юридических услуг в Российской Федерации, которая содержит в себе:

- повышение уровня правовой охраны получателей юридических услуг;
- формирование института адвокатуры, в том числе устранение ограничений, мешающих организации результативной юридической работы;
- формирование условий для исключения допуска неквалифицированных юристов к оказанию юридических услуг, условий для изъятия из профессии бесчестных консультантов;
- формирование механизма профессиональной правовой помощи, отвечающего общепринятым международным стандартам, и формирование условий с целью организации институциональной среды адвокатуры в мировое правовое пространство [5].

Из вышесказанного следует, что потребность внедрения адвокатской монополии в абсолютно всех судебных процессах обусловлена мало значительным профессионализмом у людей, которые регулярно занимаются предложением юридических услуг.

В настоящий период рынок по оказанию адвокатских услуг считается неуправляемым. Кто угодно, в том числе и человек, не имеющий юридического образования, способен приступить к обеспечению юридических услуг. Одним из альтернатив решения этой трудности считается внедрение адвокатской монополии. К чему в результате может привести внедрение юридической монополии, может ли подобная мера справляться с вопросом оказания юридических услуг лицами с отсутствием юридического образования и степени мастерства? Подразумевается, то, что внедрение адвокатской монополии даст возможность на рынке юридических услуг привести порядок и гарантировать обеспечение гражданам и юридическим лицам грамотной юридической помощи.

Также внедрение адвокатской монополии даст возможность гарантировать соблюдения общих правил допуска к оказанию юридических услуг и квалификационных требований, дисциплинарных процедур.

Позитивными аспектами этой реформы считаются:

– компетентность представителя, который доказан адвокатским статусом, и как результат — это высокое качество защиты прав людей;

– ответственность адвоката за качество работы, подкреплённая кодексом адвокатской этики и контролем со стороны адвокатской палаты.

Реализация монополии на представительство в суде даст возможность сделать рынок по предоставлению и оказанию юридических услуг прозрачным, что обязано благоприятно оказать влияние на качество предоставляемых услуг.

Рассматривая вопрос о перспективах внедрения адвокатской монополии, необходимо кроме того выделить также явные недочёты этой реформы. Каждая монополия содействует уменьшению конкурентной борьбы на рынке, что также применимо и к рынку предоставления и оказания юридических услуг. В связи с этим внедрение адвокатской монополии может послужить причиной к увеличению стоимости на представительство в суде.

Подобным образом, следует выделить, внедрение монополии на представительство что внедрение адвокатской монополии в суде обязано реализоваться со временем.

Литература:

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // СЗ РФ. 2001. N52 (часть I). Ст. 4921; «Российская газета». N77. 2020.
2. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N138-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. 2002. N46. Ст. 4532; СЗ РФ. 2019 (часть V). N49. Ст. 6965.
3. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N312 (ред. от 30.03.2020) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция» // 2014. N18 (часть II). Ст. 2158.
4. Верещагин А. Н. К оценке обоснованности адвокатской монополии // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 2. С. 152–179.
5. Горевая А. Г. К вопросу о монополизации адвокатской деятельности // Молодой ученый. 2017. № 5. С. 284–287.

Теория конкуренции и социально уязвимые слои населения

Усков Андрей Алексеевич, студент;
Хламова Татьяна Дмитриевна, студент
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

В статье анализируется понятие «конкуренция», которое является ключевым в современном правоведении, а также иных общественных науках. Авторами подчеркивается, что в различных идеологических концепциях наблюдается неоднозначный подход к проблеме концептуализации конкуренции. Особое внимание уделяется вопросу защиты социально уязвимых слоев населения, которые в силу различных причин не являются конкурентоспособными.

Ключевые слова: конкуренция, Ф. Хайек, Дж. Кейнс, неолиберализм, кейнсианство, социально уязвимые слои населения.

Общественное устройство немислимо без конкуренции. Данное обстоятельство объясняется различными причинами. Тем не менее, что факт, что общество развивается именно благодаря конкуренции между различными субъектами, такими как человек, товар, услуга, государство и др., является доминирующим среди теоретиков права, экономики, политологии и социологии. Считается, что о конкуренции впервые заговорили мыслители эпохи Античности. Однако полноценную концептуализацию теория конкуренции получила намного позднее — в период становления рыночных отношений.

К основоположникам теории конкуренции можно отнести таких выдающихся теоретиков политической экономии как Адам Смит (1723–1790), Сэй Жан Баптист (1767–1832), Давид Рикардо (1772–1823), Томас Мальтус (1766–1834) и др. Считается, что конкуренцию в рассматриваемый отрезок времени воспедали преимущественно ученые туманного Альбиона. Этот факт несложно объяснить. Дело в том, что Англия, находясь под сильным влиянием протестантизма, относительно легко восприняла идеи индивидуализма и свободы предпри-

нимательства. В тех странах, куда протестантская концепция мироустройства не смогла проникнуть, на долгие столетия закрепится консервативный подход в философии и мировосприятии. Католическая Испания, где идеи клерикализма закрепились очень прочно, является тому ярким примером. В Испании периода эпохи Нового времени отсутствовало стремление интеллигенции к восприятию новых реалий, основанных на идеях свободного и открытого рынка. Конечно, данное обстоятельство можно объяснить особенностями католицизма, постулаты которого отвергали стремление человека к индивидуализму. Католицизм апеллировал к смирению, к тому, что человек обретет подлинное счастье лишь в загробном мире, если он будет следовать заповедям религии в мире настоящем. Столь ограниченный подход привел к тому, что в испанском обществе не сложились предпосылки для становления класса буржуазии — выразителя идей свобод и прав человека. Отсутствие стремления к обогащению завершилось тем, что страна не выдерживала конкуренции будущей владычице морей — Англии, и сравнительно быстро «сдала» свои территории в Северной Америке.

Итак, считается, что конкуренция — двигатель человеческой цивилизации. Любая сфера человеческой деятельности подвержена тому, что субъекты конкурируют между собой. Однако не всегда та или иная сфера деятельности человека реализуется в условиях полной конкуренции. С этим соглашались почти все мыслители прошлого и современности. Теоретики, которые были сторонниками рыночных отношений, и которых сегодня назвали бы представителями либерализма, полагали, что конкуренция складывается не сразу в силу собственных особенностей. Но в итоге конкурентная среда устоит и станет преобладающей. Вот как описывал данный процесс известный мыслитель Ф. Хаек (1899–1992): «Только на рынке, где адаптация происходит медленно по сравнению со скоростью изменений, процесс конкуренции идет непрерывно. И хотя причина медленной адаптации может заключаться в слабости конкуренции, т.е. в том, что существуют специфические препятствия к вступлению на рынок или другие факторы типа естественных монополий, медленная адаптация никоим образом не подразумевает непременно слабую конкуренцию. Когда разнообразие близких заменителей велико и быстро меняется, так что требуется много времени на выяснение относительных достоинств имеющихся вариантов, или когда потребность в целом классе товаров или услуг возникает лишь с перерывами, через нерегулярные промежутки времени, адаптация должна быть медленной, даже если конкуренция сильна и активна» [1, с. 26].

Напомним, что Ф. Хаек — пожалуй, наиболее яркий представитель идей нелиберализма современности, или, как его часто называют, «фанатик свободы». Ф. Хайек олицетворяет собой, образно говоря, некий мозговой двигатель либеральной концепции настоящего времени. Он родился в Вене и получил прекрасное юридическое образование в Венском университете. Став ученым с мировым именем, преподавал в Германии, США и Великобритании. Наиболее известная его книга — «Дорога к рабству», которая была издана в 1944 г. В своей работе ученый подвергал критике идеи социализма и социал-демократии, утверждая, что левацкая концепция мироустройства отвергает идею конкуренции, что, в свою очередь, тормозит развитие общества.

Среди плеяды современных ученых, близких по духу Ф. Хайеку, можно назвать такие известные имена, как Ф. Милтон (1912–2006), Р. Манделл (род. 1932), Д. Флеминг (1911–1976) и др.

Некий антитезис идеям сторонников полной конкуренции был концептуализирован сторонниками так называемого кейнсианства. В основе кейнсианского направления, которое было оформлено в рамках политической экономии и права, лежали идеи выдающегося английского ученого Дж. Кейнса (1883–1946). Мыслитель и его сторонники не считали, что конкурентный рынок может обеспечить беспрепятственное развитие экономики в частности, и человеческого общества в целом. Они полагали, что рыночная экономика подвержена нестабильности и кризисным явлениям. Данное обстоятельство

было аргументировано целым рядом фактов, такими, как например неэластичностью цен, стремлением рынка и монополизации и другими причинами. Согласно основной идее Д. Кейнса и его сторонников, роль конкуренции в жизни общества существенно преувеличена сторонниками либерализма. Неудивительно, что идеи английского ученого возьмут на вооружении представители левых политических течений — социал-демократии и социализма.

Примечательно, что «наиболее видным современным критиком Кейнса был экономист и философ Фридрих Хайек. Его взгляды на экономику были резко противоположны Кейнсу, но, тем не менее, после его смерти Хайек написал: »Он был единственным действительно великим человеком, которого я знал, и по отношению к которому испытывал безграничное восхищение. Мир очень сильно обеднеет без него» [2, с. 43].

Итак, вопрос о том, является ли конкуренция двигателем в развитии человеческой цивилизации, остается во многом открытым. Как бы ни решались споры великих умов современности, на наш взгляд, конкуренция, а следовательно, и идея либерального мироустройства, не учитывает один очень важный фактор — положение так называемых социально уязвимых слоев населения.

Социально уязвимые слои населения — это та часть гражданского общества, которая требует со стороны государства более пристального внимания. Научная точка зрения гласит, что представитель социально уязвимых слоев общества не конкурентоспособен в условиях максимально свободного рынка, когда субъекты права, прежде всего физические лица, оказываются без поддержки государства. Данное обстоятельство объясняется тем, что представитель социально уязвимого слоя общества обладает неким «изъяном» или «недостатком», которые он не в силах устранить самостоятельно. Например, к подобным лицам мы можем отнести инвалидов, детей-сирот, многодетных одиноких матерей и др. Только с государственной поддержкой и защитой они становятся востребованными на рынке труда, и могут повышать свой уровень благосостояния.

Социальная защита и поддержка — явление в праве относительно новое. Проблема зарождения правового статуса социально уязвимых слоев населения все еще не находит своего однозначного понимания в научном сообществе. Есть ряд исследователей, которые полагают, что государственная поддержка тех граждан или подданных, которые в силу объективных причин, не могут выдерживать конкуренцию с согражданами, зародилась в эпоху раннего средневековья на Ближнем Востоке [3]. Однако большинство российских ученых полагает, что государственную поддержку социально уязвимых слоев населения необходимо соотносить с вопросом о защите прав человека. При этом они подчеркивают, что гарантия подобных прав человека соотносима с концептуализацией прав человека второго поколения, или, так называемыми позитивными правами человека.

Литература:

1. Хайек Ф. Смысл конкуренции // Современная конкуренция. — 2009. — № 3 — С. 18–27.

2. Ковнир В. Н., Погребинская Е. А. Актуальность теории Кейнса в XXI в. // Социально-экономические явления и процессы. — 2016. — № 4. — С. 34–44.
3. Нуриев Б. Д. Финансово-правовая политика государства: новые концептуальные подходы // Материалы Всероссийской молодежной научно-практической конференции (с международным участием). Уфа: Башкирский государственный университет, 2018. — С. 185–191.

Совершенствование долевого участия в строительстве

Хохлова Виктория Сергеевна, студент магистратуры
Российский университет кооперации (г. Мытищи)

В статье рассматриваются направления совершенствования договора долевого участия в строительстве.

Ключевые слова: договор, долевое участие в строительстве, существенные условия договора, компенсационный фонд, страховании.

Отношения, вытекающие из долевого участия в строительстве, урегулированы специальным законом — Федеральным законом от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о долевом строительстве) [4].

Институт долевого участия в строительстве весьма неоднозначный в правовом смысле. Правоотношения, вытекающие из долевого строительства, наиболее проблемные в настоящее время.

Особое значение в настоящее время приобретают механизмы защиты прав дольщиков. До недавнего времени Законом о долевом участие в строительстве было предусмотрено страхование ответственности строительных организаций, осуществляющих строительство объектов недвижимости, однако от данного механизма защиты рисков законодатель отказался и пошел по иному пути. Отказ от страхования рисков, вытекающих из договора долевого участия в строительстве, связан с тем, что данный способ защиты был неэффективным. Так, по мнению В. В. Шарапова «...практика показала низкую эффективность механизма страхования как инструмента защиты частных инвесторов, так как, по мнению автора, вместо риска конфликта с застройщиками инвесторы получили риск спора со страховщиками, а вместо риска банкротства застройщика — риск банкротства страховщиков» [8].

Иным направлением в законодательстве о долевом участии в строительстве, направленным на защиту прав дольщиков, стало создание специального компенсационного фонда. Фонд создается и регулируется в соответствии с Федеральным законом «О публично-правовой компании по защите прав граждан — участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5]. Также функционирование данного фонда регламентируется рядом подзаконных правовых актов.

В общих чертах данная мера защиты прав дольщиков состоит в следующем: каждый застройщик обязан вносить в ком-

пенсационный фонд взнос от каждой заключенной сделки в размере 1,2% от ее стоимости, при этом денежные средства, поступающие в фонд, могут пойти на компенсацию затрат, произведенных обманутыми дольщиками, в случае банкротства застройщика. Невнесение денежных средств в компенсационный фонд является основанием для приостановки регистрационных действий в отношении построенного объекта недвижимости, в том числе и договоров долевого участия в строительстве.

Законодатель определил две основные цели создание компенсационного фонда — это выплата компенсаций обманутым дольщикам, а также финансирование завершения строительства объекта недвижимости.

В статье А. А. Биньковской «Новые механизмы защиты прав и законных интересов участников долевого строительства» [6] приведен пример практического применения механизма защиты прав обманутых дольщиков мерами компенсационного фонда в отношении Группы компаний «ГК Урбан групп», одного из крупнейших застройщиков Подмосковья. По результатам проверки Холдинга Фонд 9 июня 2018 г. подал иски о банкротстве пяти компаний группы в Арбитражный суд Московской области, основанием для подачи которых стали выявленные в ходе проверки признаки их неплатежеспособности и недостаточности имущества. В итоге были нарушены права и законные интересы 20 тыс. обманутых дольщиков, а также образовались финансовая дыра в 70 млрд рублей и 3,5 млн кв. м недостроя. Правительством Российской Федерации был утвержден План мероприятий («дорожная карта») по восстановлению прав граждан — участников долевого строительства в многоквартирных домах ГК «Урбан групп», предусматривающий завершение строительства всех объектов застройщика. Согласно «дорожной карте» Правительство Московской области и Фонд заключили соглашение о предоставлении из бюджета субъекта в Фонд 3 млрд рублей с целью финансирования первоочередных мероприятий по завершению строительства домов и объектов инфраструктуры [7]. Дефицит финансирования строительства жилых домов с «дорожной картой» планируется покрыть за счет средств федерального бюджета Рос-

сийской Федерации и Правительства Московской области. Субъектом также будут выделены средства, необходимые для завершения строительства школ, детских садов и других объектов инфраструктуры [6,9].

Соглашаясь с мнением некоторых авторов, считаем, что компенсационный фонд нельзя рассматривать единственным способом защиты прав обманутых дольщиков. Видится необ-

ходимым вернуть в качестве альтернативы страхование рисков неисполнения обязанностей по договору долевого участия в строительстве, однако внести в данный способ защиты некоторые изменения, например, страхование сделать обязательным, установить минимальный страховой взнос по принципу страхования гражданской ответственности владельцев автотранспортных средств.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ в ред. от 16 декабря 2019 г. // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301; 2019. — № 51 (часть I). — Ст. 7482.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ в ред. от 27 декабря 2019 г. // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410; 2019. — № 52 (часть I). — Ст. 7807.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ в ред. от 26 июля 2019 г. // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 52 (часть I). — Ст. 5496; 2019. — № 30. — Ст. 4132.
4. Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ в ред. от 27 июня 2019 г. // Собрание законодательства РФ. — 2005. — № 1 (часть I). — Ст. 40; 2019. — № 26. — Ст. 3317.
5. О публично-правовой компании по защите прав граждан — участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 218-ФЗ в ред. от 29 декабря 2017 г. // Собрание законодательства РФ. — 2017. — № 31 (часть I). — Ст. 4767.
6. Биньковская А. А. Новые механизмы защиты прав и законных интересов участников долевого строительства // Право и экономика. 2019. № 7. С. 13–20.
7. Утверждена «дорожная карта» по восстановлению прав дольщиков «Урбан Групп». Режим доступа: <http://www.minstroyrf.ru/press/utverzhdена-dorozhnaya-karta-po-vosstanovleniyu-prav-dolshchikov-urban-grup/> (дата обращения: 10.01.2020).
8. Шарапов В. В. Обзор изменений и дополнений в Федеральный закон № 214-ФЗ от 30.12.2004 // СПС «КонсультантПлюс», 2017.
9. Urban Group: история одного банкротства. URL: <https://www.e-executive.ru/fmance/novosti-ekonomiki/1989186-urban-group-istoriya-odnogo-bankrotstva/>; По делу о банкротстве № А40–249130/18–174–323. Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/Card/a272df1b-6881-4fae-9355-cbbd7269a4b7> (дата обращения: 10.01.2020).

Участие ОВД в организации и осуществлении общественного обсуждения

Чернова Ольга Владимировна, студент магистратуры
Академия управления МВД России (г. Москва)

В статье рассматриваются особенности обсуждения проектов нормативно-правовых актов на примере органов внутренних дел в Республике Крым.

Ключевые слова: общественное обсуждение, общественный контроль, проект нормативно-правового акта, Российская Федерация, Крым, Общественное обсуждение, дорожное движение, акт, проект.

Для рассмотрения вопросов общественного обсуждения проектов нормативно-правовых актов на региональном уровне для анализа мы определили регион — республика Крым. Данный регион выбран в связи с тем, что автор настоящего исследования проживает в данном регионе и работает на территории республики.

Республика Крым — субъект Российской Федерации, входящий в состав Южного федерального округа и Северо-Кавказского экономического района. Республика образована 18 марта 2014 года в результате присоединения к Российской Федерации

части Крымского полуострова, до того контролировавшейся Украиной. Присоединение Крыма к Российской Федерации не получило международного признания; в документах ООН и законодательстве Украины заявленная Россией территория республики рассматривается как временно оккупированная российскими вооружёнными силами.

18 августа 2017 года главой республики издан Указ № 370-У «О дополнительных гарантиях обеспечения независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) органов го-

сударственной власти Республики Крым в целях их общественного обсуждения и проведения независимой антикоррупционной экспертизы». Данным указом создан единый Крымский интернет-портал для размещения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) ор-

ганов государственной власти Республики Крым в целях их общественного обсуждения и проведения независимой антикоррупционной экспертизы (статистические данные по обсуждению и принятию законов представлены в таблицах на Рис. 1.).

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ
о количестве проектов законов Республики Крым, внесенных на рассмотрение Государственного Совета Республики Крым по субъектам законодательной инициативы (по годам)
(по состоянию на 31 декабря 2018 года)

№ п/п	Субъект законодательной инициативы	2017	2018	2019	20__	20__
1.	Депутаты ГС РК	2	2			
2.	Члены Президиума ГС РК	29	17			
3.	Комитеты ГС РК	20	22			
4.	Глава РК	77	62			
5.	Прокурор РК	5	7			
6.	ГУ Министерства юстиции РФ по РК и Севастополю	2	4			
7.	Представительные органы муниципальных образований	7	3			
ВСЕГО		142	117			

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ
о количестве проектов законов Республики Крым, внесенных на рассмотрение Государственного Совета Республики Крым по депутатским фракциям (по годам)
(по состоянию на 31 декабря 2018 года)

№ п/п	Депутатские фракции	2017	2018	2019	20__	20__
1.	Члены фракции "Единая Россия"	31	19			
2.	Члены фракции Политической партии ЛДПР – Либерально-демократической партии России в ГС РК	0	0			
ВСЕГО		31	19			

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ
о категориях проектов законов Республики Крым, принятых Государственным Советом Республики Крым первого созыва (по годам)
(по состоянию на 31 декабря 2018 года)

№ п/п	Категории законопроектов	2017	2018	2019	20__	20__	20__
1	2	3	4	5	6	7	8
1.	Экономические (в т. ч. бюджет, экономическое и налоговое законодательство)	26	25				
2.	Социальные вопросы, здравоохранение	15	9				
3.	Земельные, имущественные отношения	8	13				
4.	Аграрные, экологические вопросы	2	4				
5.	Промышленный комплекс, транспорт, связь	1	0				
6.	Организация деятельности законодательной, исполнительной власти, местного самоуправления	33	30				
7.	Организация судебной власти, нотариата, административное законодательство, борьба с коррупцией	7	6				
8.	Образование, наука, культура, молодежная политика	6	9				
9.	Деятельность общественных институтов власти (Общественная палата РК, вопросы уполномоченных по правам человека, по правам ребенка, по защите прав предпринимателей)	1	0				
10.	Градостроительные отношения, вопросы жилищно-коммунального хозяйства	7	5				
11.	Санаторно-курортная сфера, туризм	4	5				
12.	Международные вопросы	1	0				
13.	Учреждение наград РК	1	0				
ВСЕГО		113	106				

Рис. 1. Статистические данные обсуждения и принятия законов в Республике Крым за 2017–2018 годы

Помимо этого портала республика Крым участвует в проекте «Российская общественная инициатива». На портале «goi.ru» в разделе «Республика Крым» содержится следующая информация:

- на портале размещено 2295 активных инициатив;
- из 2295 инициатив региональных всего 2: а) внедрение единого программного обеспечения поставщиков коммунальных услуг (окончание голосования — 27 мая 2020 г.); б) велодорожки в г. Симферополе (окончание голосования — 17 июля 2020 г.);
- для рассмотрения указанных инициатив на уровне региона необходимо набрать 100 000 голосов каждой инициативе;
- по состоянию на 29 февраля 2020 года за инициативу о внедрении единого программного обеспечения поставщиков коммунальных услуг проголосовало 13 человек, а за инициативу внедрения велосипедных дорожек — 18 человек.

Как видим общественное обсуждение институт достаточно новы и еще не приобрел значительных масштабов, однако в век цифровых технологий перспективы развития именно этого общественного института достаточно хорошие. Органы внутренних дел являются инициаторами обсуждения проектов нормативно-правовых актов в сфере своей деятельности.

Анализ размещенной информации на портале для общественного обсуждения проектов нормативно-правовых актов показал следующее. По линии МВД на 29 февраля 2020 г. размещено 342 проекта нормативно-правовых актов. Активных в обсуждении — 221 проект, отказ от дальнейшей разработки — 15 проектов, по остальным проектам обсуждение завершено. Большая часть проектов нормативно-правовых актов относится к организационной сфере деятельности органов внутренних дел. Однако имеются и такие проекты, которые имеют практическое значение. В приложении 2 представлен пример обсуждения проекта приказа МВД.

24 июля 2018 г. на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов (<http://regulation.gov.ru/>) МВД России были размещены проекты федеральных законов «О внесении изменений в статью 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в части усиления ответственности за совершение преступлений против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта» и «О внесении изменений в статью 12.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее — законопроекты).

Литература:

1. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (в ред. от 27 декабря 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (часть I). Ст. 4213; 2018. № 53 (часть I). Ст. 8424.
2. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в ред. от 26 июля 2019 г.) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (часть I). Ст. 6228; 2019. № 30. Ст. 4153.
3. Указ Президента РФ от 9 февраля 2011 г. № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 939.
4. Документы, определяющие процедуры публичных обсуждений (консультаций) в России. URL: <http://regulation.gov.ru/>. (дата обращения — 28.08.2019).
5. Иванов И. В. Общественное обсуждение как конституционно-правовой институт в Российской Федерации: диссертация... кандидата юридических наук, 2016. — 235 с.

В обосновании необходимости введения указанных норм сообщалось следующее. В настоящее время к лицу, управляющему транспортным средством, нарушившему правила дорожного движения, повлекшие по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью, находившемуся в состоянии опьянения и скрывшемуся с места совершения деяния, не могут быть применены меры уголовной ответственности, предусмотренные частями второй, четвертой и шестой статьи 264 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК), поскольку установить факт употребления этим лицом веществ, вызывающих опьянение, посредством медицинского освидетельствования по прошествии времени не представляется возможным.

В связи с этим законопроектом вносятся изменения в части вторую, четвертую и шестую статьи 264 УК, усиливающие ответственность лица, управляющего транспортным средством и нарушившего правила дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, при условии наступления тяжких последствий, если это лицо скрылось с места совершения деяния.

Одновременно, в целях исключения конкуренции норм, в случае принятия указанного законопроекта, предлагается внести корреспондирующие изменения в часть 2 статьи 12.27 (Невыполнение обязанностей в связи с дорожно-транспортным происшествием) Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Установление в уголовном законе обязанности лица, управляющего транспортным средством как источником повышенной опасности и нарушившего правила дорожного движения или его эксплуатации, оставаться на месте ДТП, направлено на защиту интересов всех участников дорожного движения и связано с необходимостью обеспечения выполнения ими взаимных обязательств, порождаемых фактом ДТП.

Предлагаемые законопроектом изменения соответствуют действующей правоприменительной практике, устраняют пробел в уголовно-правовом регулировании и поставят лицо, управляющее транспортным средством в состоянии опьянения и скрывшееся с места совершения деяния, в равные условия с точки зрения ответственности за свое поведение.

По результатам общественного обсуждения данные изменения были внесены в соответствующие нормативно-правовые акты.

6. Комарова В. В. Высшее непосредственное выражение власти народа в Российской Федерации: проблемы теории и практики. Дис... докт. юрид. наук. — М., 2006. — 474 с.
7. Ларина Н. В. Общественные обсуждения: истоки и предпосылки развития в российском демократическом обществе // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 1. С. 34.
8. Липчанская М. А. Участие граждан Российской Федерации в управлении делами государства: конституционно-правовое исследование: диссертация... доктора юридических наук. — Саратов, 2012. — 474 с.
9. Путин В. Демократия и качество власти // Коммерсант. 2012. № 20.

Унитарная модель исполнительной власти в США

Чирков Александр Александрович, студент магистратуры
Петрозаводский государственный университет

В статье автор анализирует теорию исполнительной власти, которая была создана в контексте конституционного права США. Ключевые слова: унитарная исполнительная власть, Президент, США.

Теория унитарной модели исполнительной власти зародилась в контексте американского конституционного права. В то же время, Основной закон США стал образцом для конституции многих стран, в том числе и Российской Федерации. С 1990 г. в РСФСР активно обсуждалась конституционная реформа и многие правоведы считали, что некоторые положения необходимо заимствовать у США. Так, в 1990 г. В. Д. Зорькин опубликовал статью, в которой рассматривалась роль Президента в новой конституции. В статье автор выступал за создание президентской республики: «слабая исполнительная власть — причина серьезных потрясений и негативных последствий для всего государственного механизма» [1, с. 788]. США, по мнению В. Д. Зорькина, с точки зрения права является примером демократической президентской республики [1, с. 792]. На заседании Рабочей группы Конституционной комиссии от 12 июля 1990 г. Л. Б. Волков отметил, что настоящее президентское правление, существует только в США, а России нужна сильная президентская прерогатива [1, с. 85]. Впоследствии была принята Конституция 1993 г., которая наделяла Президента огромной властью. Несмотря на это теория унитарной власти Президента с точки зрения права в России практически не изучена.

Дискуссия в США по вопросу унитарной исполнительной власти проходила с XVIII в. и не прекращалась до сих пор. Унитарная исполнительная власть подразумевает контроль над всей исполнительной властью Президентом или одним учреждением. Авторы Конституции США при ее обсуждении спорили о концентрации исполнительной власти в руках одного человека. Данная мера признавалась всеми делегатами Конгресса наиболее эффективной, но ряд депутатов выражали опасения по поводу узурпации власти Президентом. Главный аргументом был пример короля Великобритании, который обладал исполнительной властью и тем самым ограничивал права подданных в колониях. Таким образом, ст. 2 Конституции США называет Президента главой исполнительной власти, но при этом другие статьи ограничивают его полномочия. Ч. Пинкни и Д. Ратледж настаивали на том, чтобы Президент не мог объявлять войну [6, р. 571]. Им удалось убедить в этом даже А. Га-

мельтона, а после этого данная норма была отражена в п. 8 ст. 1 Конституции. По той же схеме авторы Конституции установили, что Президент имеет право по «совету и согласию Сената» назначать должностных лиц, не указав при этом процедуру отставки этих чиновников. Таким образом, Конституция США позволяет двояко трактовать объем исполнительной власти Президента.

Стоит отметить, что Президент США обладает ограниченной властью по отношению к губернаторам штатов. Практически он не может влиять на их политику. Единственная «лазейка» в американском законодательстве — это введение режима чрезвычайного положения в штате и использование Национальной гвардии. При этом в истории США был случай, когда этой «лазейкой» воспользовался Президент для решения политического вопроса. В 1963 г. губернатор Алабамы Дж. Уоллес пытался не допустить к учебе в местном университете чернокожих, которые добились этого права в федеральном окружном суде. Решение суда позволило Президенту Дж. Ф. Кеннеди использовать Национальную гвардию Алабамы против губернатора и тем самым допустить чернокожих студентов к месту учебы.

Бывший адвокат и советник президента Р. Никсона Д. Дин совершенно верно отметил, что изначально принцип, по которому Президент контролирует всю исполнительную власть, не имел негативной коннотации. В ходе развития права Президенту делегировались обширные полномочия. С учетом того, что англосаксонская правовая семья основывается на прецеденте, то и теория унитарной исполнительной власти постепенно приобретала крайние формы. Другой вопрос, что Д. Дин под крайней формой понимает свободу действий Президента в области национальной безопасности, и что ни Конгресс, ни федеральные суды не могут указывать Президенту, что делать в этой области [5, р. 102].

Кроме того, следует отметить, что как раз с президентства Р. Никсона теория унитарной исполнительной власти начала приобретать новые черты, которые концентрировали в руках Президента еще больше полномочий. Так, уже Р. Рейган в заявлении от 29 сентября 1987 г. о подписании закона о Лимите фе-

дерального долга и сокращении дефицита включил в документ фразу, что по Конституции Президент «глава унитарной исполнительной власти» [10].

Окончательным формированием теории унитарной исполнительной власти можно назвать период администрации Д. Буша мл., а в частности это связано с деятельностью Вице-президента Д. Чейни. Именно после этого в американской правовой науке начинается активное изучение унитарной исполнительной власти и появляются ее противники в Конгрессе [2, 4].

Кризис между Конгрессом и администрацией Президента Б.Х. Обамы из-за государственного долга стал первым признаком будущего спора о модели исполнительной власти. Процесс усилился в 2017 г., когда в Конгресс США был внесен законопроект «О противодействии противникам Америки через санкции» (CAATSA) [8]. Главной целью данного законопроекта американские законодатели видели в закреплении в законе ограничительных мер в отношении России, которые были приняты администрацией Президента США Б. Обамой в виде исполнительных указов (от 6 марта 2014, 18 декабря 2014, 1 апреля 2015, 26 июля 2016 и 29 декабря 2016 г.). Дело в том, что исполнительные указы Президента может отменить его приемник, издав соответствующий указ. Конгрессмены данной законодательной инициативой стремились ограничить полномочия Президента США Д. Трампа. 27 июля 2017 г. Палата представителей приняла данный законопроект подавляющим большинством — 419 конгрессмена проголосовали «за» и только трое проголосовали «против». 27 июля 2017 г. Сенат 98 голосами против двух принял этот законопроект. Следует учесть, что в обеих палатах Конгресса было республиканское большинство, а Д. Трамп является членом республиканской партии. Таким образом, принятие проекта «О противодействии противникам Америки через санкции» было связано не с конкуренцией двух партий, а с желанием американского парламента ограничить унитарную исполнительную власть Президента.

Такой консенсус законодательного органа не случаен, т.к. парламентарии своими действиями дали понять Президенту, что в случае если он откажется подписать законопроект, то они соберут больше 2/3 голосов и таким образом закон примут без одобрения главы государства (п. 7 ст. 1 Конституции США [7]). 2 августа 2017 г. Д. Трамп подписал закон «О противодействии противникам Америки через санкции», но отметил, что в спешке, принимая этот законопроект, Конгресс включил ряд явно неконституционных положений [9]. При этом он выразил надежду, что Конгресс не будет применять неконституционные меры, чтобы не мешать правительству выстраивать отношения со странами Европы. В соответствии со ст. 2 Конституции США Президент осуществляет внешнюю политику и назначает Государственного секретаря (которого утверждает Сенат). Кроме того, Президент заключает международные договоры «по совету и согласию Сената». Следовательно, Трамп прав, когда говорит, что Конгресс мешает его администрации заниматься внешней политикой, но в то же время он не обращается в Верховный Суд для признания данного законопроекта антиконституционным.

Таким образом, в США до Б.Х. Обамы исполнительная власть концентрировалась в руках Президента, но после того, как Обама стал главой государства этот процесс остановился. Профессор права Северо-Западного университета С. Калабresi и профессор права юридического факультета Пенсильванского университета К. Ю в своей книге верно отметили, что Президенты США на протяжении всей истории отстаивали единоличную исполнительную власть Президента [3]. В то же время, вывод авторов, что Конгресс постоянно пытался помешать установлению унитарной модели исполнительной власти, на наш взгляд, ошибочен. Процесс нарушения баланса компетенций исполнительной и законодательной власти и открытое вмешательство Конгресса в полномочия Президента в законодательстве стали явно проявляться только после избрания Д. Трампа.

Литература:

10. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): в 6 т., 10 кн. Т. 1./ под общ. ред. О. Г. Румянцева. — М.: Волтерс Клувер, 2007.
11. Bradley, C.A., Morrison, T. W. Presidential Power, Historical Practice, and Legal Constraint. / C. A. Bradley, T. W. Morrison. // *Columbia Law Review* — 2013. — Vol.113. — № 4. — P. 1097–1161.
12. Calabresi, S.G., Yoo, C. S. The Unitary Executive. / S. G. Calabresi, C. S. Yoo. — New Haven: Yale University Press, 2008. — 558 p.
13. Calabresi, S.G., Yoo, C. S. The Unitary Executive During the Third Half-Century, 1889–1945. / S. G. Calabresi, C. S. Yoo. // *Notre Dame Law Review*. — 2004. — Vol.80. — Iss.1. — P. 1–109.
14. Dean, J. W. Broken Government: How Republican Rule Destroyed the Legislative, Executive, and Judicial Branches. / J. W. Dean — New York: Viking Adult, 2007. — 332 p.
15. Fisher, L. The Unitary Executive and Inherent Executive Power. / L. Fisher. // *Journal of Constitutional Law* — 2010. — Vol.12. — № 2. — P. 569–591.
16. Конституция США [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm> (Дата обращения: 9.11.2018)
17. Countering America's Adversaries Through Sanctions Act [Электронный ресурс] // URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364/text> (Дата обращения: 9.11.2019)
18. Nussbaum, M., Schor, E. Trump signs Russia sanctions bill but blasts Congress [Электронный ресурс] // URL: <http://www.politico.com/story/2017/08/02/trump-signs-bipartisan-russia-sanctions-bill-241242> (Дата обращения: 9.11. 2018)
19. Statement on Signing the Federal Debt Limit and Deficit Reduction Bill. September 29, 1987. / Ronald Reagan Presidential Library & Museum. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.reaganlibrary.gov/research/speeches/092987d> (Дата обращения: 4.07.2019)

Особенности правового регулирования труда иностранных граждан в Российской Федерации

Шинакова Валерия Валерьевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская обл.)

В статье рассмотрены особенности правового регулирования труда иностранных граждан в Российской Федерации. Отмечено, что в Российскую Федерацию постоянно въезжают иностранные граждане для работы. Также в статье выявлены проблемы правового регулирования труда иностранных граждан в Российской Федерации.

Ключевые слова: иностранцы, граждане, миграционное законодательство, дискриминация, трудовой договор, миграционная политика.

The article considers the features of the legal regulation of the labor of foreign citizens in the Russian Federation. It is noted that foreign citizens constantly enter the Russian Federation to work. The article also identifies the problems of legal regulation of labor of foreign citizens in the Russian Federation.

Key words: foreigners, citizenship, migration legislation, discrimination, labor contract, migration policy.

Каждый год в Россию въезжает значительное число иностранных граждан и лиц без гражданства, цели нахождения которых абсолютно различные.

Обычно это обусловлено осуществлением рабочей деятельности, получением образования, участием в разных мероприятиях международного характера, а также получения убежища, защиты и покровительства. По сведениям Федеральной миграционной службы России, в 2018 году на миграционный учет поставили свыше 17 млн иностранных граждан и лиц без гражданства, что на 2 млн больше показателей 2017 года.

Отдельные иностранные граждане и лица без гражданства приезжают в Россию на продолжительный срок пребывания, а порой и вовсе постоянного проживания.

Так, за минувший год миграционная служба выдала свыше 268,2 тыс. разрешений на временное проживание и 191,4 тыс. видов на жительство. За минувший год 269,3 тыс. лиц из перечня упомянутых категорий получили российское гражданство [10].

При этом необходимо отметить, что Конституцией России провозглашается национальный режим пребывания упомянутых категорий лиц, а основу их юридического статуса образует часть 3 статьи 62 Основного закона, предусматривающая базовые правила о том, что в России они пользуются аналогичными правами и несут схожие обязанности, предусмотренные законодательством в отношении российских граждан, кроме отдельных случаев, определенным международным соглашением или федеральным законодательством России [6]. Это обуславливает необходимость определения и более детального изучения содержания юридического статуса иностранных граждан и лиц без гражданства, приезжающих в Россию и живущих на её территории, а также анализа выявленных исключений, запретов, ограничений особых правил, определённых законодательством в отношении данных категорий граждан.

На основании Конституции РФ «запрещается дискриминация иностранных граждан по признакам языка, расы, пола, национальности, вероисповедания и т.д.». Но, несмотря на то, что граждане иностранных государств, оказавшиеся в Российской Федерации, пользуются правом свободного распоряжения

собственными способностями к работе, выбора профессии и рода деятельности, такая свобода обладает совокупностью ограничений, указанных в федеральном законодательстве. Так, они не могут призываться на военную службу, не могут быть на должности прокурора, судьи, следователя, адвоката, нотариуса, должностного лица таможенных органов, патентного поверенного; служить в полиции; заниматься промысловой добычей какой-либо рыбы и иных водных растений и животных в российских водоёмах.

Несмотря на льготы и гарантии, предусмотренные для иностранных граждан, совокупность положений Трудового кодекса РФ имеет довольно противоречивый характер. Так, в ст. 327.1 ТК РФ зафиксировано, что «между работником, являющимся иностранным гражданином или лицом без гражданства, и работодателем заключается трудовой договор на неопределённый срок», а в ситуациях, указанных в ст. 59 ТК РФ, — «срочный трудовой договор». В письме Федеральной службы по труду и занятости «О заключении трудового договора с временно пребывающим в Российской Федерации иностранным работником на неопределённый срок» № ПГ/9509–6–1 от 23.10.2013 разъяснено, что «обязанность заключать с иностранцем срочный трудовой договор Трудовым кодексом РФ не предусмотрена. Закон о правовом положении иностранцев не обязывает работодателя заключать с такими лицами трудовой договор только на срок действия разрешения на работу» [4].

Итак, по мнению Роструда, трудовой договор с временно пребывающим в России иностранцем может заключаться на неопределённый срок. Это уточнение законодателя обладает спорным характером, так как все иностранные граждане получают довольно ограниченное по времени право на осуществление трудовой деятельности. Так, те из них, кто трудится на основе патента, могут вести трудовую деятельность на российской территории не больше 2 лет с даты его выдачи, а высококвалифицированные сотрудники — до 6 лет.

Более подробно статус иностранных граждан рассматривается в Федеральном законе «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» № 115-ФЗ от 25.07.2002, в ст. 13.3 которого упомянуты главные правила при-

влечения к работе зарубежных граждан российскими работодателями на основе трудового и гражданского договора: «... иностранец должен законно находиться на территории Российской Федерации; он прибыл из страны, с которой установлен безвизовый режим; иностранный гражданин достиг возраста 18 лет; иностранный гражданин имеет действительный паспорт, выданный в соответствии с миграционным законодательством» [6].

При этом проблема правового регулирования работы иностранных сотрудников уже давно считается актуальной как за границей, так и в России, при этом сохраняя собственную актуальность и сегодня. При этом в юридических работах уже много раз отмечалось, что Россия воспринимается в виде самой привлекательной страны в миграционном плане. Это, в то же время, притягивает исследователей исследовать данное явление в различных аспектах (социологических, правовых, политологических и т.д.).

Сам факт привлечения иностранных граждан к труду в нашей стране имеет как некоторые преимущества, так и определённые недостатки [9], чего из них больше — исследователи ещё не определились и ведут оживлённые дебаты. Более того, одно и то же обстоятельство в научных работах может рассматриваться в дискуссионном значении. Однозначно можно прийти к выводу о том, что внешняя трудовая миграция в России характеризуется очень противоречиво в разных областях научного познания. Так, среди разделяемых автором преимуществ можно сказать, что трудовая миграция обладает глобальным значением и оказывается мощным стимулом развития мирового прогресса. Она открывает довольно широкие возможности для квалифицированных иностранных сотрудников, и это способно принести определённую пользу каждой стране, где используется их труд. Обычно считают, что экономика России нуждается в квалифицированных иностранных сотрудниках, а трудовая миграция приносит определённые экономические выгоды и государствам-экспортерам, и государствам-импортерам трудовых ресурсов. Наша страна, как и многие иные развитые государства, старается восполнить недостающие трудовые ресурсы с помощью миграционного прироста. Этот процесс помогает устранить дефицит кадров российских сотрудников в разных секторах экономики, но одновременно каждый раз порождает совокупность новых проблем для их дальнейшего национального разрешения.

Вместе с этим, если обобщить мнения специалистов в рассматриваемой области, то несложно заметить совокупность имеющихся недостатков и вероятных угроз для страны, вызванных сформировавшимися тенденциями в привлечении иностранных граждан к труду на территории России. К ним относятся такие обстоятельства:

1. иностранная миграция обычно отрицательно деформирует национальную структуру занятости, а также вызывает ограничение права на трудоустройство у национальных кадров;
2. она способна вызвать определённый дисбаланс в социальной сфере и спровоцировать национальные конфликты;
3. внешняя миграция может повлиять на изменение в национальном составе населения России (в этом вопросе за последние годы проводятся разные интересные исследования,

в частности при рассмотрении миграционных потоков в регионах страны эксперты делают прогнозы этнического состава региона в нашем многонациональном государстве. Так, к примеру, в Республике Татарстан сделан прогноз к 2030 г., когда предполагается увеличение миграционного значения иных стран [5]);

4. изучаемое явление также обостряет криминогенную обстановку и воздействует на национальную безопасность (и сегодня, необходимо заметить, этим обеспокоены многие европейские государства).

Помимо этого, если оценивать миграционную политику России за последнее время по концепциям развития государства и отечественного законодательства, можно наблюдать непрерывный поиск государства в балансе внешней трудовой миграции по многим, в т.ч. нижеуказанным, вопросам.

Во-первых, это поиск в вопросе результативности привлечения иностранных сотрудников к труду. Этот процесс для государства обеспечивается регулярным мониторингом с проведением анализа таких показателей, как: величина средней зарплаты, индекс преступности, уровень безработицы, размер ВВП на душу населения, индекс экономической свободы и т.п.

Во-вторых, поиск оптимального соотношения своих трудовых ресурсов и привлечённых из иных государств, что прослеживается с помощью определения государственной политики и национальных принципов; квот для привлечения иностранных граждан к трудовой деятельности на российской территории; закрепления различных правовых статусов иностранных сотрудников, в частности появления обособленного субъекта трудового права «высококвалифицированный специалист» и т.д.

В-третьих, поиск подходящей правовой регламентации миграционной политики и статуса иностранных сотрудников. Можно справедливо заметить, что упомянутые нормы законодательства оказываются в непрерывном движении, за последние годы установлены новшества в порядке постановки на миграционный учёт, значительно обновлены нюансы по порядку приема иностранных граждан на работу. Фактически изменение норм российского законодательства ориентировано: 1) на усложнение процесса привлечения иностранных сотрудников; 2) углубление дифференцированных подходов в определении правового положения подобных сотрудников; 3) ужесточение ответственности работодателей, использующих подобный труд с нарушением законодательных требований.

Несмотря на все попытки государства в оптимизации российского законодательства, регламентирующих трудовую деятельность иностранных граждан, имеющиеся статистические сведения, свидетельствующие за 2016–2018 гг. о сокращении количества оформленных разрешений на работу специалистам различной категории [6], современные тенденции в области внешней трудовой миграции в значительной мере не вполне благоприятны. Среди них можно выделить такие проблемные аспекты: уклонение работодателей от оплаты налогов; предоставление иностранным сотрудникам минимальных трудовых и правовых гарантий; торможение увеличения оплаты труда в секторе низкоквалифицированного труда; распространение разных инфекционных болезней среди мигрантов и т.д.

Остановимся более подробно на юридической стороне проблематики. Сейчас многие законодательные требования по привлечению к труду иностранных сотрудников довольно массово не соблюдаются, в том числе из-за их сложного характера. Однако за счёт этого увеличивается количество нелегальных трудовых мигрантов — так работодателям проще, а нередко и дешевле. И здесь особо важная роль отводится особенностям российского менталитета. У российских граждан обычно завышенный уровень претензий к величине зарплаты, и сегодня, к сожалению, это довольно ярко прослеживается на примере подрастающего поколения.

Отечественное миграционное законодательство, как и любое иное, не совершенно и нуждается в непрерывных доработках и систематизации согласно вызовам времени. При этом вопросы трудовой миграции сложные, требуют адекватной и мобильной нормативно-правовой базы. В настоящее время можно отметить такие главные вопросы, которые, по нашему мнению, нуждаются в собственном законодательном уточнении:

1. формирование единого понятийного аппарата (например, в вопросе о дискуссионном толковании термина «иностраный работник» [4]);
2. выработка четкого разграничения терминов «высококвалифицированный специалист» и «квалифицированный иностранный работник»;
3. если классифицировать иностранных сотрудников по их юридическому статусу, где главным показателем их разграничения выступает квалификация, то понадобится использование единообразного подхода в его понимании и подготовка межгосударственной системы квалификации для различных стран в мире;
4. подготовка новой концепции по привлечению иностранных сотрудников к труду с учетом национальных интересов и региональных потребностей. В рамках указанной концепции предложено сохранить систему квотирования и дополнительно ввести балльную систему выбора иностранных

граждан, когда у государства появится возможность индивидуального отбора сотрудников из иных стран, желающих трудиться в России, прибегая к оценке, в первую очередь, их профессиональных качеств и квалификации. Необходимо отметить, что балльная система не оказывается принципиальной новеллой для международного сообщества, в научных трудах можно встретить детальную характеристику средств и механизмов избирательной трудовой миграции, применяемых в Великобритании и США.

5. В то же время необходимо отметить, что текущее законодательство, которым регулируется порядок привлечения иностранных граждан и лиц без гражданства к работе в России, отличается разбросанностью норм в разных нормативно-правовых актах. Ключевое место в системе этого законодательства отводится главе 50.1 Трудового кодекса РФ и Федеральному закону от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Однако, если появление обособленной главы в упомянутом кодексе можно расценивать как прогрессивный шаг в изменении законодательства, ориентированный на полноту регулирования особенностей труда некоторых категорий лиц в кодифицированном акте о труде, то множественные (почти 70) дополнения и изменения в федеральном законе привели к сложному его прочтению, а также к определённой перегруженности по нумерации статей, утративших силу, и, наоборот, объёмным статьям с установлением дополнительной нумерации (ст. 13.2–13.6; ст. 15.1; ст. 18.1 и 18.2; ст. 32.1–1 и далее по ст. 32.5; ст. 35.1–35.3; ст. 37.1). В то же время только ст. 13.2 включает в себя 31 пункт. Представляется, что подобная сложная внутренняя структура рассмотренного закона и упомянутая разбросанность норм, которыми осуществляется регулирование труда иностранных сотрудников, должны обязательно вызвать логическую систематизацию законодательства нашей страны при любых дальнейших изменениях в области миграционной политики.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета.— № 237.— 25.12.1993.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (с изм. от 23 июля 2013 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
3. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 19.07.2018) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 29.07.2002, № 30, ст. 3032.
4. Указ Президента РФ от 16.12.93 № 2146 «О привлечении и использовании в Российской Федерации иностранной рабочей силы» // САПП РФ.— 1993.— № 51.
5. Об определении потребности в привлечении в Российскую Федерацию иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы, в том числе по приоритетным профессионально-квалификационным группам, и утверждению квот на 2016 год: Постановление Правительства РФ от 12 декабря 2015 г. № 1359 // СПС «Гарант».
6. Бойкова Т. Доля иностранных работников на российских предприятиях: законодательные ограничения // Государственная власть и местное самоуправление.— 2017.— № 8.— С. 12.
7. Карасёва Л. В. Правовое регулирование и состояние законности в сфере труда иностранных граждан // Право и справедливость в социальной практике современной России. Материалы научной конференции 5 декабря 2005 г. Под общ. ред. Упорова И. В. Краснодар: Университет МВД РФ, 2006.— С. 101.
8. Киселев И. Я. Труд с иностранным участием (правовые аспекты).— М., 2003. С. 147.
9. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации. 2-е изд., испр. доп. и перераб. / Отв. ред. проф. Ю. П. Орловский.— М. 2005. С. 169–170.

10. Макарова И. К. Использование иностранной рабочей силы в России и управление интернациональными коллективами: стратегия и безопасность // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2018. № 2 (15). С. 98–108.
11. Малышев Е. А. Способы защиты национального рынка труда // Право и управление. XXI век. 2017. № 2 (43). С. 54–60.

Возбуждение уголовных дел о преступлениях, совершаемых в процессе банкротства

Шухтина Наталья Александровна, студент магистратуры
Российский университет кооперации (г. Мытищи)

В статье исследуются особенности возбуждения уголовных дел в сфере криминальных банкротств.

Ключевые слова: банкротство, фиктивное банкротство, возбуждение уголовного дела.

Экономическая система является основой функционирования государства. Значительное место в общей экономической системе занимает банковская сфера, от ее функционирования зависит стабильность российской экономики, как следствие благосостояние российских граждан. Обоснованную тревогу вызывают статистические данные выявления нарушений закона в банковско-кредитной сфере, так в 2015 г. прокурорами было выявлено здесь на 268,1% нарушений законов больше, чем в 2014 г. (9 755 против 2 650), а в 2016 г. — 8 191. Указанные тенденции сохранялись и в 2017–2018 гг.

Не лучшее влияние на кредитно-финансовые отношения оказывает фиктивность и преднамеренность банкротств кредитных организаций. Эффективность раскрытия преступлений в данной сфере остается невысокой, т.к. данные преступления относятся к категории высоколатентных. По сведениям прокуроров субъектов Российской Федерации, в 2017 г. по итогам предварительного следствия и дознания в суд было направлено лишь 30,2 тыс. находившихся в производстве уголовных дел анализируемой категории (12,6% от общего числа преступлений).

Изучение следственной и судебной практики позволило прийти к выводу о недооценке правоприменителем высокой общественной опасности преступлений, совершаемых в процессе банкротства. Нередки случаи, когда преступления квалифицируются по другим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [1], имеют место факты переквалификации данных преступлений на менее тяжкие. В большинстве случаев это объясняется неоднозначной правовой оценкой действий виновных, неумением правильно отграничить преступления, совершаемые в процессе банкротства, от смежных с ними деяний.

Проблемы при расследовании преступлений в сфере банкротства обусловлены недостаточным использованием данных криминалистической характеристики таких преступлений. Согласно сведениям официальной статистики уголовные дела по факту правонарушений при банкротстве, преднамеренном или фиктивном банкротстве кредитных организаций возбуждаются крайне редко. Причиной подобной ситуации является достаточная сложность в процессе собирания доказательств, а также в целом при доказывании данных составов преступлений. К этому следует добавить

поверхностное расследование уголовных дел данной категории, а также длительность расследования правонарушений банкротств. Кроме того, уровень криминалистического обеспечения процесса расследования в некоторых субъектах Российской Федерации не соответствует сложности и многогранности совершенных преступлений.

Вопрос о возбуждении уголовного дела зависит от объема криминалистически значимой информации, имеющейся на предварительном этапе проверки материалов. В соответствии с ч. 1 ст. 140 УПК РФ поводами для возбуждения уголовного дела являются: 1) заявление о преступлении; 2) явка с повинной; 3) сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников.

Как свидетельствует анализ судебной и следственной практики применительно к первому из приведенных поводов, информация, составляющая его, в большинстве случаев усматривается из заявлений конкурсного управляющего. Так, за период с 2005 года по 01.04.2019 года к уголовной ответственности привлечено: за преднамеренное банкротство — 10 субъектов; за мошенничество — 47 субъектов; за злоупотребление полномочиями — 23 субъекта; за присвоение или растрату — 27 субъектов; несколько субъектов были привлечены к уголовной ответственности за легализацию (отмывание) доходов, а также мошенничество в кредитной сфере [3].

Основным источником информации о преступлениях в сфере криминальных банкротств является конкурсный управляющий, однако такая информация может поступить от лиц, включенных в реестр требований кредиторов (как правило, это вкладчики), Центрального банка России, учредителей кредитной организации, федеральной налоговой службы, иных органов. При поступлении подобной информации в правоохранительные органы она исследуется на предмет наличия признаков преступления.

Применительно ко второму поводу источником информации о правонарушении при банкротстве, преднамеренном или фиктивном банкротстве кредитных организаций будет сообщение лица, данное им добровольно, без какого-либо принуждения. Существенным условием является то, что данное лицо не должно быть подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления, о котором заявляет.

Необходимо отметить, что ситуация, когда сам гражданин сообщает в органы внутренних дел о совершенном им преступлении в процессе банкротства кредитных организаций — явка с повинной, по исследуемым нами преступлениям не встрети-лась ни разу. С нашей точки зрения, крайне сложно представить лицо, предпринявшее действия по подготовке к совершению исследуемых нами преступлений, использовавшее для этого сложные схемы, дорогостоящие услуги консультантов, которое в один момент раскаялось в совершенных деяниях и явилось с заявлением о явке с повинной в дежурную часть органа внут-ренних дел.

Применительно к третьему поводу источниками инфор-мации о неправомерных действиях при банкротстве, фик-тивном или преднамеренном банкротстве являются:

1. Сообщения средств массовой информации. Следует за-метить, что статьи, заметки, письма, опубликованные в печати, на практике зачастую необоснованно игнорируются правоох-ранительными органами и как источники информации о го-товящемся или совершенном преступлении не принимаются во внимание. Однако публикации в периодической печати яв-ляются очень важным источником сведений, т.к. в них порой очень подробно описываются совершенные или совершаемые кредитной организацией неправомерные действия при бан-кротстве, а также действия, указывающие на преднамеренное или фиктивное банкротство и иные преступления, совер-шенные в совокупности.

В соответствии с ч. 2 ст. 144 УПК РФ по требованию проку-рора, следователя или органа дознания редакция, главный ре-дактор соответствующего средства информации обязаны пере-дать имеющиеся в их распоряжении документы и материалы, подтверждающие сообщение о преступлении, а также данные о лице, предоставившем указанную информацию, за исклю-чением случаев, когда это лицо поставило условие о сохранении в тайне источника информации [4].

2. Материалы подразделений по борьбе с экономическими преступлениями о факте преступлений, совершаемых в про-цессе банкротства кредитных организаций, оформляемые ра-портом. Данный вид источника информации появляется в ре-зультате оперативно-розыскных мероприятий, проведенных на территории кредитной организации, ее филиалов и представи-тельств.

С нашей точки зрения, сбор достаточного первоначаль-ного материала по факту банкротства кредитной организации, его тщательный анализ и проверка являются важнейшим фак-тором успешного расследования уголовных дел исследуемой категории. Как показывает практика, основными ошибками, совершаемыми органами предварительного следствия и до-знания при рассмотрении сообщений об исследуемых престу-плениях являются: 1) истребование не в полном объеме ком-плекса документов, необходимых для подтверждения события преступления, — 21%; 2) несвоевременное изъятие документов, которое привело к их утрате, — 28%; 3) несвоевременное на-значение либо неназначение необходимых проверок и ре-визий — 16%; 4) неправильное оформление сотрудниками ор-ганов дознания (подразделений по борьбе с экономическими преступлениями) изъятия документов и иных материалов —

6%; 5) отсутствие надлежащего взаимодействия оперативных и следственных органов — 18% и др.

Следует отметить, что в целях выявления и раскрытия фактов преступлений, совершаемых в процессе банкротства кредитной организации, оперативные подразделения органов внутренних дел должны осуществлять комплекс оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных законодательством Россий-ской Федерации. В стадии возбуждения уголовного дела об ис-следуемых преступлениях оперативные сотрудники службы по борьбе с экономическими преступлениями должны прово-дить обследование помещений, сооружений, наблюдение, ис-следование предметов и документов, опрос граждан, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования [2].

Информация о совершенном или готовящемся престу-плении может быть также получена из следующих источников: сообщений сотрудников кредитных организаций и иных кре-диторов; материалов ревизий, аудиторских проверок; мате-риалов проверок, поступивших из таможенных и налоговых органов; сотрудников Центрального банка РФ; материалов, по-ступивших от арбитражных управляющих; материалов, выде-ленных из других уголовных дел. Необходимо отметить, что указанный перечень источников, составляющих поводы для возбуждения уголовных дел по ст. ст. 195, 196 и 197 УК РФ, не является исчерпывающим.

Анализ уголовных дел исследуемой категории и опрос со-трудников, занимающихся раскрытием и расследованием данных видов преступлений, показали, что наиболее распро-страненными источниками информации о неправомерных действиях при банкротстве, фиктивном или преднамеренном банкротстве являются: заявления конкурсных управляющих — 57%; материалы оперативных разработок правоохранительных органов, в т.ч. основанные на результатах ревизий, аудиторских проверок — 28%; заявления учредителей и кредиторов банка — 15%.

Успешное и эффективное расследование преступлений, связанных с банкротством кредитных организаций, установ-ление виновных лиц и привлечение их к уголовной ответвен-ности во многом зависит от своевременного и обоснованного принятия решения, предшествующего первоначальному этапу расследования, поскольку уже на стадии возбуждения уголов-ного дела проявляются особенности, детерминирующие даль-нейший процесс расследования. Несвоевременное принятие такого решения в дальнейшем может задержать проведение не-отложных следственных действий, что в свою очередь влечет утрату вещественных доказательств.

Уголовные дела рассматриваемой категории подлежат воз-буждению при наличии законных поводов и оснований, указы-вающих на то, что неправомерные действия при банкротстве кредитной организации были сопряжены: 1) с сокрытием иму-щества банка, имущественных прав или имущественных обя-занностей, сведений об имуществе, его размере, местонахож-дении либо иной информации об имуществе, имущественных правах или имущественных обязанностях; с передачей имуще-ства во владение иным лицам, отчуждением или уничтожением имущества, а равно сокрытием, уничтожением, фальсифика-цией бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих

экономическую деятельность кредитной организации, если эти действия совершены при наличии признаков банкротства; 2) с неправомерным удовлетворением имущественных требований отдельных кредиторов за счет имущества должника — кредитной организации ее руководителем заведомо в ущерб другим кредиторам, если это действие совершено при наличии признаков банкротства; 3) с незаконным воспрепятствованием деятельности арбитражного управляющего либо временной администрации кредитной организации, в том числе с уклонением или отказом от передачи арбитражному управляющему либо временной администрации кредитной организации документов, необходимых для исполнения возложенных на них обязанностей, или имущества, принадлежащего юридическому лицу либо кредитной организации, в случаях, когда функции руководителя кредитной организации возложены соответственно на арбитражного управляющего или руководителя временной администрации кредитной организации.

Поводом для возбуждения уголовного дела о преднамеренном банкротстве является совершение действий, свидетельствующих о том, что имело место преднамеренное банкротство, то есть совершение руководителем или учредителем (участником) кредитной организации действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность данной организации в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. При фиктивном банкротстве кредитной организации устанавливается, что наличествовало заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем банка о его несостоятельности.

Следует отметить, что наличие признаков преднамеренного банкротства кредитной организации проводится путем анализа операций и сделок кредитной организации, повлекших суще-

ственные изменения в структуре и стоимости имущества (активов) банка. В случае обнаружения указанных признаков временная администрация должна направить в территориальное учреждение Банка России ходатайство о направлении Банком России в правоохранительные органы заявления о выявленных фактах.

Вместе с тем временная администрация вправе самостоятельно направить в правоохранительные органы указанное заявление, о чем должна проинформировать Департамент лицензирования деятельности и финансового оздоровления кредитных организаций Банка России и территориальное учреждение Банка России. При этом руководитель временной администрации обязан направить в арбитражный суд заявление о признании недействительной сделки кредитной организации, совершенной в течение трех лет, предшествовавших назначению временной администрации, если цена указанной сделки и иные условия существенно в худшую для кредитной организации сторону отличаются от цены и иных условий, при которых в сравнимых обстоятельствах совершаются аналогичные сделки.

Признаками преднамеренного банкротства кредитной организации могут быть: 1) конвертация учтенных банком высоколиквидных векселей крупных компаний на векселя фирм с низким уставным капиталом; 2) безосновательное перечисление денежных средств банка на счета сторонних организаций по договорам покупки векселей, эмитенты которых впоследствии не подтверждают выпуска данных ценных бумаг; 3) выдача необеспеченных кредитов финансово неустойчивым предприятиям; 4) выдача в массовом количестве потребительских кредитов физическим лицам по недействительным паспортам.

Таким образом, возбуждение уголовного дела является важнейшей стадией уголовного процесса.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ): федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ в ред. от 8 февраля 2020 г. // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2015. № 29 (часть I). Ст. 4393; 2020. № 8. Ст. 916.
2. Федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
3. Официальный сайт Центрального банка РФ. URL: <https://cbr.ru/credit/likvidbase/state14/> // О ликвидации кредитных организаций / Материал подготовлен Банком России и Государственной корпорацией «Агентство по страхованию вкладов».
4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации в редакции Федерального закона от 29 мая 2002 года / Под ред. АЛ. Сухарева — М., 2012. — С. 247.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 16 (306) / 2020

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 29.04.2020. Дата выхода в свет: 06.05.2020.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.